РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ЖИЗНИ

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

НАДЕЖДА ПЛЕВИЦКАЯ

ГАБРИЭЛЕ ГАСТ

АПИБИ ДЛЯ ВЕЛИКОЙ ПЕВИЦЫ

ЛЕОНИД МЛЕЧИН
АПИБИ ДЛЯ ВЕЛИКОЙ ПЕВИЦЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первая часть книги Л.Млечина «Алиби для великой певицы» (из серии книг «Супершпионки XX века») посвящена загадочной судьбе знаменитой русской певицы Надежды Плевицкой. Будучи женой одного из руководителей белогвардейской эмиграции, она успешно работала на советскую разведку.

Любовь и шпионаж — главная тема второй части книги. Она повествует о трагической судьбе немецкой женщины, которая ради любимого человека пошла на предательство, была осуждена и до сих пор находится в заключении в ФРГ.

- Леонид Млечин
  - Алиби для великий певицы
  - Танец с генералом
- notes
  - 1

Леонид Млечин
Алиби для великой певицы

Алиби для великий певицы

Князь не был в Москве ровно десять лет. Зимой 1919 года он бежал из Первопрестольной. Голодный и несчастный, долго пробирался на Юг, чтобы укрыться на территории, занятой Добровольческой армией. Несколько месяцев почти спокойно провел в Крыму, в Симферополе.

Пока Красная Армия не форсировала Сиваш, он еще верил, что вернется в Первопрестольную. Потом эта надежда исчезла. Казалось, навсегда. И все-таки он увидел Москву!

Со своими книгами, газетами, не вместившимися ни в сумку, ни в портфель, высокий, с горделивой осанкой, князь резко выделялся среди суетливой вокзальной публики. Семен Костров, встречавший поезд, увидел и узнал князя раньше своих многочисленных сотрудников, у каждого из которых была розданная накануне в отделе фотокарточка, пересланная из Парижа.

Костров поймал себя на том, что его больше интересует не сам князь, а его книги. Что же читал парижский князь? Приблизившись, Костров попытался разобрать названия. К его удивлению, в основном это были стихи.

В поезде князь листал купленные в пути сборники стихов, несколько новых романов, критические монографии. Он думал о своих студентах. В отличие от других профессоров, для которых русская литература закончилась в 1917 году или, в лучшем случае, продолжилась в эмиграции, князь рассказывал своим студентам и о советской литературе.

Обилие книг в багаже князя удивило Кострова. Стихи как-то не вязались с образом тайного агента, шпиона, выполняющего свою миссию с риском для жизни. Люди, которые любят стихи, не годятся для такого дела.

Костров недоуменно пожал плечами и пошел к ожидавшей его машине. Когда же он сам в последний раз держал в руках книжку стихов? И кто из поэтов это был? Лермонтов? Маяковский?

Он думал о том, что его поколение не имело среди поэтов ни кумира, ни властителя дум. Его сверстники духовно сложились раньше, чем вхутемасовцы стали декламировать «Левый марш» Маяковского и сам поэт превратился в любимца значительной части молодежи.

Его ровесники — «первые люди века», как острил когда-то критик Малахов, рожденные в пятилетие между 1899 и 1903 годами, начинали жизнь в красногвардейских отрядах.

Подавляющее большинство вступило в партию на фронте. Многие из них искренне любили литературу. Они сразу признали поэму «Двенадцать», но Блок все же казался им слишком рафинированным. Есенин обрел известность, когда они — в двадцать два, двадцать три года — уже отвоевались, считали себя мужами зрелыми, которые даже в поэтических склонностях должны проявлять сдержанность.

Пестрота литературных группировок первых революционных лет формировала их настороженность. Может быть, в их отношении к поэтам и поэзии сказывался естественный инстинкт самосохранения. Воспитанные на Пушкине, Лермонтове, Некрасове, они накануне революции познакомились с Бальмонтом, Северянином, Сологубом и Гумилевым. Читали их, отдельные стихотворения заучивали, но все эти поэты, даже Блок, казались далекими и чужими.

Модные поэты манили и отпугивали одновременно. Они звучали увлекательно, но не всегда внятно, как музыка за окнами богатого особняка, плотно зашторенными от взора улицы. Они были улицей, они чувствовали, что эта поэзия им чужда, если не враждебна.

Князь, пробиравшийся через вокзальную толпу, и не подозревал, что стал причиной неожиданных размышлений о современной поэзии и революционных поэтах. Его самого интересовала только Москва, незабываемая Москва, город его юности.

Князь всегда избегал политики. В Екатеринодаре, где находились учреждения Добровольческой армии, управлявшие Югом России, он согласился участвовать в трудах ведомства народного просвещения. Но его услугами практически не успели воспользоваться. Красная Армия наступала, а князь отступал вместе со всеми сначала в Крым, затем в Галлиполи.

В эмиграции князю было легче, чем другим русским: в Париже с предвоенных времен жила его сестра, вышедшая замуж за крупного французского издателя. Князь получил предложение читать курс русской литературы в Сорбонне.

Князь сторонился эмигрантских политиков, генералов из Российского общевоинского союза. Да и они относились с некоторым сомнением к князю, который считал необходимым рассказывать своим студен там о новинках советской литературы и даже находил у некоторых коммунистических писателей литературное дарование.

В конце декабря 3 928 года к князю неожиданно обратились два человека, которым он не сумел сказать «нет». Они пришли поздно вечером, без предупреждения.

Князь с трудом узнал в одном из них пожилого офицера контрразведки Добровольческой армии, которого часто встречал в Екатеринодаре. Они коротко представились:

— Полковник Обухов.

— Капитан Ларионов.

Князь проводил их в небольшую комнату, которая служила ему и кабинетом, и гостиной. От чая и кофе гости отказались. Они были серьезны и сосредоточенны. Князю стало немного стыдно за свою вольную преподавательскую жизнь. «Наверное, я плохой русский», — подумал он. Есть же люди, которые и в эмиграции продолжают думать о России, а не о собственном благополучии.

— Князь, мы пришли к вам с просьбой и предложением, — заговорил полковник Обухов.

Он произносил слова очень тихо, и князь вытянулся в его сторону, чтобы лучше слышать. Обухов сидел неестественно прямо, и князь решил, что у полковника, должно быть, поврежден позвоночник.

— Князь, не согласитесь ли вы поехать в Совдепию? — так же тихо и безэмоционально спросил полковник, как будто бы он приглашал собеседника на пикник в загородный дом.

— Но как это возможно? — поразился князь.

— В России есть люди, — сказал полковник, — которые гарантируют безопасность вашего путешествия. Мы переведем вас через границу, а дальше они возьмут вас под свою опеку. Отвезут в Москву, неделю там и назад. У них достаточно мощная организация — это русские националисты, которые ненавидят коммунистов.

Князь не знал, что ответить.

— Почему вы хотите, чтобы поехал именно я? У меня нет опыта конспиративной деятельности. Я даже не служил в армии, если вам это неизвестно.

Ничего нельзя было прочитать на непроницаемом лице полковника. Он курил, аккуратно стряхивая пепел в антикварную пепельницу.

— Нам это известно, — продолжал полковник. — Я буду с вами откровенен. Вы же знаете, Париж полон чекистских агентов. Нам бессмысленно переходить границу — ГПУ всех нас знает в лицо. Нужен человек, которым чекисты никогда не интересовалась. А вы политикой не занимались, и ваших фотографий у них нет. Вы проедете пол-России и благополучно вернетесь.

— Мы не просим ответа немедленно, — добавил капитан Ларионов. — Только, пожалуйста, никому ничего не говорите,

даже самому доверенному человеку. Если вы откажетесь, поедет кто-то другой. Надо позаботиться о его безопасности.

— Не беспокойтесь, господа, я все понимаю, — как-то растерянно ответил князь.

Офицеры поднялись.

— Подождите, — остановил их князь. — А что я должен буду сделать в России?

— Поговорить с несколькими людьми из подпольной организации, которая вступила с нами в контакт, — ответил полковник Обухов. — Никаких конспиративных бесед. Просто посмотрите, что это за люди, можно ли им доверять. Нам важно знать, какое впечатление они на вас произведут. Мы доверимся вашей оценке. Кроме того, вы увидите, что происходит в России. Газеты — ненадежный источник информации. Мы надеемся, вы почувствуете настроения людей: чего они хотят, чем заняты их мысли. От этого будут зависеть наши планы.

Польско-советскую границу князь перешел, держась за руку своего проводника, угрюмого, бородатого украинского крестьянина, который даже не назвался. Он презрительно осмотрел князя с ног до головы и всю дорогу что-то бурчал себе под нос.

Около часа они шли по тропе, пока не вышли к опустевшему хутору, где князя ждал человек из подпольной организации, приехавший за ним из Москвы. У него были документы для князя, новая одежда, советские деньги. На подводе они добрались до железнодорожной станции, где стали дожидаться поезда.

Князь не узнавал родную страну и жадно впитывал в себя впечатления от Советской России. Он хотел бы кое-что записывать для памяти в блокнот, побоялся привлечь к себе внимание. Он с некоторым испугом поглядывал на милиционеров и военных в незнакомой форме, крепко держал в руке сумку — ему сказали, что в России процветает воровство.

Князь и не подозревал, что ни милиционеры, ни карманники ему не опасны. Его охраняли лучше, чем члена Политбюро. С того момента, как он пересек границу, его передавали из рук в руки оперативники контрразведывательного отдела Государственного политического управления Украины.

Полковник Обухов ничего не стал объяснять безмерно наивному князю. Полковник не поверил людям, которые обратились к нему из Советской России, утверждая, что они представляют хорошо законспирированную подпольную организацию, готовящую свержение большевиков.

— Я не думаю, что сколько-нибудь значительная организация в сегодняшней России способна избежать внимания чекистов, —

говорил он капитану Ларионову, когда они возвращались от князя.

— Но эта организация связана с Богомольцем в Бухаресте, — возразил капитан. — Он давно с ними работает и им доверяет.

Богомолец был резидентом английской разведки и Румынии. Он давал деньги русским эмигрантам, которые проникали на территорию Советского Союза.

— Богомолец плохо понимает, что происходит в России. Чекисты контролируют всю страну, и я не верю людям, которые с такой легкостью появляются на Западе и рассказывают нам об успехах своих подпольщиков.

— Зачем же вы согласились послать к ним человека? — удивился Ларионов.

— Во-первых, я могу ошибаться, — улыбнулся полковник Обухов. — И рад буду в этом убедиться. Во-вторых, наша с вами работа оценивается количеством заброшенных на сторону агентов. В-третьих, если и эта организация — плод работы чекистов, то неплохо выяснить, чего они хотят. В конце концов, князь не наш человек. Даже если чекисты его заберут, потеря невелика.

Капитан Ларионов не стал продолжать. Его вообще интересовала только террористическая работа. Польская, финская, румынская разведки давали им деньги, документы, оружие, пропускали через границу отнюдь не бескорыстно. За все приходилось платить информацией. Ее могли добыть только агенты, проникавшие в Советскую Россию.

Бывшие офицеры Добровольческой армии, совершавшие рискованные путешествия вглубь СССР, не знали, что копии их донесений полковнику Обухову приходилось раздавать нескольким европейским разведкам. Если князь вернется, думал полковник, его отчет окупит все, что поляки передали им за последние месяцы.

Князь должен был вернуться. Мифическую подпольную организацию, которая пригласила представителя белой эмиграции на переговоры, украинское ГПУ создавало в расчете на крупную добычу. ГПУ хотело выманить на свою территорию кого-нибудь из лидеров эмиграции Князь был не той фигурой, которая годилась для отчета в Политбюро ЦК ВКП(б) об успешно проведенной операции.

Полковник Обухов был прав в своем скептицизме. В Советской России не существовало антисоветского подполья. Все многочисленные подпольные организации, которые отправляли гонцов на встречу с эмиграцией, предлагая объединить усилия в борьбе с большевика ми, были придуманы Объединенным

государственным политическим управлением.

Планом, разработанным совместно контрразведывательным и иностранным отделами ГПУ Украины и утвержденным председателем ОГПУ Вячеславом Рудольфовичем Менжинским, предусматривалось благополучно переправить князя назад через границу. Успех его миссии открывал возможности для длительной игры с эмигрантскими группами.

Но в последних числах января 1929 года бывший офицер Добровольческой армии выстрелил в Белграде в сотрудника советского полномочного представительства и тяжело его ранил.

На следующее утро председателя ОГПУ вызвал к себе Сталин. В кабинете генерального секретаря ЦК ВКП(б) сидели наркомвоенмор Клим Ворошилов и секретарь ЦК Лазарь Каганович. Оба они были чем-то взбудоражены и даже не ответили на приветствие Менжинского, который не получил приглашения присаживаться и продолжал стоять возле двери.

Председатель ОГПУ понял, что перед его приходом состоялся крупный разговор. Менжинскому оставалось только гадать — имел этот разговор отношение к нему или нет.

Наконец Сталин повернулся к Менжинскому.

— Как могло произойти, что вы не сумели уберечь нашего дипломата в Югославии? Почему белые бандиты чувствуют себя безнаказанно? Сколько раз Центральный Комитет указывал вам, что главная задача ОГПУ — борьба с террористами и бандитами из среды белой эмиграции!

Раскрасневшийся, злой Клим Ворошилов влез в разговор:

— Это же в нашего работника стреляли! Парень из разведупра, — пояснил нарком Сталину.

Разведупр — так сокращенно именовалась военная разведка, разведывательное управление штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

— Гражданскую прошел, а в мирное время получил пулю, — продолжал возбужденно говорить Ворошилов. — Белую армию разгромили, а с какими-то недобитками справиться не можем. Такой аппарат в ОГПУ содержим, а где результаты?

Лазарь Каганович тоже добавил:

— Надо еще посмотреть, кто там работает в иностранном отделе ОГПУ. Какие-то сомнительные люди, всю жизнь за границей, с маленьким партстажем. Когда у вас происходила чистка в аппарате, вы же их не вызывали в Москву, верно, товарищ Менжинский? Они у вас проскочили без всякой проверки, так?

Менжинский слушал членов Политбюро молча, мрачнел, но не возражал.

Сталин не обратил внимания на слова своих соратников:

— Центральный Комитет обязывает вас, товарищ Менжинский, немедленно найти достойный ответ на бандитскую вылазку белых бандитов. Можете идти.

Войдя в свою приемную, Вячеслав Менжинский приказал секретарю вызвать начальника иностранного отдела.

— На месте только Шувалов, — доложил секретарь.

Через пять минут Мирон Борисович Шувалов, исполнявший обязанности заместителя начальника иностранного отдела, стоял в небольшом кабинете председателя ОГПУ.

— Кого из крупных белых мы можем взять сейчас, немедленно? — без предисловий спросил Менжинский.

— Таких возможностей у нас нет, Вячеслав Рудольфович, — хладнокровно ответил Шувалов.

В гражданскую он был начальником особого отдела нескольких армий и привык с любым начальством разговаривать на равных.

— Ликвидацию надо готовить несколько месяцев, — объяснил Шувалов.

Менжинский задумался.

— А на нашей территории кто-нибудь из белых есть?

— Серьезной фигуры ни одной.

Менжинский придвинул к себе папку со спецдонесениями секретно-политического отдела:

— Через десять минут явитесь с предложениями.

Судьба князя была решена. Других кандидатур Шувалов не нашел.

В тот день князь сошел с харьковского поезда в Москве. Он уже немного освоился в Советской России, чувствовал себя уверенно, купил на вокзале «Известия» и «Вечер ку» и вместе со своим любезным и неутомимым спутником отправился в столовую.

Еда была плохая, и князь в основном сосредоточился на газете.

Не без изумления читал он в «Известиях» объявления о том, что Антон Фролов, уроженец Самарской губернии, поменял имя на Константин, Мартемьян Круглов — на Владимира. Василиса Федоровна Захарова стала Серафимой. Иван Сергеевич Кривошляпов пожелал отныне быть Сергеевым. Николай Петрович Засеркин — Смолкиным. Фекла Александровна Струнькина пожелала быть Фаиной, а Александр Константинович Петручук — Петручуком-Богдановским.

В первую очередь князя интересовали литературные новости. «Вечерняя Москва» печатала разгромную статью о положении в

Союзе писателей:

«Изнутри и снаружи медленно, но упорно подтачивались стены, которыми окружил себя Всероссийский союз писателей от нашей современности, от социалистического строительства, от борьбы рабочего класса.

Уже самый факт того, что на двенадцатом году революции существовала организация, значительная часть которой, во главе со своим руководством, упорно отмежевывалась от современности, маскируясь нейтральностью, политической бездарностью писателей вообще и тому подобными «теориями», свидетельствует о том, что в этой организации господствовал затхлый, реакционный дух.

Восемь месяцев назад мы предупреждали Пильняка, что путь, избранный им, ведет от революции, что Пильняк идет проселками, чуждыми и гибельными для советского писателя.

Намеченная собранием чистка Союза будет вторым шагом по этому пути. Из рядов Союза должно быть выметено все антисоветское, все реакционное. Союз должен освободиться от мертвого груза, от случайных людей, усердно захлопывающих все окна, через которые ураган эпохи врывается в жизнь Союза.

Союз писателей должен стать Союзом Советских писателей».

Князь несколько дней добирался до Москвы, на каждой станции покупал местную газету и уже привык к разносному тону советской журналистики.

Бориса Пильняка князь знал, собирал его книги и советовал их читать своим студентам в Сорбонне.

На что еще обратил внимание князь, читая свежий номер советской газеты?

«Вечерняя Москва» опубликовала письмо читателя, возмущенного тем, что Страстная площадь до сих нор называется именем религиозного праздника: «Следовало бы переименовать ее в Пушкинскую площадь».

В 1-м Художественном кинотеатре Совкино, в кино на Малой Дмитровке и в «Уране» на Сретенке во вторник 19 февраля была обещана премьера грандиозной картины «Мятеж» — историческая драма по повести Дмитрия Фурманова.

Книгу Фурманова о Чапаеве князь прочитал, но она ему не понравилась.

Через полчаса, когда он выходил из столовой, его арестовали.

Через месяц в газетах появился отчет о судебном процессе над князем, белоэмигрантским наймитом польской разведки. Князь был приговорен к смертной казни.

В последний день судебного заседания проект приговора Сталину докладывали Менжинский и прокурор. Утвердив

приговор, Сталин задержал председателя ОГПУ:

— В вашем деле, как и в медицине, нужно лечить не симптомы, а причины болезни. Хватит возиться с бандитами, которые просачиваются через границу. Нужно уничтожать террористические центры белой эмиграции. Кто является ключевой фигурой эмиграции, кто посылает к нам убийц и диверсантов?

— Генерал Кутепов, председатель Российского общевоинского союза, — ответил Менжинский.

Разработку операции Шувалов поручил начальнику отделения Семену Кострову.

— Готовь все в расчете на себя, — сказал Шувалов. — Переведем тебя на закордонную работу через Египет. Из Каира легко попасть в Лондон, а оттуда в Париж.

25 января 19.30 года проживавший в Париже на улице Руссель русский эмигрант получил короткую записку с предложением о встрече. Записка была прочитана и тут же уничтожена. Получивший ее после минутного размышления согласно кивнул, и принесший записку покинул небольшую квартиру на четвертом этаже дома № 26 по улице Руссель, избежав встречи с кем-либо из домочадцев.

Для этого не требовалось особого умения. Хозяин дома не посвящал в свои дела даже самых близких людей. Правила конспирации были для него превыше всего. Жене полагалось знать только то, что муж считал нужным говорить сам.

Они прожили здесь шесть лет. На следующий год после переселения на улицу Руссель у них родился сын Павел, украсив их новую жизнь. Все эти годы вместе с ними жил денщик.

Впрочем, никаких денщиков, конечно же, хозяину дома не полагалось, потому что более не существовало армии, где он когда-то дослужился до генеральских эполет. Но сам хозяин, вынужденно сняв форму, продолжал числить себя на военной службе и даже пытался вести собственную войну с теми, кого считал своими злейшими врагами и погубителями родины.

Как бы то ни было, денщик Федоров предпочел остаться с генералом и выполнял обязанности уборщицы, кухарки и состоял нянькой при маленьком Павле, словом, был прислугой за все. Только от роли швейцара он был избавлен. Дверь открывал сам генерал. Он не хотел, чтобы кто-нибудь видел его частых посетителей. И, когда к нему кто-то приходил, даже жене запрещалось входить в кабинет.

Воров и грабителей хозяин, как человек военный, не боялся. У него, конечно же, были опасные враги, поэтому его соратники — бывшие русские офицеры, осевшие в Париже, пытались

охранять своего командира генерала Кутепова.

В 1928 году, после смерти генерала Врангеля и великого князя Николая Николаевича генерал Александр Павлович Кутепов возглавил Русский общевоинский союз, объединивший остатки Добровольческой армии.

Русские офицеры, работавшие в Париже таксистами, но очереди возили и охраняли своего генерала.

Его возили, сменяясь, 33 водителя такси — бывшие офицеры, — по одному человеку на каждый день месяца и трое в резерве. Но это была не постоянная, не круглосуточная охрана. Офицеры сопровождали генерала в тех случаях, когда можно было ожидать каких-то неприятностей. Профессиональных телохранителей, которые бы постоянно окружали Кутепова, у него не было.

Записка, полученная генералом 25 января, не сулила никаких неприятностей. Намеченная на воскресенье встреча даже не нарушила обычный распорядок дня Кутепова.

В воскресенье в 11 часов утра Кутепова ждали на панихиде по генералу Каульбарсу в церкви Галлиполийского союза на улице Мадмуазель, 81. К обеду он просил ждать себя к половине первого.

А после обеда Александр Павлович собирался поехать с женой и сыном за город, чтобы осмотреть виллу, которую они предполагали снять.

Педантичный, скрупулезно точный, никогда не опаздывавший Кутепов вышел из дома ровно в половине одиннадцатого. Идти ему было не больше двадцати минут. Ему надо было выйти на улицу Севр, пересечь бульвар Инвалидов и пройти по улице Лекурб.

Короткая встреча, на которую его пригласили накануне, была назначена на трамвайной остановке на улице Севр. Кутепов появился на остановке точно в срок, но назначивший ему встречу не явился.

Против обыкновения Кутепов решил немного подождать. Ему было важно поговорить с автором записки, который обещал солидную материальную помощь Российскому общевоинскому союзу. А РОВС, как, впрочем, и вся эмиграция, ни в чем так не нуждался, как в деньгах.

Но щедрый меценат так и не появился. Больше пятнадцати минут Кутепов не мог позволить себе ждать. По улице Удино он пошел в сторону бульвара Инвалидов. Погруженный в свои мысли, он ничего не замечал. Ни две странно замершие в неудобном для стоянки месте легковые машины с пассажирами, ни полицейского, который прежде здесь никогда не стоял.

А ведь Кутепов ходил по этой дороге в церковь каждое воскресенье и мог бы обратить внимание на странно напряженного полицейского, не очень похожего на вальяжных парижских ажанов. Впрочем, в предшествовавшие этому воскресенью дни полицейский несколько раз появлялся на перекрестке, и местные жители, приятно обрадованные заботой префектуры, уже успели к нему привыкнуть.

Когда Кутепов поравнялся с одной из двух легковых машин, из нее одновременно вышли два человека и остановили генерала. Один из них повелительным тоном сказал генералу, который давно не надевал формы:

— Господин Кутепов? Мы из полиции. Вам придется поехать с нами в префектуру. Вопрос важный и не терпит отлагательства.

Кутепов, плохо говоривший по-французски, не оценил безупречности произношения советского разведчика, которого в парижской резидентуре называли «товарищ Михаил». Он провел в Париже последние три года и хорошо говорил по-французски.

«Михаил», работавший под крышей советского полпредства, обеспечил техническую сторону операции — автомобили, оружие, полицейскую форму, хлороформ. Он же организовал слежку за Кутеповым, чтобы выяснить его привычки, а также тщательно изучил распорядок дня обитателей дома № 26 по улице Руссель.

Кутепову показалось странным, почему полиция приглашает его таким странным образом, тем более в воскресенье. Русский общевоинский союз старался поддерживать наилучшие отношения с префектурой полиции, но для французов, понимал Кутепов, русские офицеры все равно оставались нежелательными иностранцами.

К тому же эмиграция была источником постоянных неприятностей. Советские дипломаты не упускали случая выговорить французам за то, что они предоставляют убежище враждебным для СССР организациям. Да и среди самих эмигрантов то и дело возникали какие-то скандалы. Парижским полицейским приходилось мириться с их присутствием, но симпатии к русским они не испытывали.

Секунду Кутепов колебался. Но фигура полицейского в форме снимала все сомнения. Ссориться с полицией генералу не хотелось. Кутепов кивнул.

Дверца была предусмотрительно распахнута, Кутепов уселся на заднее сиденье, и машина рванула с места. Генерал не оглянулся и потому не увидел, как полицейский внезапно решил покинуть свой пост. Он уселся во вторую машину, которая устремилась вслед за первой.

Кутепов сидел молча, не пытаясь расспрашивать своих

спутников. Он справедливо считал их простыми исполнителями.

Он равнодушно смотрел в окно. Машина ехала по хорошо знакомым ему после стольких лет в Париже улицам, сворачивая с одной на другую — водитель проверял, нет ли за ними «хвоста».

Кутепов не мог понять, почему водитель выбрал такой странный маршрут. Но когда машина стала удаляться от центра Парижа и показались южные пригороды, генерал нахмурился.

— Куда мы едем? — спросил он по-французски, тщательно выговаривая каждое слово.

Сидевший рядом с водителем немолодой человек оглянулся.

— Можете говорить по-русски, — сказал он. — Мы сотрудники Объединенного государственного политического управления СССР. Все, генерал, вы отвоевались.

Двое оперативников навалились на Кутепова, ловя руки и затыкая ему рот.

В Москве в тесном кабинете помощника начальника иностранного отдела ОГПУ на Лубянке сидели сотрудники отделения, занимавшегося русской эмиграцией.

Курьер только что принес телеграмму из Харькова — там, в столице Советской Украины, разместилось и республиканское государственное политическое управление.

В секретной телеграмме, подписанной начальниками контрразведывательного и иностранного отделов ГПУ Украины, говорилось:

«Вы обратились к нам с просьбой подыскать сотрудника, который мог бы выполнять работу в Югославии. Мы решили рекомендовать вам для этой цели нашего секретного сотрудника «Сильвестрова». Последний является проверенным человеком, весьма толковым, решительным и настойчивым. О вашем решении просим срочно нас известить, так как, если вы не найдете возможным использовать «Сильвестрова» по Югославии, мы отправим его на другую работу».

Даже в шифровках, которыми обменивались между собой различные управления ОГПУ, было запрещено называть подлинные имена агентов и сотрудников.

— Кто такой этот «Сильвестров»? — спросил Семен Костров, новый начальник отделения.

— Петр Георгиевич Ковальский, бывший белый офицер.

— Стоящий работник? Или харьковские ребята сплавляют его нам по принципу: на, боже, что нам негоже?

П. Ковальский

В иностранном отделе появилось много новых людей, которые плохо знали, что было до них.

— Два года назад Ковальского использовали в Румынии, — объяснил помощник начальника иностранного отдела. — Украинский ИНО начал операцию, которую мы потом доводили.

По мнению иностранного отдела ОГПУ, операция была почти такой же успешной, как и знаменитый «Трест». Украинские чекисты тоже создали мнимую монархическую организацию. Во главе поставили своего закордонного сотрудника по имени «Леон», который быстро вошел в доверие к русским эмигрантам.

Русская эмиграция и иностранные разведки, которые пытались понять, что происходит в Советской России, с поразительным легкомыслием принимали на веру все, что им рассказывали секретные сотрудники иностранного отдела, выдававшие себя за скрытых монархистов или националистов, готовивших свержение большевиков.

И эмигранты, и разведчики были уверены, что в Рос сии есть, не может не быть организованного сопротивления большевикам.

В Бухаресте «Леон» сумел подобраться к резиденту английской разведки Богомольцу и пользовался его расположением. Но после покушения на советского дипломата в Белграде было решено в ответ судить и расстрелять кого-то из эмигрантов. Под рукой оказался далекий от политики князь,

последний представитель древнего дворянского рода, которого от имени мифической монархи ческой организации пригласил в Россию «Леон».

Князя перевели через границу и сопровождали замаскированные сотрудники ГПУ Украины, но наивный князь об этом не подозревал. В Москве князя арестовали и расстреляли.

Как и следовало ожидать, у Богомольца возникли подозрения, потому что поездку князя в Советскую Россию организовал «Леон». Румынская разведка и монархисты в Бухаресте стали поговаривать, что «Леон», возможно, связан с ОГПУ.

Для того, чтобы спасти «Леона» и — главное — монархическую организацию, через которую украинское ГПУ внедряло свою агентуру в среду эмиграции, харьковское управление инсценировало исчезновение «Леона». Он воспользовался поручением «Богомольца» пробраться в Туркестан и исчез…

— А где сейчас «Леон»? — спросил Костров.

— В Ленинграде. Для закордонной работы больше не годится. Вот харьковчане и попытались заменить «Леона» Петром Ковальским. Послали его в Бухарест как бы выяснить судьбу «Леона». Ковальский пришел к Богомольцу и стал задавать вопросы: вот вы куда-то послали «Леона», где он? Но Богомолец после истории с князем, видимо, отнесся к новому человеку с сомнением.

В иностранном отделе прочитали все дела, связанные с Богомольцем, и не могли решить, насколько хорошо Ковальский справился со своим делом.

Петра Ковальского трижды подсылали к Богомольцу. Явного недоверия Богомолец не выказывал, но с наиболее активными монархистами, как о том просил Ковальский! не свел. Требовал для начала разведывательной работы внутри СССР. По приказу из Харькова Ковальский картинно рассорился с Богомольцем и вернулся домой.

— А он не засвечен? — насторожился Костров.

— Украинский ИНО утверждает, что Богомолец никаких мер против Ковальского не принимал. По мнению харьковчан. Богомолец относился к нему с некоторым недоверием, но конкретных данных о сотрудничестве Ковальского с ГПУ у него нет и быть не может. После неудачной командировки в иностранный отдел ГПУ Украины Ковальского за кордон не отправлял, использовал внутри Союза. В Харькове считают, что Ковальского стоит посылать за кордон. Так брать Ковальского или не брать?

— Надо вызывать его в Москву и с ним разговаривать, — решил Костров. — Есть указание усилить работу' против эмиграции. Нам нужны вербовщики, много вербовщиков.

— Сможет ли он быть вербовщиком — вот в чем вон рос, — заметил кто-то.

После совещания помощник начальника иностранного отдела написал на бланке шифротелеграмму начальнику контрразведывательного отдела ГПУ Украины в Харьков:

«По закордонной работе «Сильвестров» нам известен, и посылка его за границу в принципе желательна. Но при этом необходимо учесть, что командировка его преследует совершенно определенную цель — вербовку. В связи с этим следует выяснить, насколько объективно и субъективно он соответствует этой задаче.

Имеющиеся у нас сведения о «Сильвестрове» и присланная вами его автобиография не дают достаточно материала для определения его возможностей за кордоном. В своей автобиографии он не дает фамилий лиц из своего ближайшего окружения в прошлом. Между тем эти указания помогли бы нам предварительно хотя бы в общих чертах ориентироваться в возможной обстановке и связях «Сильвестрова» после его выезда за границу. Просьба поэтому подробнее опросить «Сильвестрова» о его прежних знакомствах.

Кроме того, и с нами, и, насколько можно заключить, с вами он работал в качестве агента. Был ли он проверен вами в качестве вербовщика? Эти сведения о «Сильвестрове» просьба прислать дополнительно.

Помощник начальника ИНО ОГПУ_»

Среди русских в Париже царил переполох. Никто не мог понять, куда исчез генерал Кутепов?

Соратники Кутепова, тщетно прождавшие генерала в Галлиполийской церкви, в конце концов позвонили ему домой. Но домой генерал не вернулся — его жена была в панике.

Подозревая несчастный случай, начальник контрразведки французского отделения Российского общевоинского союза Зайцев обратился в полицию. Вместе с полицейским он весь день ездил по парижским госпиталям и моргам.

Генерал Кутепов был одним из самых заметных русских в Париже, и к поискам присоединилось множество добровольцев. На ноги была поставлена французская полиция.

Один человек видел, как неподалеку от дома генерала трое человек, один из них в форме полицейского, посадили в машину пожилого человека. Возможно, это был Кутепов. Парижские газеты были возмущены, писали, что Кутепов был другом

Франции, председателем союза бывших русских фронтовиков. Но дальнейшие поиски оказались безуспешными. Генерал словно испарился…

Для Российского общевоинского союза настали трудные времена.

Александр Павлович Кутепов без преувеличения считался мозгом РОВС, главным генератором идей и бесспорным вождем эмигрантского офицерства, особенно молодежи. Ему было 48 лет — хороший возраст, уже накоплен опыт, но еще есть силы, и многое можно сделать.

РОВС держался на его энергии, инициативе и личном авторитете. Кутепов сам руководил всей боевой и разведывательной работой РОВС, которая так тревожила Москву.

Первый председатель РОВС генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель, считавший войну с большевиками проигранной, не одобрял террористические операции Кутепова. После смерти Врангеля председателем РОВС на короткое время стал великий князь Николай Николаевич. В 1928 году Кутепов, наконец, возглавил РОВС и тогда уже развернулся по-настоящему.

Переехав в Париж, Кутепов сразу приступил к созданию боевых групп для нелегального проникновения на территорию СССР. В приказе по РОВС, который Кутепов подписал через четыре дня после смерти великого князя Николая Николаевича, говорилось: «Пусть каждый воинский чин помнит, что раз поднявши меч, опустить его не может, ибо меч наш карает неправду, насилие и зло, царящие в России».

Кутепов, человек властный и деспотичный, хотел превратить РОВС из клуба ветеранов, вспоминающих былые битвы, в боевую организацию. Кутепов полагал, что война с захватившими власть большевиками должна продолжаться. Он верил, что большевики в Москве долго не продержатся, что народ их свергнет. Надо было просто помочь организовать внутреннее сопротивление большевистской власти.

Русский общевоинский союз Москва считала источником постоянной опасности. Агентурные данные свидетельствовали: стратегическая цель руководства РОВС — вооруженное выступление против советской власти.

Конечно, в 1930-м рассеянные по Европе остатки Добровольческой армии лишь с большой натяжкой можно было рассматривать как непосредственную угрозу для страны. Но в Москве по-прежнему полагали, что в случае большой войны в Европе противник (или противники) Советского Союза неминуемо обратятся за помощью к белогвардейцам.

Руководство РОВС и в начале 30-х годов не отказалось от

своей стратегической цели — вооруженным путем свергнуть советскую власть. РОВС рассчитывал на скорую войну в Европе, когда противники Советского Союза призовут под свои знамена полки Добровольческой армии. Ее структура была сохранена и в эмиграции.

Бывшие офицеры считали себя находящимися на военной службе, даже если они давно уже работали таксистами. Молодые офицеры вечерами и в воскресные дни проходили переподготовку, изучали боевые возможности Красной Армии, ситуацию в СССР.

Кроме того, руководство РОВС попыталось организовать террористические акты внутри Советского Союза. Взрывчатка, оружие, снаряжение забрасывались через границу — чаще всего финскую, румынскую или морским путем.

Подготовкой террористических групп занимались отделы РОВС во Франции, Болгарии и Югославии. Террористическим группам оказывали содействие 2-й отдел генерального штаба французской армии, польская дефензива, румынская сигуранца, финская контрразведка. За всем этим, по информации ОГПУ, стоял генерал Кутепов.

Александр Павлович Кутепов родился в Череповце, гимназию закончил в Архангельске, юнкерское училище — в Петербурге.

«Сын скромного лесничего, молодой подпоручик Александр Павлович Кутепов во время русско-японской войны за боевые заслуги был переведен в лейб-гвардии Преображенский полк, — писала парижская газета «Русская мысль». — Будучи три раза ранен на германском фронте, сражаясь в этом полку, Кутепов стал его последним командиром в 1917 году».

Оказавшись случайно, будучи в отпуске, в Петрограде в дни февральской революции, полковник Кутепов не воспользовался возможностью тут же вернуться на фронт, к себе в полк.

Когда растерявшийся командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов поручил ему очистить от восставших Литейный проспект, поставив его во главе сборного отряда из нескольких рот, надерганных из разных запасных батальонов, Кутепов принял этот отряд под свою команду.

Отряд полковника Кутепова был единственным, первоначально действовавшим не без успеха. Но к концу дня 27 февраля он оказался изолированным и потерял связь со штабом округа. Тогда часть отряда укрылась в здании миссии Красного Креста, другая смешалась с нахлынувшей толпой.

Александр Солженицын, посвятив действиям отряда Кутепова несколько глав в третьей части своей эпопеи «Красное колесо» — «Марте Семнадцатого», приходит к выводу, что Кутепову удалось

сделать «немного, но если бы из тысяч офицеров, находящихся тут, еще хотя бы сто сделали по столько же, то никакая революция бы не произошла».

В декабре 1917 года Кутепов вступил в Добровольнее кую армию и ушел в ее первый Кубанский поход командиром третьей роты 1-го офицерского полка.

Перед самой смертью в марте 1918 года генерал Лавр Георгиевич Корнилов назначил Кутепова командиром ударного полка.

В генералы Кутепова произвел Антон Иванович Деникин. Кутепов со своей дивизией взял Новороссийск и некоторое время оставался в городе генерал-губернатором. Большевики обвиняли его в жестоких репрессиях против населения в бытность генерал-губернатором.

Вскоре Деникин назначил Кутепова командиром 1-го армейского корпуса, с которым генерал взял Курск, а затем и Орел. В сентября 1920 года Врангель назначил его командующим 1-й армией. Командармом Кутепов пробыл недолго — до того самого дня, когда остаткам Белой армии пришлось покинуть Россию.

В эмиграции многие говорили, что именно благодаря военным талантам Кутепова Врангелю удалось продержаться в Крыму до ноября 1920 года.

После эвакуации из Крыма 1-й армейский корпус Кутепова был высажен на залитое дождем пустынное поле за полуразрушенным турецким городком Галлиполи.

«Галлиполийское сидение» продолжалось до конца 1921 года, после этого части армии генерала Врангеля были переведены в Болгарию и в Югославию.

В течение многих лет Галлиполи оставался символом стойкости, исполнения долга и верности избранному пути. Галлиполийские общества вместе с полковыми объединениями Добровольческой армии заполнили собой все уголки русского зарубежья.

Галлиполийцы генерала Кутепова, хранившие верность своему генералу, стали костяком белой русской эмиграции.

Председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский доложил Политбюро ЦК ВКП(б), что операция по ликвидации головки РОВС увенчалась успехом, что похищение и уничтожение генерала Кутепова оперативной группой серьезно ослабило военную эмиграцию. Менжинский просил Политбюро отметить участников операции в Париже орденами и именным оружием.

Советская печать дала резкую отповедь империалистическим клеветникам, которые утверждали, что Кутепова похитили и

убили агенты Москвы.

3 февраля 1930 года «Известия» посвятили половину первой полосы истории с генералом Кутеповым.

«Известия» предположили, что «эта нелепая история в излюбленном, бульварном, детективном жанре специально инсценирована с провокационной целью.

«Таинственное исчезновение» Кутепова послужило сигналом для неслыханной по разнузданности кампании, направленной против СССР и советского полпредства. «Исчезновение» Кутепова изображается как дело рук «Чека», агенты которой якобы «похитили» Кутепова среди бела дня на улицах Парижа.

Продолжение французским правительством его тактики пассивности и потворства и косвенного поощрения хулиганской кампании науськивания на дипломатическое представительство Советского Союза, — говорилось в статье без подписи, — невольно создает впечатление, что правительство поддается на провокацию русской белогвардейщины и следует ее указке…

Мы вынуждены были со всей серьезностью поставить перед правительством вопрос: предпочитает ли французское правительство сохранению дипломатических отношений с правительством Советского Союза сотрудничество с белогвардейской эмиграцией? Совершенно очевидно, что нормальные дипломатические отношения несовместимы с такими фактами…»

Собственный корреспондент «Известий» в Амстердаме с ссылкой на «достоверные сведения, исходящие из кругов, имеющих отношение к правым элементам», писал, что «виновниками исчезновения Кутепова являются сами белогвардейцы, а именно та часть русских белогвардейцев, которая добивалась отстранения Кутепова и замены его своим кандидатом.

Есть прямые данные, указывающие на то, что г. Кутепов, отчаявшись в борьбе с этой частью белогвардейцев и не видя другого выхода, решил уйти с политической арены… Он 26 января выехал незаметно в одну из республик Южной Америки, взяв с собой солидную денежную сумму».

А корреспондент ТАСС сообщил из Берлина, что газета «Монтагс пост» пишет о «большом количестве дутых чеков, подписанных Кутеповым и циркулировавших в Париже».

Жесткий тон «Известий» и не менее жесткие ноты наркомата иностранных дел в адрес кабинета министров Франции преследовали определенную цель. Когда Москва начинала давить на местные правительства, те умеряли ныл эмигрантских изданий и политиков.

Расследование обстоятельств загадочного исчезновения Кутепова остались невыясненными. Хотя почти вся эмиграция была уверена, что это дело рук ОГПУ, французская полиция вела расследование без особого рвения.

Эмиграция была бессильная. Генералу Евгению Карловичу Миллеру, который стал преемником Кутепова на посту' председателя РОВС, оставалось только давать возмущенные интервью парижским журналистам:

— Гипотеза о бегстве Александра Павловича безусловно исключается. Недавно женившийся и имеющий горячо им любимого сына, генерал Кутепов всегда был образцовым мужем и отцом. С другой стороны, вообще не существовало каких-либо причин, которые могли бы подвигнуть Кутепова на бегство. Остается гипотеза о похищении генерала…

Харьковские чекисты сообщили в Москву, что по их заданиям Петр Ковальский за кордоном еще никого не вербовал. Но внутри Советского Союза он довольно удачно провел несколько вербовок, вообще умеет работать с людьми, знает, как расположить к себе собеседника, поэтому вполне должен справиться с ролью агента-вербовщика.

В Москве не торопились с Ковальским. Только в последних числах января 1930 года из иностранного отдела отправили телеграмму начальнику контрразведывательного отдела ГПУ Украины:

«Подготовьте «Сильвестрова» к поездке за кордон. Пришлите его в Москву. По приезде в Москву он должен связаться с нами по телефону 5-18-00 и договориться о месте свидания. Сообщите о дате приезда «Сильвестрова». Помнач. ИНО ОПТУ Горб».

Приехав в Москву, Ковальский два дня ждал в гостинице вызова. Из иностранного отдела ему не позвонили до тех пор, пока секретно-политический отдел ОГПУ не закончил дополнительную проверку нового агента.

Как раз в эти дни коллегия ГПУ Украины пригласила к себе 60 передовых рабочих Харькова. Выступая на коллегии, председатель республиканского ГПУ Всеволод Аполлонович Балицкий с возмущением говорил:

— На той стороне наших границ до сих пор находит себе пристанище белая и желто-блакитная шовинистическая эмиграция. При ее активном участии на нашей территории ведется шпионаж в пользу иностранных государств, организуются диверсионные акции вредительства.

Председатель ГПУ Украины доложил коллегии и гостям, что ликвидирована политическая организация, состоявшая из национально-шовинистических элементов, работавших в

кооперации и советских органах. По этому делу в Харькове были арестованы двое сослуживцев Ковальского по его легальному месту работы. Оба арестованных сидели с ним в одной комнате.

Читая в московских газетах сообщения о разоблачении подпольной группы на Украине, Ковальский благодарил судьбу, что его вовремя перевели в Москву.

План внедрения Ковальского в эмиграцию готовился долго. Предполагалось отправить его в Югославию, где сконцентрировалось большое количество бывших белых офицеров.

— В Югославию Ковальский попадет через Вену, — докладывал Костров Шувалову. Попробуем вариант легального внедрения. Он приедет в Вену в роли беглеца из Советского Союза, напуганного репрессиями, обратится к властям, попросит принять его, оформится в роли политического беженца. Когда обоснуется, из Вены съездит пару раз в Югославию. Под предлогом поиска своих братьев, с которыми потерял связь во время гражданской.

Дальнейшее зависело оттого, как пойдет дело у Ковальского. Либо он найдет возможность переселиться в Югославию и там легализоваться, либо будет часто наезжать туда. Иностранный отдел ОГПУ обещал выделить ему со склада некоторые ценности на продажу, чтобы никто не спрашивал, откуда у него деньги. Со временем он должен был устроиться на работу.

— Мнение венской резидентуры? — поинтересовался опытный Шувалов.

— Я послал описание легенды Ковальского и план операции резиденту, — объяснил Костров. — Он уже знает, что мы пошлем к нему людей для активизации вербовочной и агентурной работы. Я объяснил, что Ковальский — один из возможных кандидатов. Запросил мнение резидента о наиболее удобных для выполнения его задания формах прикрытия. Теперь жду ответа.

Ответ вскоре пришел, и ответ был отрицательный. Венский резидент не мог скрыть своего раздражения: центральный аппарат строит планы, не принимая в расчет положение в Австрии. Намерение центра послать ему людей для активизации вербовочной работы он вообще рас ценил как скрытую критику резидентуры.

В шифровке из Вены сквозило трудно скрываемое неудовольствие:

«Вашу идею с посылкой сюда бежавшего офицера считаю заранее обреченной на неудачу. Вена не такой пункт, куда бегут белогвардейцы из СССР. Это сразу покажется подозрительным. Но даже если бы ему удалось убедить местные власти, что все это

естественно, то разрешения въехать в Югославию он все равно не получит, так как русским, даже весьма заслуженным белым, сербы категорически отказывают в визах.

Путь, таким образом, и дорогой, и сложный, и на 99 процентов безнадежный. Вацек».

Получив из шифровального отдела телеграмму, разобиженный Костров побежал к Шувалову жаловаться.

— Легких и удобных путей для засылки агентов вообще не бывает, — горячился он. — Резидент уже ревнует нас к этому Ковальскому. Обиделся. Имеет чекист право обижаться?

Обиделся? Шувалов подумал, что в словах его сотрудника есть доля правды. Почта из Центра приходила в резидентуру раз в неделю. Радиосвязь и телеграф использовались только для передачи самых коротких сообщений. Да самый опытный чекист, когда он сидит в Вене уже третий год, утрачивал представление о том, как быстро меняется положение в СССР и задачи ОГПУ.

Даже резидент, которого обязаны информировать обо всем, что происходит в стране и внутри ОГПУ, быстро терял нить. Что уж говорить о помощниках резидента, которым он некоторые телеграммы из Центра просто не имел права показывать. В результате между Центром и резидентурами возникала отчужденность, которая мешает делу.

Вот и получалось, что шифровка из Центра с предложением прислать нового человека воспринималась с обидой: выходит, мы ничего не умеем, раз Москва навязывает нам новичка, который разом всю работу наладит…

Резидентуры считали, что работники центрального аппарата не понимают конкретных условий разведывательной деятельности в стране, и обижались на то, что Центр подозревал сотрудников резидентур в желании делать как можно меньше и наслаждаться комфортабельной заграничной жизнью.

В иностранном отделе знали эти психологические проблемы собственного загранаппарата и считали, что работников легальных резидентур, то есть сотрудников разведки, которые работали под официальным прикрытием — в полномочном представительстве, в консульстве, в торговом представительстве, нужно почаще вызывать в Москву: пусть не отрываются.

Выяснять отношения в шифрограммах смысла не было, поэтому решили, забыв об эмоциях, максимально дипломатично втолковать венскому резиденту, что Ковальский все равно к нему приедет, и предложить новый вариант его заброски.

В Вену отправили телеграмму следующего содержания: «Ваше соображение о невозможности поездки «Сильвестрова» в Югославию в качестве белого эмигранта примем во внимание.

Однако в связи с тем, что мы придаем этой поездке большое значение, просьба разработать и сообщить наиболее удобный применительно к югославским условиям способ и форму этой поездки.

Предположим, «Сильвестров» приедет по купленному им персидскому паспорту. Так как мы не предполагаем ограничиваться этой одной отправкой, просьба, учитывая возможности на будущее, сообщить нам характеристику въездных условий в Югославию вообще и формы наиболее целесообразных прикрытий».

Резидент в Вене был человеком разумным и опытным. Он знал, когда можно проявить характер, а когда следует умерить свой пыл. Следующая шифровка из Вены была составлена в спокойных тонах:

«Послать «Сильвестрова» с персидским паспортом можно. Необходимо только, чтобы он по приезде мог убедительно объяснить, как он этот паспорт достал. Необходимо также, чтобы он мог сослаться на связь с какой-либо контрреволюционной организацией в СССР. Лучше всего, однако, было бы отправить его прямо в Югославию — через Константинополь. В Югославии он может оформиться, а оттуда уже приехать для встречи с нами.

Говорить о таких перебросках в принципе очень трудно. Надо один раз попробовать. Многое будет зависеть от самого источника, его способностей, ловкости. В дальнейшем, когда наша сеть на Балканах разовьется, мы сможем сами таких людей рекламировать и продвигать по мере сил и возможностей.

Нужно считаться с крайней подозрительностью югославских властей по отношению к белым и в особенности к такого рода выходцам из СССР, как наш офицер. Предупредите его, что весьма возможно, его сразу посадят, и первые три-четыре месяца ему нужно будет только присматриваться, ничего не делая.

Я думаю, вам самим ясно, что если подобного рода переброски и принесут пользу в будущем, то на сегодняшний день это «политика дальнего прицела», не разрешающая наших текущих задач и насущных нужд Вацек».

Скептицизм резидента тоже был понятен.

Заброска агентов на длительное оседание больше интересовала Центр, чем резидента, которого, скорее всего, раньше вернут в Москву, чем такой агент даст первые результаты. Резиденту нужны агенты, которые дадут информацию сразу же, немедленно. Ведь и Центр требовал от него результата каждую неделю.

Председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский был хмур и краток.

— Я только что вернулся от товарища Сталина, — начал он. — Товарищ Сталин поставил задачи по борьбе с белой эмиграцией, которая не капитулировала, а надеется силой побороть советскую власть.

Менжинский обвел глазами своих заместителей и руководителей иностранного отдела. Во внешнему виду они делились на две категории — в зависимости от того, побывали они уже за границей или нет. Первые щеголяли в хорошо сшитых костюмах из добротного материала, носили галстуки, белые рубашки, шляпы. Другие по-прежнему удовлетворялись гимнастерками и кепками.

— Работа против белой эмиграции остается главной задачей разведки. Белое движение сегодня — это несколько хорошо обученных и вооруженных империалистами дивизий, готовых немедленно вступить в войну против нас. Польша, Румыния, Франция дают им деньги и оружие не только на разведывательно-диверсионную работу, но в первую очередь на подготовку войны против Советского Союза.

Менжинский говорил тихо, заставляя прислушиваться к себе:

— Сотрудников, неспособных оценить степень опасности белой эмиграции, следует откомандировывать из центрального аппарата, заменять молодыми, инициативными кадрами. Мы должны знать все, что происходит в основных центрах белой эмиграции. Все их попытки вести разведывательно-диверсионную работу немедленно пресекать! Иностранному отделу немедленно сориентировать в этом направлении загранаппарат. Усильте агентурную работу. Значение имеет широта охвата, масштаб проникновения в белое движение. Резидентуры в Париже, Берлине, Софии и Белграде должны сосредоточиться на вербовочной деятельности.

Председатель ОГПУ повернулся к начальнику иностранного отдела:

— Устранение Кутепова — это удача. Все участники представлены к награждению орденами Красного Знамени. РОВС фактически обезглавлен. Кто, кстати, его возглавит? Есть сведения?

Начальник иностранного отдела встал и доложил:

— Бывший генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер.

За три недели до похищения Кутепов сам назначил его своим преемником.

— А, этот, который был в Архангельске, — понимающе сказал Менжинский. — Палач Севера.

Совершенно верно. Но он старше Кутепова — ему шестьдесят шесть лет. И не так популярен, особенно среди белой молодежи,

склонной к террору и потому наиболее для нас опасной. Миллер будет опираться на старый кадровый генералитет.

— В окружении Кутепова у вас были люди, но не настолько близкие, чтобы сообщать нам о всех его планах. Исправляйте эту ошибку применительно к Миллеру. Подведите к нему своего человека, влияйте на него в нужном нам направлении. Есть такая возможность? — спросил Менжинский.

— Найдем, — твердо сказал начальник иностранного отдела.

Начальнику иностранного отдела доложили, что Ковальский в Москве и ждет указаний.

— Быстрее готовьте его к отправке. Хорошо, что мы его вовремя вызвали из Харькова, а то украинцы сейчас его бы сами погнали за кордон, — одобрил своих сотрудников начальник отдела. — Но проверьте, конечно, насколько он годится для вербовочной работы. Нельзя засорять закордонные кадры. А то у нас любой сексот лезет из кожи, чтобы перейти в ИНО и попасть в загранаппарат.

В иностранном отделе читали и перечитывали пересланные из Харькова фельдъегерской связью два исписанных Ковальским листка с перечислением его знакомых из числа офицеров бывшей Добровольческой армии, осевших в эмиграции.

В списке было восемнадцать фамилий. Ковальский предполагал, что эти люди смогут стать источниками информации для советской разведки. Кого-то из них он даже предполагал завербовать. Каждую фамилию из списка Ковальского сверяли с картотекой иностранного отдела.

Кто же значился в списке бывшего штабс-капитана Петра Ковальского?

«Генерал Кутепов — мы познакомились в общежитии Красного Креста в Новочеркасске в 1917 году, — писал Ковальский, — где собиралось первое ядро Добровольческой армии. Встречались часто. Во время обороны Ростова Кутепов был в опое у Корнилова (Корнилов не любил бывших гвардейцев) и был младшим офицером в офицерской роте, от командования был отстранен за оставление Таганрога. Встречались, повторяю, часто, но были довольно далеки».

Генерал Кутепов больше не интересовал ОГПУ.

Как именно закончил свой земной путь председатель РОВС, в иностранном отделе знали немногие. Полуофициально говорили, что Кутепова приказали доставить в Москву, потому что генерала-вешателя, руки которого по локоть в народной крови, следовало судить и повесит!..

На пароходе Кутепов вроде бы впал в депрессию, отказывался от еды, не отвечал на вопросы. Весь рейс Кутепов провел в

состоянии странного оцепенения и пришел в себя, лишь когда судно приблизилось к Дарданеллам и Галлиполийскому полуострову, где после эвакуации армии генерала Врангеля из Крыма в 1920 году разместились остатки 1-го армейского корпуса, которым он командовал.

Кутепов, как сказал Костров своим сотрудникам, умер от сердечного приступа на судне, когда до Новороссийска оставалось сто миль. Костров уверял, что Кутепов умер от страха.

***П.** Скоблин*

Но сотрудники его отделения шептались, что Кутепова убили прямо в Париже, а труп растворили в ванне с кислотой.

Следующим в списке Ковальского значился генерал Скоблин.

«Мы познакомились в 1917 году при формировании Отдельного ударного отряда 8-й армии, — писал Ковальский. — Скоблин был штабс-капитаном. Мы были большими приятелями.

Почти год служили в одном полку — Отдельный ударный отряд, Корниловский ударный полк, Славянский ударный полк. После ранения один раз гостил у него в Дебальцево, другой и последний раз кутили в Харькове в «Астраханке» в 1919 году».

Судя по картотеке НПО, генерал Скоблин находился в хороших отношениях с бывшим полковником Василием Георгиевичем Воскресенским, принимавшим участие в подготовке нападения на советское полпредство в Риме. Скоблин значился членом совета правления общества галлиполийцев и командиром сводного Корниловского полка.

Неожиданным образом именно после похищения Кутепова Николай Владимирович Скоблин сделался соблазнительным объектом для вербовки. Генерал Миллер, который стал новым председателем РОВС, не просто дружил со Скоблиным, а считал его близким человеком *и* не имел от него никаких секретов.

«Генерал Скалой — бывший «императорский стрелок», познакомились с ним в Кременчуге, когда он был назначен начальником обороны района. Были большими друзьями, часто пьянствовали, вместе отступали в Польшу, где сидели в Щелковском лагере. Жили в одном бараке, часто пьянствовали и там. Последний раз виделись в 1920 году».

Галлиполиец Скалой, по сведениям резидентуры ОГПУ в Праге, вел переписку с террористической организацией «Братство Русской Правды» в Париже. Занимался заброской листовок в СССР и вербовал кадры для активной работы против Москвы.

«Генерал Шатилов — познакомились на Царицынском фронте, часто встречался с ним в штабе Врангеля, близко знаком не был».

Павлом Шатиловым иностранный отдел ОГПУ очень интересовался. Генерал Шатилов занимал видную должность в штабе Российского общевоинского союза в Париже. Но, к сожалению, Ковальский не был с ним знаком близко. Следовательно, непосредственная вербовка исключалась.

Остальные приятели Ковальского, с которыми он когда-то или служил, или напивался, или сидел в лагере для интернированных российских солдат в Польше, были мелкими сошками. Ковальский упоминал и какие то крупные имена, но было ясно, что делал он это для солидности.

Начальник иностранного отдела осторожно относился к обещаниям своих агентов-новичков: перед отправкой за границу они сулили завербовать полмира. Реальные же результаты всегда были значительно скромнее.

— Посылаем агента и не знаем, что именно у него получится, и получится ли вообще что-либо, — ворчливо говорил начальник

иностранного отдела. — Как выяснить заранее, сумеет он завербовать действительно ценный источник или потратит время впустую? И сколько ему понадобится времени для разработки своих связей?

Начальник иностранного отдела читал личные дела новых агентов-вербовщиков без особого удовольствия. Он должен был организовать массовую заброску агентуры и тем самым продемонстрировать председателю ОГПУ Менжинскому активность работы против эмиграции. С одной точки зрения, все просто — чем больше пошлет за кордон, тем лучше. С другой, через полгода-год коллегия ОГПУ потребует отчета: сколько новых источников дал каждый агент-вербовщик?

— Я думаю все же, что ехать Ковальскому надо, — сказал Семен Костров. — Один из людей в его списке мне представляется перспективным — генерал Николай Скоблин. Я выяснил, что брат Скоблина остался в Советской России. Это большой козырь.

— Скоблин живет во Франции. А французский язык ваш Ковальский знает?

— Нет. Но уверен, что это не помешает ему выполнить задание. Во Франции осело несколько сотен тысяч белых эмигрантов. Немногие из них знают язык, но как-то живут.

До 1930 года судьба Николая Владимировича Скоблина ничем не отличалась от судеб многих русских офицеров, вступивших в ряды Добровольческой армии.

Он родился в 1893 году. Участвовал в первой мировой, в 1917-м вступил в ударный батальон. Вместе с первыми добровольцами проделал знаменитый Ледовый поход. Он командовал Корниловским полком, одним из четырех полков, которые были укомплектованы только офицерами и считались цветом Добровольческой армии.

Корниловцы, алексеевцы, марковцы, дроздовцы — так с гордостью именовали себя военнослужащие полков Добрармии, носивших имена четырех генералов — Корнилова, Алексеева, Маркова, Дроздовского. Позднее полки были развернуты в дивизии.

Генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев, начальник штаба верховного командующего, положил начало Белой армии. Он умер в 1918-м. В его честь назвали 1-й конный офицерский полк. Лавр Георгиевич Корнилов погиб в марте 1918 года под Екатеринодаром. Генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков был убит подстанцией Шаблиевской. Его именем назвали 1-й офицерский полк, позднее вошедший в состав корпуса под командованием генерал-лейтенанта Кутепова. Генерал Михаил

Гордеевич Дроздовский умер после ранения в Ростове накануне нового 1919 года. Тогда 2-й офицерский полк и стал Дроздовским.

Офицеры этих полков носили цветные кокарды на фуражках: черно-красные — корниловцы, черно-белые — марковцы, вишнево-белые — дроздовцы, голубовато-белые — алексеевцы.

Скоблин покинул Россию в 1920 году вместе с разбитой армией Врангеля. Из галлиполийского лагеря перебрался в Париж, где занял заметное место в среде русской эмиграции.

Считался влиятельной фигурой в Российском общевоинском союзе.

Он был известен еще и благодаря своей жене — Надежде Васильевне Плевицкой, замечательной певице, которая в юном возрасте исполнением народных песен очаровала русскую публику и даже была принята при императорском дворе.

Этот брак сложился при весьма драматических обстоятельствах. Надежда Плевицкая не сразу оказалась в эмиграции.

Первые годы гражданской войны она оставалась в Советской России. Во время фронтовых гастролей она попала в плен к белым и встретила молодого командира Корниловского полка Николая Скоблина, который, несмотря на немалую разницу в возрасте, по уши в нее влюбился и завоевал ее руку и сердце.

Дмитрий Мейснер, сражавшийся в Добровольческой армии, вспоминал о галлиполийском сидении:

«В счастливые для нас минуты мы заслушивались песнями Надежды Васильевны Плевицкой, щедро раздававшей тогда окружающим ее молодым воинам блестки своего несравненного таланта. Эта удивительная певица, исполнительница русских народных песен, тогда только начинавшая немного увядать, высокая стройная женщина, была кумиром русской галлиполийской военной молодежи. Ее и буквально, и в переносном смысле носили на руках. Она была женой одного из наиболее боевых генералов Белой армии.

В Галлиполи я еще не мог прочесть интересную автобиографию Плевицкой, где она рассказывает о начале своей жизни, о том, как полуграмотная крестьянская девушка из Курской губернии стирала в одном из московских дворов белье, а сидевший у окошка купец, попивавший густой чаек с вареньем, услышал внизу во дворе своего дома необыкновенный ее голос, а главное — необыкновенный исполнительский талант и темперамент. Он встрепенулся, позвал к себе прачку, заставил петь курские и волжские песни.

Больше Плевицкая не стирала. Она училась пению; не

прошло и двух лет, как в Царскосельском дворце бывшая прачка исполняла свои песни перед последним русским императором, а он, рассказывают уже другие авторы, низко опускал голову и плакал».

В эмиграции Николай Скоблин, профессиональный военный, принужден был снять форму. Он остался без дела и без средств к существованию. Рядом с красавицей женой он казался невзрачным. Среди эмигрантов, не знавших близко эту пару, их брак, вероятно, считался мезальянсом.

Певец Александр Вертинский, оказавшись в Париже, сразу же обратил на них внимание: «В русском ресторане «Большой Московский Эрмитаж» в Париже пела и Надежда Плевицкая. Каждый вечер ее привозил и увозил на маленькой машине тоже маленький генерал Скоблин. Ничем особенным он не отличался. Довольно скромный и даже застенчивый, он скорее выглядел забитым мужем у такой энергичной и волевой женщины, как Плевицкая».

Тем не менее Александр Вертинский отметил, что среди бывших офицеров Скоблина уважали, с подчеркнутым вниманием к нему относились руководители Российского общевоинского союза генералы Кутепов и Миллер:

«И с семьей Кутепова, и с семьей Миллера Плевицкая и Скоблин очень дружили еще со времен Галлиполи, где Плевицкая жила со своим мужем и часто выступала».

Петр Ковальский добрался до Вены через Ленинград-Штеттин-Берлин с персидским паспортом на имя Петроса Булатяна. В Вене он остановился в отеле «Грабен». С регулярной почтой иностранный отдел ОГПУ переправил в Вену фотографию Ковальского с тем, чтобы кто-то из сотрудников резидентуры мог с ним встретиться. Пароль был простой: «Получили ли вы письмо?» Ковальский должен был ответить: «Получил 12 мая».

Отыскать в России брата генерала Скоблина и получить от него рекомендательное письмо к Николаю Владимировичу оказалось не так просто. Поэтому пока что решение о том, как использовать Ковальского, оставлялось на усмотрение резидента.

Пока что в Вене Ковальский наслаждался безмятежной, вольной, комфортной жизнью и сочинял подробные письма жене в Харьков. Письма передавались вместе со всей почтой резидентуры и поступали в иностранный отдел. С них снимались копии, а оригиналы пересылали в ГПУ Украины.

Харьковские чекисты приглашали к себе жену Ковальского и давали ей прочитать письмо от мужа. Забирать домой мужнины письма ей не разрешали — в Харькове никто не должен был знать, что скромный служащий Петр Ковальский находится не в

командировке в Средней Азии, как велено было говорить его родным, а в Австрии.

Сотрудники обоих иностранных отделов — союзного и украинского ГПУ — читали письма Ковальского внимательнее, чем его собственная жена. Чекисты дорого бы дали за возможность узнать, понимал ли опытный Ковальский, что его послания не пройдут мимо ОГПУ? Или наивно верил, что письма, не распечатав, передадут его жене?

В любом случае знакомиться с его письмами было полезно. Если он был искренен с женой, то можно выяснить, что у него на уме. Если на ОГПУ он хотел благоприятное впечатление произвести, то важно было понять, что Ковальский намерен внушить своим начальникам и что — скрыть? Некоторые письма его жена так и не увидела. И некоторые его письма Ковальскому тоже не передали.

«Дорогая Рая! — бодро сообщал из Вены Петр Ковальский. — О себе писать еще нечего, но напишу пару слов о своих путевых впечатлениях.

В Ленинграде я попал на немецкий пароход «Саксен». Первое, что бросилось в глаза, — это немецкая чопорность и вежливость, а самое главное — обилие питания. Я вспомнил Витусю — как было бы хорошо ее так попитать.

20-го я уже был в Штеттине — маленький чопорный немецкий городок: чистота, опрятность, обилие магазинов, товаров, продуктов и никого людей в магазинах. Если у нас в Церобкопах и ГУМах можно оставить по одному продавцу, который бы только повторял: «Ничего нет», то в Германии и Австрии надо ставить того же продавца, который бы говорил: «Никого нет».

О заграничной дешевизне — все это ложь; то, что дешево, — дрянь, а если хочешь достать приличную вещь, надо заплатить приличные деньги.

Разница только та, что у нас и при наличии денег нельзя ничего купить. Здесь же при наличии денег можно достать все, а также можно и всех купить, думаю, вплоть до верхушек… У меня есть веские данные, позволяющие так говорить.

В Берлине был всего один день, так что хорошо его не рассмотрел.

22-го приехал в Вену. Что такое Вена?

Большое кафе-ресторан. 1,3 миллиона населения, из коих 200 тысяч безработных и столько же полицейских. Никогда не мог себе представить такого количества ресторанов, правда, почти все пустые, или сидит человек с видом знатного бюргера и пьет «соду». Пьет он эту воду с трех часов до двух ночи в будни, а в

праздники — до четырех. Занятие довольно веселое.

Да, я еще хотел сказать одном классе населения. Если я не ошибаюсь в смысле преуменьшения, то 15 процентов женщин в Вене продаются.

Соблазнительного очень много, но, сопоставляя мир капиталистический и наш новый мир — социалистического переустройства, проанализировав глубоко эти две противоположные системы, я вновь убеждаюсь, что социалистическое переустройство быта — это не эксперимент, как принято у нас среди многих думать, а единственный выход из того капиталистического тупика, в который зашел весь мир.

Но должен тебе сказать, что здесь человеку, который хотя бы немного колеблется в своем политическом кредо, устоять очень трудно. После трудности материальной жизни в СССР стоит вкусить все внешние блага жизни в Европе и вполне естественно не захотеть возвращаться назад…

Догнать и перегнать Германию нам очень трудно, но наша воля, а, главное, поднятие нашего культурного уровня должны нас поставить на первый план перед Германией, но для этого надо учиться, учиться и учиться.

Я прошу тебя, передай эти заветы Ляле, а также внуши Виточке, что для нас, «завязших по колено в грязи», спасение в учении.

Присмотри, если будет случай, для Виты и Ляли какую-нибудь старуху из разорившихся «бывших», которая владела бы немецким языком и согласилась бы за небольшую плату, стол и комнату жить у нас, давать уроки Ляле, а также ухаживать за Витой. Я на себе испытываю, как трудно без совершенного знания языка.

Ваш П.

P.S. Береги Виту. Я бы хотел, чтобы она была моей сменой и честно загладила мои ошибки».

Начальник отделения иностранного отдела ОГПУ Семен Костров предпочел бы, конечно, чтобы бывший белогвардейский офицер загладил свои преступления перед советской властью сам, а не предоставлял это дочери. Но пока что от Ковальского не было никакого толка.

Венский резидент, как и следовало ожидать, познакомившись с Ковальским, прислал злую шифровку:

«Прибыл «Сильвестров». Сообщение о его прибытии от вас получил на пять дней позже. Из разговора с ним выясняется, что никаких определенных связей у него нет, а старых знакомых он растерял. С нашим аппаратом выяснить их местопребывание

невозможно. Вообще по белым он специально не работал. Работал в Варшаве по военной линии, ездил в Румынию по легенде, которую держали в руках не мы, а румыны, — вот и все. В прошлом он белый, но этого мало.

Я удивлен, что заранее не было все приготовлено, не проверены адреса, не написаны письма и т.д. Он сейчас здесь будет сидеть без дела и ждать, пока вы прилгнете рекомендательные письма, наведете справки, и за это время может провалиться со своим персидским паспортом.

Предлагаю на выбор два варианта:

1. Дождаться письма к генералу Скоблину и направить «Сильвестрова» к нему с предложением работать на нас.

2 Направить его в Чехословакию как бежавшего из СССР белого и там раскрыться. Как я вам писал, надежды ему попасть на Балканы нет никакой.

Так как генерал Скоблин, по газетным данным, находится во Франции и почти все знакомые «Сильвестрова» находятся там же, то, очевидно, придется его туда послать для вербовки. Следует обсудить, не целесообразнее ли передать его другому загранаппарату, который работает на Францию.

Случай с «Сильвестровым» говорит, что такого рода посылки необходимо тщательнейшим образом готовить, заранее точно проверять адреса, по которым источник может начать работу, разработать легенду, по которой он идет, посылать людей не со связями вообще, а с совершенно определенными связями. Словом, посылать, зная наперед с чего начнется работа и где ее можно начать. Без такой подготовки всякая посылка людей закончится плачевно и будет только стоить много денег. Вацек».

В Вене Ковальский пробыл несколько месяцев — возможно, лучших в его жизни. Его единственное занятие состояло в том, чтобы регулярно наведываться на конспиративную квартиру, которую содержала резидентура, чтобы в присутствии сотрудника разведки написать жене очередное письмо.

«Дорогая Рая, — писал он. — Превращаясь в «европейца», я начинаю писать письма, как это принято, в кафе — в кафе, в котором играет «русский национальный оркестр» (другими словами, бывшие белые офицеры).

Раек, ты не можешь себе представить, какая это сволочь и какие это беспринципные люди — эти носители «идеи Великой России», людишки, которые за алтын могут продать себя со всем барахлом. Ты себе представить не можешь, как смешно слушать, когда эта пьяная мразь распевает «свой» национальный гимн перед пьяной публикой в кабаке (конечно, только стоя).

Чем дольше я живу в этой гнилой Европе, тем больше я

начинаю ценить и любить нашу необъятную страну. Что такое жизнь здесь? Это большой публичный дом как в прямом, так и в переносном смысле.

Детка, ты себе представить не можешь, как мне хочется все бросить и ехать, лететь, бежать туда, где строится новая здоровая жизнь. Я знаю, что ты, прочтя эти строки, улыбнешься и скажешь: «Хорошо тебе рассуждать, сытому и одетому». Но вспомни, Раек, как тяжело тебе было рожать Витусю, а теперь посмотри, какая прелесть, — так и наша страна находится в родовых судорогах, и близок тот день, когда мы увидим здоровое растущее дитя.

Довольно философии.

От тебя получил только письмо № 1. У нас почта послезавтра. Буду говорить с ребятами, как наладить это дело.

Ваш Петя».

«Ребята», то есть сотрудники венской резидентуры ОГПУ, встречали Петра Ковальского *с* нескрываемым раздражением. У них была работа. Центр обрушивал на них одно задание за другим, требуя новых вербовок, более интенсивного использования уже заагентуренных источников. А Ковальский наслаждался жизнью. Он и не подозревал, что венский резидент каждый раз, когда о нем заходила речь, не стесняясь, говорил, что Ковальский бездельничает и зря проедает народные деньги.

Резидента еще злило то, что Ковальский аккуратно нумеровал письма и неизменно выражал неудовольствие неспешностью ОГПУ в доставке его посланий жене Рае.

«Дорогие мои! — писал Ковальский в Харьков. — Со мной случилось то же самое, что и с тобой при посылке письма № 3, — то есть когда я собрался отправлять письмо, то получил твои письма № 2, 3, 4 (хороша почта!).

Раек! Ты не должна удивляться задержке писем, на это может быть много причин, и, не ожидая от меня писем, пиши мне регулярно каждые две недели. Я при возможности буду поступать так же. Иногда я не смогу просто технически передать тебе письмо.

Ты пишешь, что тебе писать не о чем, а я могу писать о многом, но, мне кажется, наоборот: у вас зарождается новая жизнь, развивается, растет и каждую минуту дает что-либо новое, а у нас (говорю о Европе) это гниющая старуха, доживающая последние дни. Да и по другой причине я не в состоянии много писать — если ты мне письмо можешь писать частями в течение двух недель и в последний день заложить в конверт все исписанные листы и отослать, то я должен написать письмо непосредственно перед отправлением.

Ты пишешь, что Леночка хочет давать уроки иностранного

языка Ляле, но ведь она знает только французский, а я бы хотел, чтобы Ляля и Вита сейчас изучали немецкий язык, а также советую заняться этим их мамаше!

Понимаю, что всех заинтересовало мое внезапное исчезновение и долгое невозвращение. Следи за тем, чтобы тебе аккуратно выдавали содержание. Имей в виду, что с «ребятами» я договорился, что ту же сумму ты получаешь от харьковского центра.

События здесь развиваются, и я могу задержаться на более продолжительный срок, чем мы предполагали, и ты, пожалуйста, не нервничай и больше растирайся холодной водой.

Ты меня успокаиваешь и просишь не тосковать и не нервничать. Дорогая моя, не тосковать по своей стране и вам я не могу. Не нервничать по своей натуре не могу. Терять же бодрость духа в нашей работе я не имею права — ведь не для забавы и развлечения я сюда приехал!

Ты себе представить не можешь, как хочется сделать для нашего дела больше и лучше, как приятно чувствовать, что ты маленькое и активное звено в стройке новой жизни, и какую испытываешь гордость за то, что тебе доверили охрану спокойствия стройки этого нового мира и что ты стоишь часовым на границах жизни и смерти. Наша кротовая работа когда-либо будет оценена историей, и нам, безымянным или многоименным, воздадут должное.

Скажу пару слов о себе. Жив, здоров, поправился на три с половиной килограмма, все свободное время болтаюсь в горах (живу в отрогах Альп). Какая это прелесть — сочетание дикой природы с культурой! Что Европа, конечно, далеко впереди нас, это всем известно, но, видя эти достижения культуры и техники, хочется скорее сесть на «наш паровоз» (время покажет, «кто кого») и обогнать гнилую Европу.

Что касается здешней жизни, то это предсмертная агония: достать можно все, но на что может достать это все рабочий?

Экономический крах невероятный. Каждый день банкротства за банкротствами, рабочие получают мизерные оклады, и средний интеллигент столько же, и вот все это тянется к тем, которые справляют «пир во время чумы» и боятся оглянуться на восток, где горит заря нашей звезды.

Дорогой Раек! Да наша последняя проститутка гораздо полнее (по своему внутреннему содержанию), честнее и порядочнее любой из здешних женщин. Ты себе представить не можешь, как мне хочется поболтать с нашими бабами из райсовета в платочках и посмеяться с ними над чопорными, беспринципными, продажными европейками.

Побеспокойся о зиме: об угле, дровах и теплой одежде как для себя, так и для детей. Для детей, думаю, ты можешь использовать мое пальто, но об этом я напишу тебе в сентябре.

Ваш Петя».

У хозяев квартиры, где Ковальский снимал комнату, была маленькая девочка, и по утрам он с удовольствием играл с ней, вспоминая свою младшую дочку, Витусю. Завтракая, прогуливаясь по улицам, заходя в магазины и кафе, Петр Георгиевич Ковальский думал о том, как хорошо было бы оказаться здесь вместе со своей семьей.

Он не случайно настаивал на том, чтобы жена и дети взялись учить немецкий, — надеялся, что иностранный отдел ОГПУ или ГПУ Украины после успешно выполненного задания пошлют его за кордон на постоянную работу, когда можно будет взять с собой семью.

Но работы пока не было. Ковальский сначала ждал, пока из Москвы перешлют письмо генералу Скоблину от его брата. Потом стал выяснять, где сейчас Скоблин, нашел адрес, написал генералу и получил приглашение приехать.

Во Францию Петр Георгиевич Ковальский, которому был присвоен агентурный номер ЕЖ-10, отправился первого сентября 1930 года. Так началась одна из самых успешных операций советской разведки в 30-х годах.

Поздним вечером второго сентября молодой человек в новом костюме прибыл в Париж. Большие вокзальные часы показывали четверть двенадцатого. Подхватив чемоданчик, молодой человек вышел на привокзальную площадь и взял такси.

Он остановился, как посоветовали в Вене, в отеле «Монсени». Заполнил регистрационную карточку, ночной портье протянул ему ключ.

Новый постоялец провел довольно беспокойную ночь. Незнакомый город, где говорят на языке, которого он не знает… И главное: как его встретит старый знакомый после почти десятилетнего перерыва? Ответное письмо, полученное в Вене, было вполне доброжелательным. Но какой будет реакция Скоблина, когда дело дойдет до откровенного разговора? Как поведет себя генерал: возмутится и потребует уйти? Вызовет полицию? Или затеет двойную игру и даст знать своим из контрразведки?

Утром Ковальский встал поздно и долго возился у зеркала, придирчиво осматривая себя. Костюм должен быть безукоризненным, лицо спокойным и довольным.

Ровно в одиннадцать он вышел на улицу и поспешил в русское концертное бюро князя Церетели на рю де Граммон — в

бюро всегда знали, где находится жена Скоблина — известная певица Надежда Васильевна Плевицкая.

Ковальский выяснил, что Скоблины только что вернулись из-под Ниццы и обосновались в новом пригороде Парижа Озуар-ле-Ферьер. Ковальский отправился на вокзал. В пять часов вечера он сошел с поезда на станции, оказавшейся прямо в лесу. До пригорода ему было идти три километра. Французского Ковальский не знал, спросить никого не решился и смело зашагал по желтеющему лесу — как скоро выяснилось, в противоположную от Озуар-ле-Ферьер сторону.

Пройдя три километра, он понял свою ошибку и повернул назад. Но теперь ему предстояло пройти уже все шесть километров. По дороге он совершенно случайно встретил трех человек, к изумлению Ковальского говоривших между собой по-русски. Они нисколько не удивились, услышав вопрос на родном языке: во Франции собрался чуть ли не миллион русских.

Где живут Скоблин и Плевицкая, они не знали, но любезно сопроводили Ковальского до строительной конторы, тут он узнал адрес и даже получил план Озуар-ле-Феррьера.

Ориентируясь по плану, он быстро нашел дом Скобли-пых, но хозяева отсутствовали. Ковальский мог уехать и вернуться на следующий день. Но он предпочел подождать и не ошибся. Буквально через пятнадцать минут появился автомобиль, за рулем которого сидел Скоблин. Они обнялись.

Н.Плевицкая

— Надюша, — сказал жене растрогавшийся генерал. — Это тот самый Петя, о котором я тебе так много говорил.

Ковальский склонил голову перед певицей. Надежда Васильевна величественно протянула ему руку для поцелуя. Затем Ковальскому был представлен Плевицкий — первый муж Надежды Васильевны, который приехал вместе с ними из Парижа.

Вечер прошел в веселой болтовне. Скоблин вспоминал общих знакомых по Добровольческой армии. Ковальский старался задавать как можно больше вопросов, чтобы попять, с какой стороны можно подобраться к Скоблину.

Жизнь во Франции у генерала не очень ладилась.

— Мы взяли в аренду большой участок земли с виноградником неподалеку от Ниццы, — рассказывал генерал. —

Но в этом году неурожай винограда. Вместо прибылей одни убытки.

— Мы решили аренду не возобновлять, — добавила Надежда Васильевна Плевицкая. — Будем считать, что сельских жителей из нас не вышло.

— Зато здесь у вас прекрасный дом, — заметил Ковальский.

— Мы купили его в рассрочку, — пояснил генерал.

— И что это означает? — спросил Ковальский.

— А это означает, милый Петр Георгиевич, — несколько раздраженно сказала Надежда Васильевна, — что десять лет подряд нам придется выплачивать по восемьсот франков в месяц.

— Для нас это большие деньги, Петя, — вздохнул Скоблин. — Еще чаю?

С деньгами у Скоблиных дело обстояло неважно, понял Ковальский. Плевицкая по-прежнему часто выступала, гастролировала в европейских городах, где много было русских. Эмиграция ее любила, встречала восторженно. Еще бы! Наконец-то люди, которые только читали о знамени том курском соловье, как ее называли, могли насладиться чудесным исполнением русских народных несен.

Без Плевицкой не обходился ни один праздник. Но сборы были маленькими — эмиграция в целом жила небогато.

— Ты, Петя, не видел, как Надюше аплодируют, сколько цветов дарят, — Скоблин поцеловал жене руку.

Плевицкая задала Ковальскому какой-то вопрос о брате Скоблина, оставшемся в Советской России, но генерал резко ее оборвал и перевел разговор на другую тему. Ковальский понял: Скоблин хочет скрыть от лишнего за этим столом Плевицкого, что внезапно объявившийся бывший штабс-капитан имеет какое-то отношение к братьям генерала, а, следовательно, и сам недавно приехал из России.

— Ты когда попал на фронт, Петя? — Скоблин вернулся к безопасной и приятной во всех отношениях теме воспоминаний.

Ковальский не возражал.

— Я, дорогой Коля, осенью 1914 года оставил гимназию и поступил в Одесское военное училище. Было мне семнадцать лет. 1 мая 1915 года закончил прапорщиком и через месяц уже был на фронте в составе 4-го пограничного Заамурского полка. Мне везло. Три ранения, но ни одного тяжелого. Восемь боевых наград за храбрость. За год с небольшим был произведен из прапорщиков в штабс-капитаны. В начале 1917 года был уже командиром батальона.

— А после февраля, Надюша, — сказал Скоблин. обращаясь к жене, — мы и познакомились с Петром Георгиевичем.

Ковальскому тоже были приятны эти воспоминания:

— Ты же помнишь, Коля, я в те времена политикой не интересовался и со всеми ладил. Как фронтовика, хорошо относившегося к своим подчиненным, солдаты избрали меня в полковой комитет. Как офицера командование включило меня в ударный батальон, который вошел в Первый ударный отряд 8-й армии.

— А 8-й армией командовал Лавр Георгиевич Корнилов, — подхватил Скоблин. — В ударном отряде мы с Петей и встретились.

— И опять оказались на фронте. Потом ударный отряд отвели в Проскуров, переформировали в полк. В августе полк спешно погрузили в составы и перебросили в Могилев, поближе к ставке. На следующий день после разгрузки Корнилов отказался выполнить приказ Керенского и уйти в отставку с поста верховного главнокомандующего… Мы с Колей, как и все остальные офицеры, последовали за своим генералом без размышлений, — продолжал Ковальский. — Что бы ни говорили потом о Корнилове, в одном он был прав: с немцами надо было продолжать войну.

Я провел два года на фронте и был готов сражаться за родину до последнего, — решительно сказал Ковальский, — Политическая борьба интересовала меня только в том смысле, что новая власть в Петрограде ослабила фронт и немцы наступали, встречая лишь слабое сопротивление. Один Корнилов был способен остановить немцев.

— А ты помнишь, Петя, когда корниловский мятеж провалился, Временное правительство отправило наш полк в ссылку, на станцию Песчановка? Там было совсем не плохо. Полк переименовали, он стал называться 1-м Славянским ударным полком, и влили его во 2-ю Чехо-Словацкую дивизию, — вспоминал Скоблин. — Можешь представить себе, Надюша, на выборах полкового комитета Петя Ковальский стал его председателем! Петя был настоящим революционером, без пяти минут большевиком!

Ковальский громко расхохотался вместе со всеми.

— За несколько дней до Октябрьской революции в полк прибыл комиссар Временного правительства Иорданский, — рассказывал Скоблин. — Созвав митинг, он стал уговаривать полк забыть обиды, недоверие выказанное ему Временным правительством, и взять на себя охрану Киева от анархо-большевистской опасности.

— Уговорил? — спросила Надежда Васильевна.

— Это он солдат уговаривал, а нам, офицерам, просто

приказал. Мы же люди военные, Надюша. Для нас приказ — закон. 28 октября мы с боем взяли железнодорожный вокзал у петлюровцев. Вокзал передали чехословакам, которые взяли его под охрану, а сами расположились в военном училище на Печерске. Это был страшный день. Бой начался в четыре часа. Со стороны арсенала на нас наступали большевики, со стороны зверинца — петлюровцы. Два дня мы сдерживали и тех, и других, а потом полк взбунтовался. Полковой комитет заявил, что мы пришли в Киев только для несения охранной службы. Командир полка приказал арестовать председателя полкового комитета — то есть Петю.

— А полковой комитет тут же принял решение: если Ковальского тронут хотя бы пальцем, солдаты возьмут под стражу весь командный состав, — подхватил Ковальский. — Тогда мне поручили провести переговоры о прекращении огня и с красными, и с гайдамаками. Полк в полном составе погрузился в эшелон и ушел назад на станцию Песчановка. И тут полк стал распадаться. Солдаты просто разбегались. Офицерский состав, связавшись с генералом Калединым, стал переправляться на Дон.

Б Новочеркасске мы восстановили прежнее название полка и составили ядро Добровольческой армии — Корниловский полк. Во время боя под Таганрогом я был ранен. Добровольческая армия отступала, меня оставили в госпитале с документами унтерофицера, причем почему-то летчика, и вернулся в строй я только весной 1919 года в Новороссийске.

Ковальский не стал рассказывать о том, что, выздоровев после ранения, он не спешил вернуться на фронт, а стал пробираться домой, к родителям.

Отец-путеец служил начальником станции. Это был 1918 год, оккупированной немцами Украиной управлял гетман Скоропадский. Петр Ковальский устал от военной службы, надеялся поступить в университет, готовился к экзаменам. Но его мобилизовали в армию гетмана. Ковальский предпочел сбежать в Киев, к Петлюре, который отчаянно нуждался в командирах. Кадровые офицеры к Петлюре не шли.

Ковальского сразу произвели в полковники украинской армии и назначили к командующему южным фронтом генералу Грекову на должность старшего оперативного адъютанта.

Когда Ковальский прибыл на станцию Раздольная, где расположился штаб фронта, выяснилось, что фронтом командует уже не Греков, а полковник Хилобоченко, который сразу же назначил боевого офицера на должность генерал-квартирмейстера. Но в больших начальниках Ковальский ходил не долго.

Недели через две во время переговоров по прямому проводу со штабом головного атамана Ковальский сам принял телеграмму следующего содержания: «Немедленно арестуйте Ковальского и доставьте в Киев под усиленной охраной — это один из видных гетманцев».

Ковальский выполнять приказ о собственном аресте не стал, а, прихватив телеграмму, вышел из штаба — как бы на минуту — и исчез навсегда. Он уехал в Одессу. Там он еще раз попытался разделаться с военной службой, начать учиться, словом, вернуться к мирной жизни. Но опять ничего у него не получилось. Большевики окружили Одессу, и он уехал в Новороссийск, находившийся под властью белых. Там пришлось вновь одевать погоны.

Командование Добровольческой армии учло, что Ковальский — сын железнодорожника, и его взяли в органы военных сообщений. Он служил помощником коменданта станции Новороссийск, комендантом станции Царицын.

За разговорами они досидели до одиннадцати вечера, когда выяснилось, что последний поезд уже ушел.

— Оставайтесь ночевать, Петр Георгиевич, — гостеприимно предложила Плевицкая.

— Конечно, Петя! — охотно подхватил Скоблин. — Прекрасно выспишься на свежем воздухе. Это тебе не душный город, в котором дышать нечем от бензиновых моторов.

Ковальского не пришлось долго уговаривать. Утром, попив чаю, он уехал, условившись со Скоблиным, что на следующий день тот приедет в Париж. Улучив минуту, Ковальский шепотом сказал Скоблину, что отдаст ему письмо от брата и тогда они смогут наконец-то потолковать откровенно и без свидетелей.

Скоблин проводил Ковальского до станции и долго смотрел ему вслед. Зачем Ковальский к нему приехал? Бывший штабс-капитан уверял, что бежал из России с чужим паспортом. Рассказам старого сослуживца генерал не верил.

На прощание Надежда Васильевна Плевицкая подарила Ковальскому свою книжку. В поезде Ковальский перелистал ее, остановился на страницах, посвященных войне.

Когда началась мировая война, Плевицкая стала сестрой милосердия:

«А чистое небо синеет, а солнце играет. И с посвистом песни несутся лихие, и прячут печаль друг от друга солдаты. А смерть подколодной змеей подползает и храбрых костлявым перстом отмечает.

Так с песней лихою шли в бой храбрецы, над их головами сияли венцы.

После ночлега в маленьком городке дивизия двинулась в Вержблово, откуда была слышна орудийная пальба.

Я стояла у дороги и бросала проходившим солдатам пачки папирос, закупленные в местечке. Я смотрела, как радовались солдаты, будто маленькие дети, и как ловили пачки на лету.

А некоторые подбегали ко мне и, не угадывая во мне женщину, просили:

— Ваше благородие, дозвольте коробочку, а то ребята не дают, обижают.

Идут, идут колонны, идут туда, где ад кипит, под дождь стальной, идут в огонь.

Упасть бы на землю, поклониться бы им всем.

Поклониться смелым за храбрость, за удаль, кротким за кротость, за послушание.

Вы, все мои братья, вы, все дорогие, родимые.

Все ближе рвутся снаряды.

Сумерки. Дивизия вступила в бой.

В поле стал штаб дивизии. Дивизионный лазарет развертывался в двух верстах от штаба. Раненых еще не было, мы ждали их, сидя на соломе в душной и тесной избе.

В два часа ночи раненых привезли. Санитар обносил их огромным чайником с кипятком, и я поила и, кому можно было, давала коньяк, который потихоньку стащила у доктора.

Я, грешная, думала, что рюмка коньяку была необходима человеку, который только что вырвался из огня, — потрясенный, в крови.

На залитых кровью людей невыносимо было глядеть. Все силы напрягла, чтобы быть спокойной. Мученические глаза, — вовеки их не забуду».

Книжка не заинтересовала Ковальского. Он больше не вспоминал первую мировую войну. Все это было так далеко от него.

Сидя в полупустом вагоне пригородного парижского поезда, бывший штабс-капитан Петр Георгиевич Ковальский думал только об одном: примет ли Николай Владимирович Скоблин его предложение?

Сам Ковальский сделал этот выбор девять лет назад. Он позвонил в дверь советского полномочного представительства в Варшаве в конце 1921 года. Когда его впустили, он сразу все выложил дежурному: готов работать на чекистов, делать все, что понадобится, — лишь бы простили и разрешили вернуться на родину.

Но Ковальский сделал это от безденежья, тоски и вообще полной безысходности. А у Скоблина — любимая жена,

налаженная жизнь в благополучном Париже, положение, машина, загородный дом, они с Плевицкой по нескольку раз в год путешествуют по всей Европе. Вот если бы Скоблин, одинокий и нищий, хотя бы на день оказался в 1921-м в Польше, Ковальский не сомневался бы в успехе своей миссии…

Нигде русским, бежавшим из России, не было так плохо, как в Польше. Остатки армии генерала Бредова, в которой оказался Ковальский после разгрома Добровольческой армии на юге России, были интернированы поляками.

Всех разоружали и отправляли за колючую проволоку. Чтобы избежать концлагеря, Ковальский вступил в 3-ю армию генерала Перемыкина.

Но у Перемыкина Ковальский пробыл три дня, а потом перешел к Булак-Балаховичу, формировавшему новую армию вместе с Борисом Савинковым.

Там Ковальский прослужил около месяца в должности начальника военных сообщений. Но и остатки войск Булак-Балаховича, безуспешно сражавшихся с Красной Армией, поляки в конце концов тоже разоружили и интернировали.

Глава Польши Юзеф Пилсудский обещал французам, что соберет всех русских в концентрационных лагерях и будет их кормить с тем, чтобы при случае они могли возобновить борьбу против большевизма. На самом деле судьба добровольцев поляков не интересовала. В лагерях для интернированных голодные русские солдаты десятками умирали от болезней.

Ковальский все-таки выбрался из лагеря и оказался в Лодзи. С трудом нашел работу — ночным сторожем на мануфактуре. Потом его взяли техником в строительную контору. Это были худшие дни в его жизни.

Бывших русских солдат, оказавшихся в Польше без документов и денег, поляки презирали и унижали на каждом шагу, словно стараясь расквитаться с ними за три раздела Польши.

Ковальский еще сравнительно прилично устроился. Нашел работу, не голодал, не унижался, вымаливая милостыню. Кто-то из офицеров Добровольческой армии еще говорил о втором освободительном походе против большевиков, заботливо хранил форму на дне пустого чемодана, но Ковальский в этих разговорах не участвовал.

Он понял, что прежняя жизнь никогда не вернется. Война против большевизма проиграна. Красные победили — и победили навсегда. Надо думать о себе.

Ему было всего двадцать четыре года, из них почти пять лет он воевал.

Так что же делать? Оставаться в Польше, где он никому не нужен, просидеть всю жизнь техником в конторе на копеечном жаловании? Польское правительство думало только о том, как избавиться от бывших солдат Добровольческой армии. Маршал Юзеф Пилсудский может вообще выслать всех солдат и офицеров из Польши в Советскую Россию — такие слухи ходили среди бывших добровольцев. И тогда что?

Ковальский решился и пошел в российское полпредство. Минут сорок он сидел в приемной под надзором бди тельного дежурного. Потом его провели в соседнюю комнату, где с ним два часа разговаривал сотрудник полномочного представительства, который, как понял Ковальский, представлял в Польше Государственное политическое управление.

Очень молодой, но уже лысоватый чекист-дипломат допрашивал Ковальского сначала с видимым презрением, но постепенно смягчился:

— Что же вы так поздно прозрели? Что вас удерживало у белых?

— Боялся ЧК, — стараясь убедить чекиста в своей искренности, ответил Ковальский, — как все кадровые офицеры. Я старый корниловец, пионер Добрармии. Понимал, что за это меня по головке не погладят. Но идейным добровольцем я никогда не был, мной двигала инерция. Раз офицер, значит, идешь в Добрармию. Я быстро понял полный развал и безыдейность белого движения и старался доказать свою лояльность большевикам.

— Каким, интересно, способом?

— Когда Полтаву заняли части Добровольческой армии, ко мне как к коменданту станции привели коммунистов-чекистов, арестованных на территории станции. Я их узнал. Это были железнодорожники, сослуживцы отца. Вместо того, чтобы вызвать конвой, я пригласил их к себе в вагон и сказал: «Иду на станцию, через три минуты вернусь, и тогда мы с вами посчитаемся». Уходя, запер все двери, кроме той, что выходила в сторону мастерских. Вернувшись, я, естественно, моих арестантов не застал.

— Кто может подтвердить этот эпизод?

— Те трое, кого я отпустил в Полтаве. Уверен, они и сейчас служат в городе. Второй раз я помог Красной Армии, когда устроил перекос паровоза на поворотном кругу в Кременчуге во время переброски казачьей дивизии Шкуро из Днетропетровска в Харьков. Красные прорвались у Купянска, а я задержал шкуровцев на сутки.

— Да, заслуги у вас серьезные, — ухмыльнувшись, сказал

чекист из полпредства, который не верил ни единому слову Ковальского. — Мы ваши рассказы проверим, есть у нас такая возможность. По скажу вам сразу: все это теперь никакого значения не имеет. Будете нам служить честно, простим. Но если попробуете с нами крутить, если вас подослали ваши бывшие товарищи по Добрармии или польская контрразведка, то мы это быстро выясним. И в таком случае я вам не завидую.

Больше Ковальского в полпредство не пускали. С сотрудником полпредства они встречались в городе, на конспиративной квартире, снятой советской разведкой.

Квартира принадлежала глухому старичку, который открывал Ковальскому дверь, провожал его в комнату, а сам отправлялся по магазинам. Он возвращался ровно через сорок минут, чтобы проводить Ковальского.

В комнате, заставленной рухлядью, в единственном приличном кресле сидел сотрудник полпредства, который заставлял Ковальского писать донесения, давал новые задания и немного денег. Большевистская разведка была скуповата с Ковальским.

Он должен был сообщать, чем занимаются бывшие добровольцы, томившиеся в Польше. Москву в первую очередь интересовали те, кто намеревался и дальше сражаться с советской властью, и те, кто ради этого соглашался сотрудничать с польской разведкой.

Ковальский для вида продолжал служить в конторе, но большую часть времени проводил в тех местах, где встречались бывшие русские офицеры, дотошно выспрашивая их о жизни и планах на будущее.

Через два года Ковальскому разрешили вернуться в Советскую Россию. В апреле 1923 года он уже был на родине. Его сразу призвали в Красную Армию — по специальности, в органы военных сообщений. Затем перевели в 49-й дивизион войск ГПУ. Потом разрешили демобилизоваться и поселиться в Харькове.

Ковальский стал работать бухгалтером и одновременно — секретным сотрудником Государственного политического управления Украины. Вторая, тайная, служба давала дополнительные деньги и некое чувство уверенности.

Петр Георгиевич Ковальский понял, что никто и никогда не забудет, что он — бывший офицер и, следователь но, политически сомнительный элемент. Он читал в газетах, как Государственное политическое управление находит бывших офицеров, пытавшихся скрыть свое прошлое, замаскироваться, и подвергает их репрессиям. Ковальский надеялся на то, что иностранный отдел не даст его в обиду, защитит от чекистов из

секретно-политического отдела.

Пятого числа Скоблин приехал к Ковальскому. Встретились внизу, в холле гостиницы, снова обнялись. По генерал был не один, как рассчитывал Ковальский, а с женой, которая Скоблина от себя не отпускала. Боялась, что Ковальский украдет ее ненаглядного мужа?

— Мы сегодня ждем гостей, — щебетала Плевицкая. — Нам нужно столько всего закупить.

Ковальский изъявил желание поехать за покупками вместе с друзьями. В час дня Плевицкая сказала, что она голодна. Ковальский с готовностью пригласил их где-нибудь пообедать. Плевицкая отвела глаза:

— Я с удовольствием поеду, но вы же понимаете, что мне не в каждом месте можно показаться. Меня здесь все знают.

Это фраза Ковальскому многое объяснила: Плевицкая чувствовала себя звездой, но поддерживать соответствующий образ жизни ей было трудновато.

— Может быть, пообедаем в «Эрмитаже»? — предложил Ковальский.

Его выбором Надежда Васильевна осталась довольна. После обеда Плевицкая осталась пить кофе, а Скоблин и Ковальский отправились бриться. В парикмахерской Скоблин вполголоса попросил отдать ему письмо от брата. Ковальский протянул генералу конверт и сказал:

— Нам нужно поговорить.

— Давай здесь, — предложил Скоблин.

— Нет, — резко ответил Ковальский, — парикмахерская не место для серьезных разговоров.

— Поехали с нами в Озуар-ле-Феррьер.

Ковальский согласился. Дома Плевицкая, считавшая, что день прошел удачно, немедленно отправилась переодеваться, а Скоблин и Ковальский, переглянувшись, отпросились прогуляться. Несколько минут они бодро шли молча, потом свернули на какую-то пустынную улицу, и тут Ковальский решился. Он остановил Скоблина, встал так, чтобы смотреть ему прямо в глаза, и сказал:

— Коля, я приехал в Париж *с* единственной целью — спросить тебя, не намерен ли ты бросить всю эту авантюру, перестать играть в солдатики и вернуться, наконец, в ряды родной армии?

Скоблин, уже прочитавший письмо от своего брата, оставшегося в Советской России, конечно, подозревал, что Петр Георгиевич Ковальский появился во Франции не случайно, но такого прямого вопроса не ожидал.

— Что означают твои слова? — переспросил он.

Ковальский заговорил жестко и напористо:

— Мы решили еще раз предложить всем, кого считаем полезными для России, прекратить белую авантюру и вернуться в ряды русской армии.

— Кто это «мы»? — изумленно спросил Скоблин.

— Генеральный штаб Красной Армии!

Скоблин засмеялся:

— Петя, если я вернусь в Москву, надо мной или устроят показательный процесс, либо просто расстреляют. Ты думаешь, я не знаю, что там происходит? Вот как с князем расправились. А он даже в Добровольческой армии не служил, человек штатский, ученый.

Ковальский, не обращая внимания на слова генерала, продолжал обрабатывать слегка ошеломленного Скоблина:

— Коля, ты ведь не маленький и должен все сам понимать. Не переоценивай себя. Ты не политическая фигура, а просто военный специалист, полезный для нашей армии. Показательный процесс над тобой нам не интересен. Расстреливать тебя — только поднимать международную шумиху. Так что, если здраво рассудишь, сам поймешь, что сморозил глупость.

Подхватив Скоблина под руку, Ковальский повел его прочь от дома.

— Коля, я уполномочен дать тебе гарантию генерального штаба, что в России ты будешь цел и невредим. Конечно, строевую часть сразу не обещаю. Из тебя еще сначала надо выкурить белый дух, перевоспитать в духе нашей новой армии, а тогда только допускать к строевым должностям. По ты получишь хорошую должность в штабе — это я тебе гарантирую.

Ковальский играл свою роль с вдохновением, ощущая себя человеком, способным повелевать, приказывать, решать судьбы людей. Это «мы» звучало в его устах весомо и внушительно. В такие минуты он совершенно забывал, что в Советской России он был всего лишь мелким агентом украинского ГПУ, которому постоянно напоминали о его белогвардейском прошлом и который мечтал выслужить себе поездку на закордонную работу вместе с женой и дочерями.

— Ведь я, Коля, — внушал он Скоблину, — прекрасно знаю твой патриотизм, знаю, как любишь Россию. Я тебе больше скажу. Когда у нас в штабе обсуждался вопрос о твоей вербовке, кто-то стал говорить, что Скоблина можно просто купить за пару долларов Я возразил: «Скоблин не продается. Если он пойдет к нам, то только во имя служения Родине и родной армии».

Ковальский остановился и сделал паузу:

— Теперь я жду от тебя прямого ответа: ты с нами или против нас?

Скоблин отвечал с дрожью в голосе. На глазах у него выступили слезы:

— Петя, я всегда считал тебя своим лучшим другом и осуждать за то, что ты поступил в Красную Армию, не имею права. Но у меня свои убеждения. Я связан присягой и тесной дружбой со своими подчиненными по Корниловскому полку. Эти люди слепо верят мне и готовы идти со мной в огонь и в воду. Я не могу обмануть их доверие. Они сочтут мой переход на сторону красных предательством… И есть еще Надюша, которой принадлежит моя жизнь.

Ковальского нисколько не смутил отказ Скоблина. Он продолжал атаку, нащупывая слабые места в генеральской обороне.

— Меня удивляют твои рассуждения о присяге, — прервал он Скоблина. — Ты давал ее не царю, а народу. Я тебя и зову служить народу. Тем самым ты не только не нарушаешь присяги, а, напротив, следуешь ей, порывая с врагами народа. Что касается твоих подчиненных… Мы никогда и не собирались требовать от тебя, чтобы ты рвал с ними. Глубоко убежден, что честные люди по твоему приказу станут служить вместе с тобой в новой русской армии.

Сделав круг, они незаметно оказались у дома Скобли на. и разговор прервался, хотя распалившийся Ковальский предпочел бы продолжить уговоры. Он надеялся дожать генерала с первой попытки. Но на последние слова Ковальского Скоблин никак не реагировал.

Плевицкая, занятая приготовлениями к приему гостей, не заметила, что мужчины вернулись с прогулки возбужденными до чрезвычайности. Скоблин был незамедлительно командирован в деревню за парным молоком и безропотно отправился выполнять приказ жены. Ковальский остался один на один с Плевицкой. Считая, что Скоблин — типичный подкаблучник и Плевицкая вертит им, как хочет, Ковальский решил использовать и этот шанс.

Надежда Васильевна сама начала нужный ему разговор.

— А что, Петр Георгиевич, — спросила она, — в России-то сейчас жить можно?

— Русские остались на Родине, Надежда Васильевна. Бежали в основном те, кто вроде нас с Николаем Владимировичем офицерские погоны носил.

Плевицкая, накрыв стол на десять кувертов, присела на стул. Она задумалась, и Ковальский вдруг увидел, что перед ним уже

сугубо не молодая и не очень счастливая женщина.

— Я часто пытаюсь представить себе, как там в России, — сказала Плевицкая. — По нашим газетам не очень поймешь, что там на самом деле происходит.

— Надо посмотреть своими глазами, — хладнокровно заметил Ковальский. — Вас, я думаю, там очень хорошо встретят.

— Ну уж! — Плевицкая довольно засмеялась, и в ее глазах мелькнул огонек интереса.

Я говорю совершенно серьезно, — продолжал Ковальский.

Он подсел поближе к певице.

— Русскому человеку на чужбине всегда плохо, а вам, русской певице, вдвойне. Кто здесь в состоянии понять ваши песни, их красоту? Ваши слушатели остались в России. Вам плохо без них, а им — без вас.

Плевицкая недоверчиво качала головой. Но Ковальский чувствовал, что ей приятно слышать его слова.

— Вы выдающаяся певица. Кстати говоря, вас в России знают и помнят. Так что вам и в самом деле стоит подумать о возвращении домой. Вы же дочь крестьянина, и власть сейчас ваша. К вам совсем по-иному отнесутся, чем к дворянам. А здесь… Я насмотрелся в Вене на нашу эмигрантскую публику… Хватит вам распевать песни горя по кабакам.

Плевицкая неожиданно согласилась:

— Да, я не думаю, что меня могли так быстро забыть в России. Но дело-то не во мне. Я хоть сейчас готова вернуться на Родину…

Услышав это, Ковальский понял, что сражение его наполовину выиграно.

— …Но боюсь за самое дорогое в моей жизни — за Колечку. Ведь его там непременно расстреляют.

— Да что вы, Надежда Васильевна! — Ковальский взял руки Плевицкой в свои. — Для России Коля не враг. Он честный, но искренне заблуждавшийся русский офицер, патриот. Он в любую минуту может вернуться.

Ковальский склонился к ее уху и заговорил шепотом:

— От имени командования Красной Армии я только что сказал Коле, что в России его ждет хорошая должность. Если он согласится служить Советской России, его безопасность гарантирована. Объясните ему, что это сущая правда. Повлияйте на него, ведь он только к вам и прислушивается.

Плевицкой понравились эти слова.

— Хорошо, — сказала Надежда Васильевна. — Если Колечке действительно ничто не угрожает, он согласится работать с вами.

Ковальский с облегчением откинулся на спинку стула.

Кажется, удалось!

Когда пришел Скоблин с молоком, Ковальский сразу стал прощаться. Скоблин и Плевицкая проводили его с видимым облегчением. Им не терпелось остаться одним, чтобы обсудить услышанное.

Вернувшись в гостиницу, Ковальский заказал себе в номер ужин с шампанским и водкой. Он не знал, не следят ли за ним сотрудники парижской резидентуры ОГПУ, поэтому старался услаждать себя на казенный счет только за закрытыми дверями.

Ковальский решил, что дерзкое похищение Кутепова не прошло бесследно для Скоблина и Плевицкой. Они поняли силу и возможности ОГПУ.

Утром следующего дня веселые, оживленные Скоблин и Плевицкая заехали за ним в гостиницу и повезли показывать город. Потом Скоблин пошел в штаб-квартиру Российского общевоинского союза, где было назначено какое-то заседание. Ковальский сознательно не проявил интереса к РОВС, не стал ничего спрашивать. Он надеялся продолжить с Плевицкой вчерашний разговор.

— Париж, Петр Георгиевич, очень дорогой город, — говорила Плевицкая, внимательно следя за выражением лица Ковальского. — У нас ужасные расходы, но мы просто обязаны поддерживать определенный уровень жизни. Вы же понимаете, я большая артистка, и я не могу позорить Коленьку. Мне нужны туалеты, а каждая тряпка стоит больших денег.

Ковальский знал, что ему следует отвечать:

— Надежда Васильевна, поверьте, все зависит от того, что мне ответит Коля. Деньги это мелочь. Если вы будете с нами, материальные проблемы решатся сами собой.

Он тут же предложил снова пообедать в «Эрмитаже» и заслужил благодарную улыбку Плевицкой. Когда с извинениями появился Скоблин, она порадовала мужа:

— Коленька, Петр Георгиевич приглашает нас в «Эрмитаж». Соглашайся, посидим по-человечески в хорошем ресторане.

После обеда на машине поехали опять к Скоблиным. Плевицкая оставила мужчин одних, и Ковальский возобновил атаку на Скоблина.

— Извини, Коля, но время у меня ограничено. Я не могу неделями заниматься тобой одним. Поэтому я хочу знать твой ответ: да или нет?

Скоблин замялся:

— Петя, подумай сам — что я сейчас смогу делать в России? В штабе служить не хочу, а другой работы не приму, потому что кроме военного дела ничего не знаю.

— Это все мелочи, — возразил Ковальский. — Ты не о том говоришь. Мне важно твое принципиальное согласие — готов ли ты работать с нами? Остальные проблемы можно решить позже. Да и в любом случае говорить об отъезде в Россию преждевременно. Твое возвращение нужно оформить, на это потребуется не менее полугода. За это время мы присмотримся к тебе, найдем тебе место, а у тебя будет возможность доказать свою лояльность и преданность Советской России.

После небольшой паузы Ковальский добавил:

— Я вообще считаю, что здесь ты принесешь больше пользы, чем дома.

— А где я буду числиться на службе? — задал Скоблин первый практический вопрос.

— В генштабе.

— В каком отделе?

— Не будь, Коля, мальчиком, — Ковальский изобразил некоторое раздражение. — Конечно же, в разведывательном управлении.

— А что это такое? Надеюсь, это все-таки не ГПУ?

— Что-то среднее между генеральным штабом и ГПУ, — несколько успокоил его Ковальский.

— А скажи мне, пожалуйста, — вдруг поинтересовался Скоблин. — Туркулу вы предлагали работать с вами?

Ковальский, разумеется, помнил бывшего командира Дроздовской дивизии генерала Антона Васильевича Туркула, который обосновался в Болгарии, но, конечно же, не имел ни малейшего понятия, обращалось ли к нему когда-либо ОГПУ или нет. Кто бы в ОГПУ стал посвящать Ковальского в такие секреты! Как бы разозлившись, Ковальский сказал:

— Коля, не задавай глупых вопросов. Ты меня достаточно знаешь, и тебе должно быть ясно, что отвечать на такие вопросы я не могу.

— А у меня имеются сведения, что вы говорили с Турку-лом и только в цене не сошлись, — настаивал Скоблин.

Ковальский сообразил, что эта тема и будет для Скоблина самой важной — цена его согласия.

— Хорош русский офицер, который способен торговаться, когда речь идет о служении Родине, — высокопарно и с намеком заявил Ковальский. — Россия, между прочим, не жалеет средств, чтобы помочь преданным и ценным работникам. Но оставим пустые разговоры. Я хочу слышать твой прямой ответ, работаешь ты с нами или нет.

Скоблин молчал. Пауза растянулась на две минуты. Наконец генерал поднял голову:

— Я переговорил с Надюшей… Я согласен. Но есть некоторые вопросы, которые хотел бы сразу прояснить.

Ковальский вздохнул с облегчением. Дело сделано! Он справился с заданием! Он завербовал генерала Скобли-на, крупнейшую фигуру в русской эмиграции. За такой успех Москва расщедрится на награду, а лучшей наградой для Ковальского была бы длительная закордонная командировка.

Расчувствовавшийся Ковальский порывисто вскочил со стула и пожал Скоблину руку.

— Мне важно было услышать прямой ответ. Теперь я готов обсудить все детали.

Генерал склонился над столом, чтобы приблизиться к Ковальскому.

— Во-первых, я хочу получить персональную амнистию. Я тебе верю, поэтому не обижайся, но мне нужен документ о том, что Советская Россия больше не считает меня врагом, что прошлое забыто. Во-вторых, я превосходно сознаю, что здесь принесу гораздо больше пользы, чем в Советской России, поэтому не будем пока ставить вопрос о переезде.

Скоблин говорил быстро и уверенно. Видно было, что они с Плевицкой за ночь все обговорили.

— Мне нежелательно было бы иметь дело с вашими работниками в Париже, поскольку после бегства Беседовского они сами скомпрометированы и меня провалят.

Советник полпредства Григорий Зиновьевич Беседовский, оставленный исполнять обязанности поверенного в делах, не пожелал возвращаться в Москву и попросил политического убежища во Франции и теперь выкладывал французам все, что знал, в том числе рассказывал и о закордонной деятельности ОГПУ. Его разоблачения печатались в парижских газетах. Беседовский был сначала кадетом, потом эсэром, и в ОГПУ не понимали, как такому ненадежному человеку могли доверить заграничную работу.

— В РОВС сильная контрразведка, — продолжал Скоблин. — Кстати, должен тебе сказать, что новый глава РОВС генерал Евгений Карлович Миллер предлагал мне стать во главе контрразведывательной работы, но я отказался. И последнее. Если вы будете воевать с Польшей и Румынией, я должен быть немедленно в рядах действующей армии, хотя бы и рядовым. Остальное действительно мелочи, и о них поговорим после.

Произнеся эту речь, Скоблин успокоился и расслабился.

— Хорошо, что приехал именно ты, — добавил он. — Тебя я знаю и верю тебе, как самому себе. Прислали бы другого, хотя бы с письмами от обоих моих братьев, ему бы здесь не

поздоровилось…

Довольный Ковальский принял эти слова за чистую монету, хотя потом сообразил, что этим комплиментом Скоблин на всякий случай хотел расположить к себе человека, от которого, как он думал, он теперь полностью зависит.

Через день Скоблин еще раз приехал к Ковальскому, и в его гостиничном номере после долгого разговора согласился оформить свое согласие работать на советскую разведку. Такого рода бумаг Скоблин писать не хотел, и Ковальскому пришлось на него основательно нажать.

Заявление Скоблин написал симпатическими чернилами, которые передал Ковальскому сотрудник резидентуры ОГПУ. Ковальский продиктовал генералу следующий текст:

«ЦИК СССР

От Николая Владимировича Скоблина

Заявление

12 лет нахождения в активной борьбе против советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

10 сентября 1930 г. Н.Скоблин».

Написав заявление, генерал спохватился:

— Я даю подписку, что не буду выступать против советской власти и тем не менее остаюсь в рядах Белой армии! Теперь меня ваши могут обвинить в новом предательстве. Я хочу иметь какой-то оправдательный документ.

Дабы успокоить Скоблина, Ковальский написал симпатическими же чернилами следующую записку:

«Вам предлагается активизировать работу в Российском Общевоинском Союзе.

Петр. 10 сентября 1930 года. Париж».

Л поверх этой записки, как его учили еще в Харькове, набросал карандашом нейтральный текст и отдал этот лист бумаги Скоблину.

Как явочный документ для связи Ковальский взял у Скоблина его визитную карточку и половину сломанного карандаша — и то, и другое он должен был переслать в Москву. Вторая половина

карандаша осталась у Скоблина.

Закончив с формальностями, Скоблин, несколько волнуясь, перешел к волновавшему его вопросу о вознаграждении за труды на благо Советской России:

— Ты сам понимаешь, Петя, что меня все знают и я всех знаю, и потому смогу принести вам большую пользу.

— Не вам, а нам, — с удовольствием поправил его Ковальский.

— Извини, Петя, конечно же нам. Я еще не привык. Но для полноценной работы мне необходимо возобновить прежние знакомства, а это значит, что придется часто приглашать к себе людей, прилично их угощать, а это в Париже стоит очень дорого. Мы же теперь сидим буквально без копейки.

— Коля, я все прекрасно понимаю, — перебил его Ковальский. — Давай договариваться. Я вижу в тебе не человека, который время от времени будет передавать нам какие-то документы, а нашего постоянного работника. Поэтому просто назови сумму, которую хочешь получать ежемесячно.

Скоблин начал мяться. Видно было, что он боится продешевить и вызвать гнев Надежды Васильевны.

— А ты сколько получаешь? — сделал он неудачную попытку выяснить цены на рынке.

— Ровно столько, сколько необходимо для работы, — отрезал Ковальский.

После долгих колебаний Скоблин сказал:

— Лично мне ничего не нужно. Но для Надюши — ведь ей придется покупать наряды, и для приемов прошу доплачивать мне двести пятьдесят долларов.

И тут же добавил:

— У меня есть личная к тебе просьба. До пятого октября мне обязательно нужно получить пять тысяч франков, чтобы оплатить вексель, иначе у меня будут большие неприятности, сейчас очень неуместные. Разумеется, это единовременное пособие.

Ковальский ответил, что не имеет полномочий что-либо обещать, вызвав гримасу разочарования на лице Скоблина, но тут же добавил, что о пожелании генерала немедленно будет сообщено в Москву. Что касается пяти тысяч франков, то Ковальский пообещал обязательно помочь старому другу, как только вернется в Вену.

После этого разговора, пребывая во вполне благодушном настроении, они прогуливались по Булонскому лесу, где Скоблин предложил Ковальскому завербовать также и его бывшего адъютанта Леонтия Конецкого, который обосновался в Праге.

Ковальский, не имевший на сей счет никаких полномочий,

сказал, что надеется с помощью Скоблина завербовать множество ценных для России людей. Скоблин тут же заметил, что намерен только указывать подходящих людей, а уж непосредственной вербовкой пусть занимается кто-то еще.

Надежда Васильевна Плевицкая, которая была, естественно, в курсе достигнутого соглашения, выразила желание поужинать в полюбившемся ей «Эрмитаже», на что Ковальской охотно согласился. Деньги на угощение Ковальскому было велено не жалеть. Это потом агента станут держать в железных оковах утвержденной Центром сметы, а в момент вербовки скаредничать глупо.

В ресторане, чокнувшись с мужем и с Ковальским, Плевицкая провозгласила шепотом тост:

— За наше общее дело!

Вообще в тот день Надежда Васильевна была необыкновенно мила и любезна. Знакомя Ковальского с сыном графа Толстого, представила его так:

— Это наш друг Петя, один из пионеров Добровольческой армии, сподвижник генерала Корнилова.

13 сентября довольный своим успехом Ковальский выехал из Парижа и через Страсбург, Мюнхен и Зальцбург добрался до Вены, где от него ждали доклада в резидентуре ОГПУ.

В венской резидентуре Петр Ковальский подробно рассказал, как шла вербовка Скоблина, а потом составил письменный отчет, который дипкурьер отвез в Москву.

Убеждая венского резидента ОГПУ и главное начальство в Москве относительно ценности Скоблина как агента, Ковальский говорил и писал о том, что генерал сможет поставлять информацию не только из парижского штаба РОВС, но и из других центров русской эмиграции. Скоблин как глава объединения бывших офицеров корниловского полка периодически получал донесения от своих бывших подчиненных, рассеянных по всему свету…

Удовольствие от вербовки Скоблина было испорчено отсутствием писем из дома, за что Ковальский, окрыленный удачей и почувствовавший себя уверенно, закатил истерику в присутствии двух сотрудников венской резидентуры.

Он тут же отправил весточку жене:

«Дорогая Рая!

Ты представишь себе не можешь, как я зол на наших «ребят», которые выкинули следующий номер: прислали извещение, что пересылают твои письма, а сами письма не переслали. Такого свинства я никак не ожидал. И таким образом я уже около двух

месяцев не знаю, что с вами делается. Последним я получил письмо № 4, написанное в начале июня.

В данный момент меня беспокоит твое материальное положение, а также я обеспокоен топливным вопросом, ведь наши газеты сообщают о перебоях на топливном фронте, а учитывая работу нашего ХЦРК, я боюсь, чтобы не получился перебой в снабжении топливом в Харькове и вы не остались на зиму «на бобах». Сообщи немедленно, как поступили «ребята» с продлением моей командировки.

О себе писать не буду, в предыдущих письмах уже писал слишком много. Одно могу сообщить: за лето поправился на восемь кило. Ты себе представить не можешь, как мне надоела эта лакейская Европа, как хочется увидеть вас всех, как хочется поругаться на заседаниях рай-бюро ХЦРК, как хочется быть с вами вместе и дышать вашим, правда, сейчас довольно тяжелым, но здоровым воздухом.

Вам, находящимся там, вам, строящим новую жизнь, не видно той гигантской работы, какую вы совершаете, а мне здесь, наблюдающему за вами со стороны, следящему за каждым вашим шагом, читающему газеты всего мира, видно, как вы с каждым днем превращаетесь в гиганта, и даже та наглая свора, которая вас здесь каждый день травит, которая готова вас всех разорвать на клочки, и она сейчас признает ваш колоссальный рост и начинает трубить тревогу.

Я знаю, что ты скажешь: хорошо тебе, находящемуся в довольстве, рассуждать так со стороны. Я знаю, Раек, что эта стройка новой жизни не дается легко, что пояса довольно туго подтянуты, но, Раек, все не делается сразу — надо немного потерпеть. Что касается меня, то ты должна знать, что сижу здесь не ради удовольствия и развлечения, а ради дела, и, как только буду свободен, сейчас же примчусь к вам.

Все мы делаем маленькое *дело* стройки большой жизни. Целую вас всех.

Ваш П.».

Забота Ковальского о своем семействе и вообще о своем материальном благополучии раздражала безумно не только резидента в Вене, но и Семена Кострова, начальника отделения иностранного отдела ОГПУ, ведавшего борьбой с белой эмиграцией.

Вспыльчивый, несдержанный, холерик по темпераменту, он выходил из себя, получая из Харькова бумаги, связанные с «Сильвестровым», то есть с Ковальским:

«ИНО ОГПУ

Жена «Сильвестрова» обратилась к нам с просьбой увеличить

ей жалованье, поскольку она обременена большой семьей.

Для сведения сообщаем, что до августа месяца она получала по прежней службе «Сильвестрова» 250 рублей в месяц.

Приложение: Письмо жены для «Сильвестрова». Вр. нач. Особого отдела ГПУ УССР и УВО Врид. нач. ИНО».

Прочитав письмо, которое Раиса Ковальская адресовала своему мужу, в иностранном отделе отправили ответную шифровку в Харьков за двумя подписями.

«Врид. нач. ИНО ПТУ Украины Переданное Вами нам для передачи «Сильвестрову» письмо от его жены нами не передано ввиду его содержания.

В дальнейшем считаем необходимым продолжать выдачу жене «Сильвестрова» 250 рублей в месяц, отнеся расходы за наш счет.

Просьба принять соответствующие меры к тому, чтобы в будущем письма такого содержания не посылались. Считаем, что с выдачей 250 рублей в месяц вопрос будет соответствующим образом урегулирован, и «настроение» изменится.

Пом. нач. ИНО ОГПУ

Пом. нач. 5-го отд. ИНО».

Но за главное — за вербовку Скоблина — Ковальского, конечно, похвалили. Хотя сидевшие в Вене разведчики не знали, какого рода информацию сможет поставлять генерал.

Николая Владимировича Скоблина, завербованного Ковальским, принял на свое попечение резидент ИНО ОГПУ в Вене.

«Центр.

ЕЖ-10 вернулся из Парижа в Вену. Жена генерала согласилась работать на нас. Генерал пошел на все и даже написал на имя ЦИК просьбу о персональной амнистии. По моему мнению, он будет хорошо работать.

Подписка Скоблина написана симпатическими чернилами «пургеном» и проявляется аммоняком (летучая щелочь). Беда в том, что когда аммоняк улетучивается, то снова письмо теряется. Пусть у нас его проявят какой-либо другой щелочью после первого чтения. Визитная карточка служит паролем. Генерал будет разговаривать с любым посланным от нас человеком, который предъявит такую визитную карточку. Прошу срочно указаний. Месячное жалованье, которое желает генерал, около 200 американских долларов.

Вацек».

Срочная телеграмма № 1415 от резидента советской разведки в Вене была расшифрована в порядке очередности. Листок из шифровального блокнота передали машинистке, допущенной к работе со сверхсекретными материалами. Заложив три копии, она

стремительно перепечатала телеграмму.

Высокий молодой человек сложил листки в картонную папку с бумажными завязками и отправился в долгое путешествие по скучным коридорам Лубянки.

На другом этаже он постучал в нужную дверь и, не дожидаясь ответа, вошел. Это была небольшая приемная. Сидевшая за столом девушка четырьмя пальцами стучала на машинке. Она подняла глаза и молча кивнула. Молодой человек открыл дверь в кабинет заместителя начальника иностранного отдела ИНО ОГПУ и громко спросил:

— Разрешите?

Через минуту он вышел и так же молча исчез.

На заявлении Николая Скоблина в ЦИК заместитель начальника иностранного отдела ОГПУ оставил резолюцию:

«Заведите на Скоблина агентурное личное и рабочее дело под псевдонимом «Фермер» — ЕЖ-13».

Таким образом, в сентябре 1930 года советская разведывательная сеть в Париже пополнилась еще одним агентом или, вернее, двумя, потому что Надежда Плевицкая принимала участие во всех делах мужа.

Советская разведка располагала во Франции, где сосредоточилась значительная часть русской эмиграции, огромным количеством агентов. Имена абсолютного большинства из них до сих пор неизвестны. Только Николай Скоблин вошел в историю мировой разведки. Заслуженно и незаслуженно.

Его имя связывается с тремя громкими операциями 30-х годов. Скоблина и, соответственно, Плевицкую называют погубителями бывших генералов Белой армии Кутепова и Миллера, а также советского маршала Тухачевского.

Николая Скоблина считают тем человеком, через которого немецкая разведка подбросила Сталину фальшивые материалы о заговоре в Красной Армии, что привело к аресту Тухачевского и других видных военачальников.

Но на самом деле судьба Тухачевского и Кутепова решилась без участия Скоблина и Плевицкой. А вот в истории генерала Миллера они сыграли роковую роль…

Семен Костров продиктовал ответную шифровку в Вену:

«Вербовку генерала считаем ценным достижением в нашей работе. В дальнейшем будем называть его «Фермер», жену — «Фермерша». На выдачу денег в сумме 200 американских долларов согласны. Однако деньги ему надо выдавать не вперед, за следующий месяц, а за истекший, так сказать, по результатам работы. Пять тысяч франков на уплату долга выделены.

Однако прежде, чем мы свяжем «Фермера» с кем-либо из наших

людей, нужно получить от него полный обзор его связей и возможностей в работе. Пусть даст детальные указания о людях, коих он считает возможным вербовать, и составит о них подробную ориентировку.

Возьмите у него обзор о положении в РОВС в настоящее время и поставьте перед ним задачу проникновения в верхушку РОВС и принятия активного участия в его работе. Наиболее ценным было бы, конечно, его проникновение в разведывательный отдел организации При переговорах с «Сильвестровым» «Фермер» говорил о том, что генерал Миллер одно время предлагал ему работу по разведке. Нет ли у него сейчас возможности активизации в этом отношении?

Запросите через «Сильвестрова», может ли «Фермер» выехать в какую-либо страну по нашему указанию вместе с «Сильвестровым» для встречи с нашими людьми?

Теперь в отношении «Фермерши». В докладе «Сильвестрова» упоминается о том, что она также дала согласие. Однако мы считаем, что она может дать нам гораздо больше, чем одно «согласие». Она может работать самостоятельно. Запросите, каковы ее связи и знакомства, где она вращается, кого и что может освещать. Результаты сообщите. В зависимости от них будет решен вопрос о способах ее дальнейшего использования».

Связь с генералом поддерживалась через Ковальского. Скоблин отправлял Ковальскому в Вену письма, написанные симпатическими чернилами.

Шифр был примитивный, но в резидентуре исходили из того, что Скоблина никто и ни в чем не подозревает, поэтому его корреспонденция не перехватывается и к специалисту-контрразведчику генеральское послание в руки не попадется.

Скоблин, осваивая новую профессию, писал Ковальскому регулярно:

«Дорогой Петя!

20 ноября генерал Миллер выезжал в Болгарию. Поездка серьезная. Кроме посещения болгарского отдела РОВС свидание с царем Борисом. Цель поездки — восстановить планы Кутепова.

Руководство РОВС занято сейчас Дальним Востоком, где активизируется белоэмигрантская работа.

В Париже открываются высшие курсы, на которые собраны лучшие офицеры Добрармии — 100 человек. Цель курсов — подготовить офицеров к засылке в СССР или к отправке на Дальний Восток. На курсах, насколько мне известно, знакомят с положением внутри СССР, с современным состоянием Красной Армии.

Главную роль во всем РОВС играет генерал Шатилов,

который, пользуясь своим влиянием на генерала Миллера, держит все и всех в своих руках.

Практически РОВС — это он. Миллер лишь представительствует. Среди эмигрантских организаций Шатилов не пользуется симпатией. Опирается на нас (корниловцев). Личная встреча дала бы мне возможность сделать подробный доклад о всех группировках и предложить ряд идей, которые надо приводить в исполнение. Излагать все в письме очень трудно и слишком громоздко.

Твой Николай Скоблин».

Ковальский под диктовку венского резидента писал ответ, требуя от генерала большей активности в сборе интересующей ОГПУ информации. Тон писем был несколько недовольный — генерала следовало настроить на постоянную работу. Скоблину должно было казаться, что он дает слишком мало информации и свои деньги не отрабатывает.

Скоблин немного обижался и настаивал на встрече с представителями Москвы. Генерал писать не любил и жаждал прямого общения:

«Дорогой Петя!

Ты прав, браня меня, но я не могу сразу сориентироваться в этой работе, тем более что необходимо проявлять сугубую осторожность. Я особенно стремлюсь к предстоящему свиданию, так как некоторые затронутые тобой вопросы настолько обширны, что ответить письменно, да еще шифром, для меня на первый раз трудно. Необходимы вообще периодические встречи.

Теперь разреши побранить и тебя. Мы с тобой условились: если письмо зашифровано, то обращение ко мне или к тебе будет печатными буквами. Ты этого не сделал, и я это письмо расшифровал случайно. В другом письме ты указал, что для собственного контроля нужно вверху письма ставить дату последнего, а внизу — посылаемого. Ты этого тоже не сделал.

Попасть в оперативно-разведывательный орган РОВС сразу трудно, но попытаюсь. На этот счет у меня есть свои соображения, которые изложу при встрече. Да и расскажу подробно об отделе. Совершенно другая работа, чем при Кутепове.

Как решен вопрос о встрече? Где и когда?

У Надежды Васильевны будут гастроли в Риге, но визы в Латвию пока не получены, и трудно сказать, когда они будут. Германскую визу имею и могу выехать в Берлин немедленно. Предоставляю тебе решить вопрос о времени свидания. Предлагаю между 2 и К) октября. Выеду с Надеждой Васильевной. Имею большой материю!. Прошу тебя немедленно сообщить дату свидания и прислать часть долга на дорогу.

У меня кончились химические чернила, и будь добр написать разборчиво название нового состава и способ его употребления. В прошлом письме ты написал очень слабо, прочесть было невозможно.

Твой Николай Скоблин».

Резидент советской разведки в Вене, просмотрев письма Скоблина, остался недоволен.

«Центр.

При ознакомлении с донесениями «Фермера» я пришел к убеждению, что «Фермер» совершенно не знаком с разведработой и немножечко еще трусит. Причисляя себя к верхушкам, он бы хотел сразу разрешать вопросы общего руководства РОВС, упуская из виду имеющиеся у него (по словам «Сильвестрова») разные интересные материалы, как-то: сводки и донесения всех ячеек РОВС. Возможно, все дело в том, что он не получил от нас точного наставления относительно его работы. «Фермер» уверяет нас, что его слишком смущает писание симпатическими чернилами, поэтому многие вопросы он не освещает и оставляет до личного свидания. Полагаю, это отговорка. Необходимо самым тщательным образом проверить — не подсадка ли это от РОВС. Вацек».

Резидент не мог избавиться от сомнений, знакомых каждому разведчику: если кого-то удалось слишком легко завербовать, то не значит ли это, что он просто-напросто работает на контрразведку врага?

Кроме того, первые донесения Скоблина действительно не представляли особой ценности для Москвы. Скоб-лип рассказывал о том, что и без того было известно иностранному отделу ОГПУ, который располагал внутри Российского общевоинского союза не одним, не двумя, а целой сетью агентов и легко мог проверять и перепроверять любое сообщение агента.

Новая встреча с Николаем Скоблиным и Надеждой Плевицкой была организована в конце декабря, но не в Берлине, как хотел генерал, а в Вене, где находилась ведавшая им резидентура советской разведки.

Надежда Плевицкая отправилась в турне по Европе, а генерал, как обычно, ее сопровождал. Он использовал поездку для встреч с руководителями отделов РОВС в разных странах, видными деятелями эмиграции, которые рады были встрече с человеком из Парижа и охотно делились своими успехами.

Скоблин и Плевицкая приехали в Вену 19 декабря и остановились, как им велели, в отеле «Континенталь». Резидент сам встречаться с ними не захотел, отправил Ковальского одного. Ковальский задавал им вопросы, поставленные резидентом,

записывал ответы и вечером докладывал начальству.

Так продолжалось два дня. Скоблин, кроме всего прочего, начал понимать, что именно интересует Москву и как нужно излагать информацию. В конце концов, он сам написал один доклад. Он даже предложил провести операцию, которая помогла бы советской разведке проникнуть в область работы генерала Драгомирова, то есть в секретное подразделение РОВС, занимающееся активной разведкой внутри СССР.

— Послушай, что я придумал, Петя, — увлеченно рассказывал Скоблин.

Отправив Плевицкую за покупками, они уединились в гостиничном номере.

— Мой брат, с рекомендательным письмом от которого ты приехал ко мне, выдаст себя за представителя контрреволюционной организации в Москве. Вы договоритесь с ним, чтобы он регулярно отправлял мне письма с намеками на существование такой организации, а я сделаю так, чтобы эти письма попадали в руки драгомировских разведчиков.

— Генерал Драгомиров заподозрит ловушку, если столь откровенные письма пойдут из Москвы, — возразил Ковальский.

— Я все продумал, — успокоил его Скоблин. — Письма будут посылаться не из Москвы, а из портовых городов — Гамбурга, Марселя — в те дни, когда там бросает якорь какой-нибудь советский пароход. Это снимет возможные подозрения РОВС. Ваши люди включат в команду своего человека — тоже бывшего офицера, чтобы люди Драгомирова могли его быстро вычислить и найти. Драгомиров, не сомневаюсь, ухватится за возможность установить связь с антисоветской боевой организацией.

— А цель операции?

— Если Драгомиров клюнет, он пошлет на встречу с представителями этой организации своих людей из-за кордона, и — главное — тех, кто у него сидит в Советском Союзе законспирированный. Такая операция позволит выбить лучшие боевые кадры 1'ОВС, а готовых к переходу через границу боевиков у Драгомирова не так уже много.

Резиденту эта идея не понравилась. Он вообще сомневался в искренности Скоблина. Он полагал, что генерал — двойной агент и ведет игру с советской разведкой по указке того же генерала Драгомирова и с санкции председателя РОВС Миллера.

Резидент на всякий случай приказал Ковальскому быть осторожным со Скоблиным, не откровенничать и провести небольшую проверку. Москва быстро отреагировала на идею с Драгомировым. В иностранном отделе больше верили в потенциальные возможности Скоблина и Плевицкой и не

спешили впутывать их в опасные комбинации. В шифротелеграмме Кострова говорилось:

«У меня большие сомнения в целесообразности строить легенду от «Фермера» на брата при всей заманчивости идеи проникновения к Драгомирову. Полагаю, что «Фермеру» сперва следует предпринять ряд шагов для закрепления в верхушке РОВС, а затем уже в зависимости от обстановки вылезать с активными предложениями».

Ковальский не сумел скрыть от Скоблина и Плевицкой свою внезапную настороженность. Это привело его к мало приятному объяснению с Надеждой Васильевной.

Скоблин остался в отеле записывать содержание своей беседы с генералом фон Лампе, который руководил отделом РОВС в Берлине. Ковальская и Плевицкая отправились на прогулку в Шембрук.

В зимнем саду было довольно много людей, и Плевицкая, которая была в минорном настроении, почти со слезами на глазах вспоминала, как она ездила в Царское Село, как заботливо к ней относился покойный император, с каким наслаждением и восторгом она пела для всей императорской семьи.

Дождавшись, когда они останутся одни, Надежда Васильевна стала выговаривать Ковальскому:

— Колечку нервирует ваше недоверие. Поймите, ведь Колечка — солдат. Политикой раньше не занимался и вообще хотел уйти в отставку. Ваш приезд вновь втянул его в работу. Сейчас он всецело предан только вам. Требовать от него слишком много вы не должны. Он может дать только то, что знает. И не заставляйте его слишком много писать. Он это делает неохотно, да и не обладает даром слова. Иное дело я. Я могу написать, сколько хотите.

Последние слова Плевицкой не были бравадой. Она написала две книги воспоминаний, пользовавшиеся успехом среди эмигрантов. Она, судя по почерку, писала и донесения, которые подписывал Скоблин.

Ковальский внимательно слушал Скоблина и Плевицкую, запоминал, вечером докладывал резиденте Тот слушал внимательно, но скептически. На третий день резидент поручил Ковальскому еще раз провести проверку Скоблина.

Ковальский позвонил генералу и назначил свидание. Они встретились на улице возле отеля, взяли такси и поехали в кафе. Подчиняясь данным ему инструкциям, Ковальский не сразу назвал таксисту адрес, а заставил немного попетлять по городу, чтобы определить, не следят ли за ними. Убедившись, что никто за ними не следует, Ковальский попросил таксиста остановиться

возле кафе, которое накануне выбрал вместе с сотрудником резидентуры. В кафе было пусто, и никто не мог их подслушать.

Ковальский предупредил Скоблина, что разговор будет неприятным.

Генерал сидел насупленный. Ответил, что готов выслушать и принять все, что ему хотят передать.

— Понимаешь, Коля, часть наших товарищей не особенно тебе доверяет, — начал Ковальский. — Мне приходится вести с ними большую борьбу. Но, увы, должен тебе заметить, что мотивов для недоверия слишком много.

Скоблин побледнел. Принесли кофе, но он даже не притронулся к своей чашке. Сидел прямой, как палка, и смотрел немного в сторону.

— В чем же меня обвиняют? — с трудом выговорил он.

— Обвинение — слишком жесткое слово, Коля, — поправил его Ковальский. — Но как прикажешь расценивать твою недоговоренность в донесениях? Несообщение тобой плана налета на советское полпредство? О некоторых важных событиях, происходящих в РОВС, мы почему-то узнаем не от тебя, а от других.

Когда Ковальский замолчал, Скоблин несколько минут сидел молча. На глазах у него выступили слезы. Когда он заговорил, голос его дрожал:

— Скажи же мне, Петя, чем я могу доказать свою преданность вам? Я честно служил делу Добровольческой армии тринадцать лет, хотя еще в 1924 году разочаровался в идеях наших вождей. Если бы мне тогда кто-то предложил служить Красной Армии, уже шесть лет работали бы вместе. Я даю вам все, что имею, но ведь из лимона нельзя выжать соку больше, чем в нем есть. К тому же ты знаешь, Петя, что я отошел от работы в РОВС, и теперь мне приходится вновь в нее втягиваться. Что касается разведки, то для меня это совершенно новое и незнакомое дело. Поэтому я и стремился к свиданию с тобой и твоими друзьями. Мне нужны подробные и четкие инструкции. И хотел просить вас быть особенно осторожными в контактах со мной. Мой провал вам ничем не грозит, а мне пустят нулю в лоб…

Скоблин вновь замолчал. И вдруг добавил:

— А после нашего разговора я вижу, что пули мне так или иначе не миновать. Не с одной стороны, так с другой.

Увидев слезы на глазах генерала, Ковальский решил снять напряжение и постарался успокоить Скоблина:

— Ты должен нас правильно понять, Коля. Мы подходим к тебе с сугубой осторожностью, потому что считаем тебя не простым информатором, а ценным работником генерального

штаба, выполняющим особое задание за границей. Это знак особого к тебе доверия. Но, естественно, мы должны убедиться в твоей стопроцентной верности. Тебе как разведчику обижаться не приходится. Это даже в твоих интересах: в нашей работе лучше десять раз проверить, чем один раз ошибиться.

Ковальский отвез Скоблина в отель, а сам отправился на конспиративную квартиру, где его ждал резидент.

Лишенный всякой сентиментальности, резидент равнодушно выслушал рассказ Ковальского. Доказательств двойной игры Скоблина у него не было — одни подозрения. И резидент своим подозрениям доверял не меньше, чем документальным доказательствам. Но пока что, подчиняясь приказу Москвы, приказал отвезти на следующий день Скоблину наградные.

Передавая генералу портфель, в котором были деньги, Ковальский пышно сказал:

— Убежден, Коля, что следующая награда будет красоваться у тебя в петлице.

Скоблин поблагодарил, а Надежда Васильевна держалась на сей раз демонстративно холодно. Скоблин, конечно же, пересказал ей вчерашние слова Ковальского.

Плевицкая сидела в кресле и разговаривала с Ковальским высокомерным тоном:

— Я совершенно не ожидала, что в Вене нас так встретят. Мы, кажется, не подали к этому никаких оснований… Вы обязаны относиться к нам более бережно. Ведь и я, и Колечка всей душой с вами. А недоверие только подрывает наши душевные силы и готовность работать… Как же мы можем преданно служи гь вам, ощущая постоянное недоверие? Получается, что мы сели между двух стульев: от своих отстали и их предали, а к вам, выходит, не пристали. потому как нет нам веры…

Плевицкая вдруг сменила тон. пересела поближе к мужчинам и стада втолковывать Ковальскому:

— Вы должны объяснить вашим друзьям, что все наши симпатии на стороне русского народа. Поэтому мы с вами. И я вас очень прошу быть осторожными. Ведь провал Колечки будет стоить ему жизни.

Скоблин неожиданно вмешался в разговор, избавив Ковальского от необходимости отвечать Плевицкой.

— Нет, нет, Надюша, я прекрасно понимаю недоверие Москвы. Как же, такой матерый доброволец, тринадцать лет сражавшийся против СССР и вдруг сразу перешел на службу в Красную Армию! Но надо помнить, — тут он уже обратился к Ковальскому, — что настоящий перелом произошел во мне еще шесть лет назад. Не было только удобного случая перейти к вам.

А явился ты, живой человек, полный энергии и веры в свое дело, и сразу же сломил меня.

— Поверь, Петя. — продолжал Скоблин, — сотня писем от моих братьев ничего бы не изменила. Я тебе поверил как другу, солдату, боевому товарищу. И прошу так же относиться ко мне. Пройдет время, и вы удостоверитесь в моей преданности. Наша встреча научила меня многому. Теперь я знаю, что вам надо, чего вы от меня требуете, и постараюсь выполнить ваши пожелания.

Этот монолог Скоблина снял напряженность, и последний день прошел почти в дружеской беседе. Ковальский преподнес Надежде Васильевне коробку дорогих конфет, это ее смягчило. Расстались они по-доброму. Вечером Скоблин и Плевицкая уехали в Берлин.

Докладывая резиденту о беседе, Ковальский доказывал, что Скоблин искренен.

— Я его знаю с 1917-го, — говорил Ковальский. — Он не двойной агент. Он не из породы мелких провокаторов. Его приход к нам продиктован двумя причинами: разочарованием в белых вождях и нуждой в деньгах. Скоблин находится в полной зависимости от Плевицкой, в том числе экономической. Я считаю Скоблина человеком без вольным и подкаблучником. Истеричная и изнеженная Плевицкая полностью его подчинила.

Ковальский сразу невзлюбил Плевицкую, хотя без ее согласия Скоблин бы никогда не решился работать на советскую разведку. Возможно, Ковальский как бы ревновал Скоблина к Плевицкой. Завербовав Скоблина, Ковальский считал его своей собственностью и ему не нравилось, что генерал так зависит от жены.

Глядя в холодные глаза резидента, Петр Ковальский уговаривал его посмотреть на Скоблина без предубеждения:

— Я понимаю ваши сомнения: почему Скоблин и Плевицкая с такой легкостью согласились на нас работать? Все дело в том, что мы подошли к ним в правильное время. Былая слава Плевицкой блекла, и они со Скоблиным принуждены были искать новые средства для продолжения прежней жизни, а жили они на широкую ногу. Отсюда согласие Плевицкой выступать в ресторане Рыжикова, аренда виноградников в Кло-де-пат, закончившаяся крахом, что поставило Скоблиных в тяжелое материальное положение. И тут появляюсь я… Вербовка открыла перед этим семейством две заманчивые перспективы: возможность сейчас вести безбедную жизнь за счет денег, получаемых из Москвы, и надежду воскресить славу Плевицкой потом — при возвращении в Россию.

Не сомневаюсь, что именно Плевицкая привяла решение и

велела Скоблину согласиться на наше предложение, — продолжал Ковальский. — Но Скоблин, осторожничая, работает пока с нами по принципу «с пользой для красных, но без вреда для белых». Желает на всякий случай обеспечить себе пути отхода.

— И вы считаете, что Скоблина можно заставить работать на все сто процентов? — иронически спросил резидент.

— Уверен! — горячо ответил Ковальский. — При двух условиях. Во-первых, разъединить его с Надеждой Васильевной. Это, по-моему, сделать довольно легко, так как Плевицкая заявила мне, что охотно поедет в СССР при гарантии нескольких концертов. Во-вторых, дать Скоблину комиссара, который бы подчинил его своему влиянию, что благодаря его бесхарактерности не представляется невыполнимой задачей, а затем ввел бы в активную работу и тем самым затянул бы совершенно шнур.

И Ковальский, победно улыбнувшись, крепко сжал руки, словно держал Скоблина за горло.

— А на роль комиссара Ковальский, разумеется, предлагает себя! — засмеялся Шувалов, прочитав шифровку из Вены.

Шувалов был в прекрасном настроении, потому что ему выделили новенький восьмицилиндровый, блестевший черным лаком «АМО». Автомобиль приводил его в восторг.

Он вложил шифровку в личное дело Скоблина и перебросил папку через стол Семену Кострову, награжденному орденом за участие в похищении генерала Кутепова.

На большом столе Шувалова не было ничего кроме письменного прибора, черепаховой пепельницы и пачки папирос «люкс».

Кострову предстояло вынести окончательное решение о том, как работать со Скоблиным. Планировалось, что он встретится со Скоблиным в Берлине, потом в Вене, но Костров не смог выехать из Москвы. Теперь резиденту в Вене было поручено организовать новую встречу специально для Кострова.

Венский резидент был опытным работником, и Костров прислушивался к его мнению. А резидент, понимая ценность Скоблина как агента, все же боялся: не с двойником ли они имеют дело?

Резидент доносил в Москву, что во время встречи в Вене они дали Скоблину подробные инструкции, как собирать, фиксировать и присылать добываемую им информацию. Резидент утверждал, что они выкачали из Скоблина все, что могли. Связи генерала в Париже, Софии и Праге очень интересны. По материалы, им привезенные, по оценке резидента, устарели и

представляли бы интерес только в том невероятном случае, если ОГПУ не получило их по другим каналам.

«Надо только найти доказательства того, что «Фермер» не действует с благословения Миллеровской банды, — писал венский резидент. — А это пока очень трудно сделать.

«Сильвестров» был мною предупрежден, чтобы он все время следил за «Фермером» и все разговоры вел из расчета, что «Фермер» может оказаться провокатором. У них произошел такой диалог.

«Сильвестров»:

— Если бы несколько месяцев назад к тебе явилось какое-то лицо из СССР с предложением или поручением, что бы ты считал своим долгом сделать в первую очередь?

«Фермер»:

— Доложить Миллеру или Шатилову.

Как вам это нравится? Какие у нас основания думать, что «Фермер» не сообщил Миллеру и о «Сильвестрове»?»

Шувалов истолковал этот разговор иначе, чем резидент.

— Просто наш Ковальский набивает себе цену, — сказал Шувалов Кострову, — всякий раз подчеркивает, что только он один смог бы завербовать Скоблина и что именно он должен руководить последующей работой генерала…

Венский резидент предлагал перепроверять полученную от Скоблина информацию через других агентов советской разведки внутри РОВС и наметил еще одну операцию для выяснения искренности генерала. По дороге в Париж Скоблин должен был задержаться в Берлине и захватить у главы германского отдела РОВС генерала фон Лямпе письма для Миллера и Шатилова. Эти письма Скоблин обещал дать на день Ковальскому, чтобы тот снял копий.

Резидент полагал, что по содержанию этих писем можно будет попытаться определить, подлинные они или сфабрикованы для советской разведки. Тогда и стало бы ясно, не ведет ли Скоблин двойную игру.

Но проверка не удалась. Скоблин написал Ковальскому, что фон Лямпе отослал письма в Париж, не дожидаясь генерала. Зато Скоблин сообщил, что включен в состав комиссии по подготовке мобилизационного плана бывшей Добровольческой армии на случай войны и уже попросил в штабе РОВС дать ему план часа на два — «для тщательного изучения».

Через Ковальского резидент посоветовал Скоблину не переписывать весь план от руки, а купить — за счет ОГПУ — фотоаппарат и переснять его.

Тем временем подал голос Петр Ковальский, уверившийся

после вербовки Скоблина, что он незаменим. Накануне Нового года Ковальский через голову непосредственного начальника отправил в ИНО ОГПУ раздраженное письмо.

«ИНО ОГПУ СССР

Рапорт

Считаю своим долгом обратить внимание на нижеследующее: 22 декабря с.г. истекло семь месяцев моего ничегонеделания в пределах Австрии. Работа по вербовке «Фермера» потребовала всего-навсего четырнадцати дней. Все остальное время я являлся ненужным балластом венского аппарата, так как в связи с «Фермером» и свиданием с ним был просто третьим лицом (техническим передатчиком получаемых мною сведений и распоряжений).

Все время у товарищей, к коим я обращался с вопросом: «Что же мне делать?», естественно, возникал тот же вопрос: «Что же, действительно, с ним делать?»

Получалось, что не работа ищет людей, а люди работу.

Если отбросить подозрение, что мне не доверяют, остается предположить, что я здесь лишний человек, так как для работы на Балканах у меня «тяжелый стаж» семилетнего пребывания в Советском Союзе и полное отсутствие связей и возможностей «зацепиться» на Балканах. Сам понимаю, что для Австрии я человек с довольно-таки «подмоченной репутацией» — чего стоит мое сидение в Бадене с персидским паспортом, в котором красовалась советская виза.

«Сильвестров». Вена».

Пока в иностранном отделе читали жалобу Ковальского, в Москву приехал на совещание резидент из Вены. Костров показал письмо и ему. Резидент прочитал и пренебрежительно скривился:

— Я был бы очень доволен, если бы вы решили не привлекать больше Ковальского для работы со Скоблиным. У парня начинается головокружение от близости к начальству. Мы с ним очень хороши во всех отношениях, но я предчувствовал, что он вам будет писать письма через мою голову. Это стало ясным после того, как я скептически отозвался о его плане быть комиссаром при Скоблине. А ведь я предложил ему перебраться с новым заданием в Чехию или Болгарию, обещал ему железные «сапоги».

«Сапоги» на языке разведчиков — это документы. «Железными сапогами» именовались надежные документы.

— А какие у тебя к нему претензии? — спросил Костров.

— Меня смущает в нем слабая сообразительность. Посмотрите его анализ встречи со Скоблиным — сплошная глупость! Он делает вывод, что надо разъединить Скоблина с

Плевицкой. Это невозможно! Плевицкая все время повторяет; «Я за своего Колечку так боюсь, я его никуда одного не отпускаю». Даже в Вену на встречу с нами вдвоем прикатили. О каком комиссаре можно говорить, когда Плевицкая держится за генерала обеими руками! Да и какие у нас есть основания думать, что комиссар подчинит своему влиянию Скоблина? А если наоборот?

Резидент задумался, что-то вспоминая:

— Думаю, что за рапортом Ковальского кроется его желание сменить Вену на более приятный Париж. Я считаю нужным сказать, что Ковальский работал добросовестно, но он не очень сильный партнер для Скоблина. Характерную фразу, кстати говоря, бросила Плевицкая в Вене: «Ну теперь, надеемся, ученик превзойдет своего учителя».

— Твои предложения? — поинтересовался Костров.

— Хорошо бы, вы отписали Ковальскому так: его «безделье» в течение семи месяцев — не наша злая воля, а следствие трудного положения, в котором он оказался. А в конце припишите, что в Вене есть резидент, он и будет тобой руководить по нашему заданию.

И резидент приятно улыбнулся.

— Отношения Ковальского с венским аппаратом, что называется, не сложились, — доложил Костров Шувалову. — Но переводить Ковальского в Париж, поближе к Скоблину мне не хочется. Во-первых, он французского не знает, плохо ориентируется в местной обстановке. Во-вторых, когда Скоблин начнет давать серьезную информацию, я хочу закрепить за ним кого-то из руководителей резидентуры.

— Я тоже возлагаю на Скоблина большие надежды, — согласился Шувалов. — Так что же делать с Ковальским? На его засылку ушло столько сил и средств, что не по-хозяйски было бы возвращать его домой после выполнения одного-единственного задания.

— Пусть пока сидит в Вене и ждет, — твердо сказал Костров. — Работа найдется.

Он хотел идти, но Шувалов его задержал:

— Внуши, пожалуйста, резиденту от моего имени, что Скоблин — крайне важный объект для будущих разработок, особенно благодаря его положению руководителя целого объединения офицеров Добрармии — корниловцев. Тщательный анализ его знакомств и связей, взаимоотношений с различными объединениями и группировками эмиграции — все это может дать исключительно ценный результат. Поэтому ты сам встретишься со Скоблиным и найдешь ему нового куратора, дабы

не превращать его в мелкого агента-установщика под местным руководством.

И объясни резиденту, что нельзя перестраховки ради в каждом письме говорить о Скоблине как о провокаторе, — уже раздраженно добавил Шувалов. — Некоторый элемент сомнения и подозрительности не помешает, но особо увлекаться этим не следует.

Шувалов прошелся по кабинету.

— Какие у резидента основания для подозрительности? — спросил он.

— Главным образом он жалуется на то, что Скоблин не сообщает ничего сенсационного, что от него можно узнать только то, что и так известно.

— Особо нового или сенсационного в материалах, полученных от Скоблина, действительно нет, но он четко информирует нас о взаимоотношениях в руководящей верхушке РОВС, рассказывает подробности, которые знает только он, — возразил Шувалов. — Не понимаю ернического тона резидента, — этих подробностей у нас не было и не могло быть. А если и были? Разве это как-то бросает тень на Скоблина? Напротив, мы получаем дополнительный проверочный материал. Другой вопрос, что от Скоблина можно получить больше, но этим надо заниматься, работать с генералом, а не демонстрировать нам свою бдительность.

После разговора с Шуваловым Костров пригласил венского резидента к себе.

— Слушай указания начальства, — сказал Костров. — В последнем письме Скоблин пишет, что на банкете марковского полка встретил офицера, недавно вернувшегося из СССР Ковальский должен немедленно попросись Скоблина выяснить имя этого марковца. И передайте Скоблину, что в конце января в Берлине с ним встретится человек из Москвы.

— Кто именно? — поинтересовался резидент.

— Я.

21 января 1931 года Надежда Васильевна Плевицкая и Николай Владимирович Скоблин прибыли в Берлин. Им была обещана встреча с большим начальником из Москвы. В этот же день из Вены должен был приехать Петр Ковальский, чтобы познакомить супругов с Костровым. Но Ковальский в Берлин не прибыл.

Что же с ним произошло?

В шесть вечера 20 января он приехал на венский вокзал. Билет на берлинский поезд он купил заранее. По нуги он проверился, как привык это делать все месяцы, проведенные в

Вене. «Хвоста» не было. Или он не сумел его заметить.

Проходя по перрону, он неожиданно услышал позади себя русскую речь. Это были слова: «Что вы на это скажете?» Ковальский машинально обернулся. Позднее он будет ругать себя за неспособность владеть собой. Он жил в Вене по чешскому паспорту, хотя и не скрывал, что он русский эмигрант.

Обернувшись, он увидел сзади двух человек, которые говорили между собой, как будто бы не обращая на Ковальского внимания. Один из них был высокого роста, полный, в теплом пальто. Другой — низкого роста, средней комплекции, очень подвижный. Чуть позже выяснится, что это был агент полиции.

Поезд, как это водится в Европе, отправился точно по расписанию. Минут через пятнадцать после отправления Ковальский отправился в вагон-ресторан. Ужинал, не торопясь, пил кофе и просидел там часов до девяти. Когда поезд остановился в Линце, Ковальский вернулся к себе. А когда поезд тронулся, в купе Ковальского без стука по-хозяйски зашел давешний низенький человек.

Он представился агентом австрийской полиции и попросил предъявить документы. Ковальский протянул ему паспорт. Полицейский внимательно просмотрел каждую страничку и спросил:

— Брно — это бывший Брюн?

— Да.

— А не Берн?

— Не Берн, а Брно. Это чешский город. Родился я в Ужгороде, а паспорт мне выдали в Брно.

— Я пока задержку ваш паспорт, — сказал агент, ничего не объяснив, и ушел, оставив дверь купе открытой.

Ковальский не знал, что делать. С одной стороны, он не арестован — и, вполне возможно, все еще закончится благополучно. С другой, у него в кармане лежали списки белых офицеров, только что полученные с очередным донесением от Скоблина. Это опасная улика.

Проще всего было выбросить списки в окно. Но сначала следовало убедиться, что за ним не следят. Ковальский вышел в коридор и направился в сторону туалета. Немедленно из соседнего купе появился другой агент, остановил Ковальского и попросил вернуться.

Войдя с Ковальским в купе, он закрыл за собой дверь и спросил по-немецки:

— На каком языке вы предпочитаете говорить?

— На польском или на украинском.

— Неправда, — сказал агент на чистом русском языке. — Вы

русский и коммунист.

— Что касается коммунизма, то я тринадцать лет веду с ним борьбу, — гордо сказал Ковальский.

— Неправда, вы коммунист. И у вас недавно был совсем другой паспорт. Где он, кстати?

Ковальский твердо решил отпираться до последнего. Полицейский был насупленный, высокомерный. В ответ и Ковальский разговаривал с ним довольно небрежно.

— Не притворяйтесь младенцем, — наседал полицейский. — Лучше скажите, где вы купили этот паспорт? Я советую вам не лгать, а говорить правду. Вам же лучше будет. Мы вам ничего не сделаем. Чем скорее скажете правду, тем скорее отпустим.

— Паспорт я не покупал, а получил в установленном порядке в Брно.

Агент полиции снял кепку и положил ее на столик.

— Мы знаем, что у вас совсем недавно был другой паспорт. А этот вы купили. Когда вы вернулись из Голландии?

Последний вопрос воодушевил Ковальского — может быть, они приняли его за другого?

— Я и паспорта не покупал, и в Голландии никогда не был. Кто-то снабжает вас неверной информацией.

Полицейский нахмурился и полез во внутренний карман пиджака за записной книжкой. Вытащил большую затрепанную книжку в кожаном переплете и начал ее листать. Нашел нужную страницу, затем открыл паспорт Ковальского и вслух прочитал его приметы, указанные в паспорте, сверяя их с записями в книжке. Читал он медленно, почти что по слогам, повторяя все время: «Так, так». Потом захлопнул спою книжку и посмотрел на Ковальского:

— Нет, вы коммунист, живете по чужому паспорту и недавно ездили в Голландию. В ноябре вы были в Вене?

— Не был.

— Как не были? Говорите правду. Чего вам бояться? В Австрии коммунизм не запрещен, и вам ничего не будет.

Ковальский молчал. Агент задумался и вдруг приказал:

— Встать!

Ковальский изобразил на лице изумление и нехотя поднялся. Агент осмотрел его с ног до головы, опять достал свою книжку и что-то в ней посмотрел.

— Сядьте.

Ковальский сел и возмущенно спросил:

— Я же вам уже сказал, что я не коммунист и в Голландии никогда не был. Что вас еще интересует?

Агент не обратил внимания на его слова.

— Покажите, что у вас в карманах.

Ковальский пожал плечами и сказал, что подчиняется силе, хотя по закону имеет полное право отказаться. Выложил на столик бумажник, деньги, перочинный нож и ключи.

Агент порылся в бумажнике, но не нашел там ничего интересного. Он принялся за чемодан Ковальского, открыл его, довольно поверхностно осмотрел вещи. Потом решительным жестом вывернул содержимое чемодана на кровать, начал выстукивать дно. Ковальский протянул ему перочинный нож:

— Если дело обстоит так серьезно, может быть, хотите, чтобы я разрезал подкладку?

— Не надо, — агент сразу утратил интерес к чемодану.

Он внимательно осмотрел купе, но других вещей у Ковальского не было. Тогда он принялся за Ковальского. Жестом приказав ему встать, обшарил его карманы.

Агент обнаружил офицерские списки и квитанции на письма генералу Скоблину.

— А это что? — торжествующе спросил он. — Списки членов вашей партии и квитанции на письма товарищам!

Видно было, что агент очень собой доволен. Обыск увенчался успехом, найдены важные документы.

— Вот видите, а не хотели сознаваться, что вы коммунист, — удовлетворенно сказал он и, подобрев, предложил Ковальскому сесть. — Теперь осталось только сказать, когда вы приехали в Австрию и где ваш старый паспорт?

— Ну если вы считаете штабс-капитана корниловского полка коммунистом, то мне нечего вам ответить, — раздраженно сказал Ковальский. — О каком старом паспорте вы говорите, я просто не могу понять. Когда я бежал из России, то получил, как и все, нансеновский паспорт. Он остался в Чехии, когда в Брно мне выдали новые документы. В Австрию я приехал 14 сентября 1930 года.

— Так вы офицер корниловского полка? — переспросил агент. — Я очень хорошо знал генерала Корнилова. Я видел его в Екатеринодаре.

Ковальский покачал головой. На этой площадке полицейскому не стоило с ним соревноваться.

— Сомневаюсь, что вы могли видеть Лавра Георгиевича в Екатеринодаре, — самым вежливым образом ответил Ковальский. — Корнилов был убит на подступах к городу.

— А на какой же, по-вашему, день штурма Екатеринодара был убит Корнилов? — неожиданно спросил агент.

Теперь уже Ковальский не думал, что его задержание было случайным, а не производивший серьезного впечатления агент

полиции — легкий противник.

— Корнилов погиб на — четвертый день штурма, — сказал Ковальский. — Артиллерийская граната попала прямо в его комнату в штабе. А на второй день погиб мой полковой командир подполковник Митрофан Осипович Неженцев. На поле боя его заменил мой друг капитан Скоблин, ставший со временем Генералом. А новым командиром корниловского ударного полка Лавр Георгиевич незадолго до своей смерти назначил Александра Павловича Кутепова, тогда еще полковника.

— Откуда, кстати, пришла Добровольческая армия к Екатеринодару? С какой стороны реки? — продолжал агент.

Этот вопрос свидетельствовал о том, что агент действительно готовился к разговору с Ковальским. На такой вопрос мог ответить только тот, кто действительно сражался под Екатеринодаром.

— Конная бригада генерала Ивана Георгиевича Эрдели и 2-я бригада Богаевского, в которую входил корниловский полк, переправились с левого на правый берег у станицы Елисаветинской. Там был паром, — небрежно ответил Ковальский.

— А какой красный генерал выгнал Врангеля из Крыма? Слабенький вопрос.

— Не генерал, а командовавший Южным фронтом Фрунзе.

— А кто командовал частями Красной Армии во время первого похода добровольцев на Кубань?

— Кажется, Егоров и Жлоба.

— А Сорокина не помните? — прищурился агент.

— Я помню всех добровольческих полководцев, а красные меня не интересуют.

— Ну хорошо, оставим историю, — сказал полицейский. — Меня интересует другое: каким же образом вы, русский офицер, получили чешский паспорт? С какой стати чешское правительство выдает паспорта русским подданным?

Это был трудный вопрос, но Ковальского подготовили к ответу еще в Москве.

— Если вас это действительно интересует, я готов сказать вам правду.

— Давно бы так, — проворчал полицейский.

— Вынужден совершить краткий экскурс в историю, — начал я. — Одно время корниловский полк, в котором я служил, квартировал в Ставке Верховного Главнокомандующего. После неудачного корниловского наступления полк был лишен его имени и переименован в Славянский. Полк включили во 2-ю Чехо-Словацкую дивизию.

— Она тоже стояла в районе Бердичева.

Для австрийского полицейского он был на редкость хорошо осведомлен в современной русской истории.

— Совершенно верно, — подхватил Ковальский. — Вот там, в Ставке, я и познакомился с тогдашним комиссаром дивизии и теперешним президентом Чехо-Словацкой Республики Томашем Масариком.

Агент глубокомысленно кивнул головой.

— Когда армия Врангеля была разбита и нас эвакуировали из Крыма, — продолжал Ковальский, — все мы бросились выискивать любые основания для получения иностр? иного паспорта. Я быстро сообразил, как мне действовать. У меня была прекрасная зацепка. Я обратился прямо к Масарику, сославшись на то, что родился в Прикарпатской Руси, в Ужгороде.

— И президент откликнулся на вашу просьбу? — Полицейский придал своему лицу ироническое выражение.

— Да, он наложил на моем заявлении собственноручную резолюцию: «Выдать паспорт — знаю лично». Вот таким образом я получил мои документы, которые почему-то вызывают у вас недоверие.

Агент без интереса выслушал его объяснения. Он щелкнул крышкой часов, выглянул в окно. Поезд подходил к станции Пассау. Агент предложил Ковальскому одеться, собрать свои вещи и следовать за ним.

На станции агент отвел Ковальского в комнату, занимаемую управлением австрийской пограничной полиции. Здесь допрос продолжился.

— Теперь объясните, почему у вас с собой списки полка? Кому вы собирались их передать? И где, кстати, ваш генерал Кутепов?

Ковальский отвечал, демонстрируя полное спокойствие:

— Где сейчас находится генерал Кутепов, это, пожалуй, вам лучше знать.

Брови у агента поползли вверх.

— Мы сами его ищем, — продолжал Ковальский. — А списки я получил от командира полка для фильтрации. Надеюсь, вы понимаете, что имеется в виду. После исчезновения Кутепова настало время тщательной чистки всего зарубежного офицерства. Среди наших бывших сослуживцев немало провокаторов и большевистских агентов. В этих списках вы найдете фамилии офицеров, которых мы уже вычистили.

Агент потерял интерес к спискам и задал вопрос из другой сферы:

— Что вы вообще делаете в Вене? На какие средства живете?

— Я в Вене ничего не делал, а живу на деньги, которые получаю от брата из Чикаго.

— Деньги приходят к вам непосредственно из Америки?

— Через моего приятеля, ведь я в Вене временно. Жду визы в Америку.

Агент откровенно засмеялся:

— Как же это вы в Америку с таким маленьким багажом собрались?

— А почему вы решили, что я сейчас еду в Америку? — ледяным тоном сказал Ковальский. — Я направляюсь в Берлин.

Агент разложил на столе его бумаги и квитанции.

— Кто такой Скоблин, *с* которым вы ведете переписку?

Ковальский понимал, что здесь он должен быть особенно осторожен. Одно лишнее слово может поставить Скоблина под удар.

— Генерал Скоблин — командир корниловского полка и, следовательно, мой командир.

— Значит, это он передал вам списки для проверки?

— Да, — небрежно сказал Ковальский. — Он поручил мне проверку как старому корниловцу.

— Где вы живете в Вене? — вновь перемена темы.

Ковальский не мог ни на минуту расслабиться. Неудачный ответ, неправильная реакция — и провал!.. Спи на у него взмокла, но Ковальский старался не выдать своего волнения. Агент не должен был заметить его беспокойства.

Ковальский назвал свой венский адрес.

— И давно вы там обитаете? — спросил агент, записав адрес в свою книжку.

— С первого декабря.

— А раньше?

Ковальский назвал и прежний адрес. Он действительно там снимал квартиру.

— Вы называете реальные адреса или придуманные? Вы же понимаете, что нам нетрудно их проверить? — с нажимом сказал агент.

— Я рекомендую вам сделать это прямо сейчас, — хладнокровно парировал Ковальский. — Вы как раз застанете мою хозяйку дома. Ее телефон: И-13-6-79.

Агент записал номер, но звонить не стал, отложил книжку.

— А кто же этот ваш приятель, который столь любезно снабжает вас деньгами?

Делать было нечего. Ни на кого иного Ковальский сослаться не мог. Приходилось называть имя Скоблина.

— Разве я вам не сказал? — Ковальский сделал удивленное

лицо. — Я получаю деньги через генерала Скоблина.

— Почему брат не может посылать вам деньги напрямую?

— Я уже это объяснял: у меня нет постоянной квартиры, как у Скоблина, у которого свой дом в Париже. К тому же он друг моего брата.

— Почему на вас надето все новое? — Теперь агент задавал вопросы быстро, один за другим, словно заранее их заучил.

Ковальский старался отвечать так же быстро, словно они играли шахматную блицпартию.

— Что это за лекарство у вас с собой?

Ковальский почувствовал холодок в груди. В пузырьке, который Ковальский возил с собой, хранились химические чернила для тайнописи.

— У меня грипп и неважно с желудком.

— Для человека вашей профессии у вас вид вполне здоровый, — издевательски протянул агент.

Он поднялся из-за стола:

— Сейчас приду.

Ему на смену вошел другой полицейский. Это была передышка, а Ковальский нуждался в отдыхе после утомительного допроса. Но отсутствием старшего агента следовало распорядиться разумнее. Ковальский попросил отвести его в туалет, чтобы выбросить ручку, которой он писал шифровки симпатическими чернилами. Но опытный агент оставил двери открытыми, и избавиться от опасной улики Ковальскому не удалось.

Тогда, вернувшись в комнату, он сказал, что ему надо принять лекарство, и попросил стакан воды. Полицейский подозрительно взглянул на его пузырек, но воды дал. Ковальский лихо проглотил все содержимое пузырька, и ему действительно стало легче.

Вернулся «его» агент, озабоченный и деловитый, и сказал второму полицейскому:

— Доктора нет.

Тот равнодушно пожал плечами.

— Вам придется здесь переночевать, — сказал агент Ковальскому. — Идите в гостиницу.

Ковальский с готовностью поднялся и подхватил свой чемодан.

— Впрочем, я сам вас провожу, — спохватился агент. — Вена сейчас не может установить степень правдивости ваших слов. В девять утра встретимся и тогда увидим, куда вам придется ехать: в Берлин, как вы собирались, или назад, в Вену. За номер можете не платить, мы оплатим.

Была уже поздняя ночь. Полицейский действительно отвел его в гостиницу. Ковальский настолько вымотался, что даже не стал выяснять, оставил тот кого-нибудь внизу наблюдать за ним или нет.

Мысль о побеге не возникала: это означало бы отказ от тщательно разработанного прикрытия, переход на нелегальное положение. И главное: Ковальский дважды назвал Скоблина, и в случае его побега генерал автоматически попадал под подозрение. В гостинице Ковальский перво-наперво избавился от своей ручки для тайнописи и сразу лег спать.

На следующий день ровно в девять утра он вернулся в знакомую ему комнату. Там сидел, как он понял, начальник пункта пограничной полиции, к которому обращались не иначе, как «господин доктор».

На столе перед «доктором» лежали паспорт Ковальского и списки офицеров, которые он вез в Берлин.

— Вы не волнуйтесь, — очень любезно сказал «доктор». — повинуясь долгу, я должен был запросить относительно вас Вену. Если вы сказали правду, то беспокоиться решительно не о чем.

«Доктор» попросил Ковальского сесть поближе.

— Пока у нас с вами есть время, я хотел бы воспользоваться такой благоприятной ситуацией и кое-что для себя уяснить. Честно говоря, не только моим коллегам, но и мне не дает покоя история с вашим паспортом. Как все-таки бывший офицер царской армии, а, следовательно, и русский подданный легко и просто получает чешский паспорт?

— Но я уже говорил вашим подчиненным, что на то было личное распоряжение президента Масарика, — ответил Ковальский.

— Но я все равно не понимаю, как не чешскому гражданину могут выдать чешский паспорт? — похоже, «доктор» был почти искренен в своем удивлении.

Его чиновничья душа не принимала такого вопиющего нарушения установлений.

— Если бы вам приказал президент, неужели бы вы отказались выполнить его распоряжение?

«Доктор» развел руками.

— Ну если прикажет, то, конечно, выдам, но у нас такое вряд ли возможно, — пробормотал он.

— Вот видите, — поймал его на слове Ковальский. — Полиции Брно приказали, и я получил паспорт. Тем более что я уроженец Ужгорода.

«Доктор» перешел к следующему пункту.

— Списки, которые вы с собой везете… Действительно ли в них указаны белые офицеры?

— Да.

— Следовательно, вы занимаетесь тем, что информируете своих руководителей о работе белых организаций в Австрии, о настроениях белых офицеров, так? И, наверное, интересуетесь работой советского полпредства в Вене, верно?

Он лукаво взглянул на Ковальского.

— Если хотите — да, — согласился Ковальский. — Я слежу за настроениями наших офицеров, обосновавшихся на территории Австрии.

Ковальский немного успокоился. Такой разговор ему ничем не угрожал.

— Следовательно, теперь вы едете с докладом к своему начальнику генералу фон Лампе в Берлин? Наверное, там намечается конференция, где вы встретите всех своих генералов, включая генерала Скоблина? Насколько я знаю, в вашей организации те, кто работает в Австрии, подчинены Берлину, так? — Продемонстрировав свои познания в делах русской эмиграции, «доктор» с победоносным видом посмотрел на Ковальского.

— Не знаю, увижусь ли я со Скоблиным в Берлине или мне потребуется для встречи с ним ехать дальше в Париж, но разрешите мне об этом не говорить, — твердо заявил Ковальский. — Я не знаю, в конце концов, к какой партии вы принадлежите. А мои встречи — это вопрос возрождения России.

Тут «доктор» немного обиделся:

— Я спросил вас просто из любопытства. Ваша работа меня не интересует, так как ваша организация в Австрии не запрещена. Что касается моих политических убеждений, то я ни к какой партии не принадлежу: я полицейский.

Он молчал ровно одну секунду и задал новый вопрос:

— Откуда вы берете деньги на вашу работу? Насколько я понимаю, Франция вам сейчас много не дает.

— Деньги есть, — уверенно сказал Ковальский. — Получаем ото всех понемногу.

— Сильна ваша организация в Австрии?

— Нет, в. Австрии нас мало. К вам проникло не так уж много эмигрантов, да *и* в Австрии, и в Германии сильны коммунистические настроения.

— Как вы думаете, возможен коммунизм в Австрии? — этот вопрос начальник пункта пограничной полиции задал явно от себя, не для протокола.

— Не думаю. Австрия настолько культурна, что не позволит

проводить над собой эксперименты.

— Вам очень мешает работать наша полиция? — полюбопытствовал «доктор».

— Полиция нам совершенно не мешает, так как мы действуем открыто.

В этот момент в разговор вмешался полицейский агент, накануне задержавший Ковальского в поезде:

— Наша полиция хорошо работает. Вот пример: недавно появился из Голландии один коммунист, а мы уже знаем об этом, хотя задержать его пока не удалось.

Улыбка вмиг слетела с лица «доктора». Он побагровел и грубо оборвал болтливого подчиненного. Тот замялся, перевел разговор на то, что хорошо знал Корнилова, Врангеля и Деникина. Не дав ему договорить, «доктор» сказал Ковальскому, что он может пойти позавтракать, и распорядился, чтобы ему выдали десять марок из его же собственных денег.

В одиннадцать часов Ковальского вновь привели к «доктору». Он встретил бывшего штабс-капитана раздраженно:

— Придется вам еще подождать. Я уже вторично звонил в Вену, но они не готовы к ответу. Они наводят о вас справки. Погуляйте пока и зайдите в двенадцать.

Ковальский отправился бродить по вокзалу. В Вене решалась его судьба. Действительно ли полицейские наводили о нем у кого-то справки и просматривали свою картотеку? Или же испытывали его выдержку, надеясь, что он попытается сбежать и тем самым себя выдаст?

В полдень «доктор» недовольно буркнул Ковальскому:

— Пока нет ответа из Вены, по вы не беспокойтесь. Поезд на Берлин уходит в 2.50. Успеете.

Тут как раз раздался звонок. «Доктор» стремительно выскочил из-за стола, подошел к висевшему на стене телефону, взял трубку и приятно улыбнулся Ковальскому:

— Сейчас мы все будем о вас знать.

«Доктор» долго слушал, повторяя:

— Понимаю, понимаю.

Повесил трубку и вернулся к столу.

— Я получил очень хорошие сведения о вас. Прошу извинить — произошло недоразумение. Но ничего не поделаешь. Получайте ваш паспорт, деньги, списки, берегите их. Смотрите, чтобы списки у вас не украли. Большевики дали бы за них огромные деньги.

В комнату вошел задержавший Ковальского агент. «Доктор» сказал ему, указывая на Ковальского:

— С этим все в порядке.

Ковальский повернулся к агенту:

Из-за вас всю ночь не спал и опоздал на важную встречу. Буду возвращаться в Вену, вообще вам паспорт не покажу.

Агент был сама любезность.

— Извините, сомневаться моя обязанность. Теперь будем знакомы, — он счел своим долгом улыбнуться. — Ведь вы, наверное, скоро назад?

— Да, конечно.

Ковальский без сожаления распрощался с новыми друзьями и вышел на перрон. В Берлин он приехал утром двадцать второго января На встречу со Скоблиным и Плевицкой бывший штабс-капитан Ковальский опоздал.

Берлинский резидент был встревожен: что могло произойти с Ковальским? И как без него беседовать со Скоблиным и Плевицкой? Отложить встречу хотя бы на день было невозможно: на 25 января 1931 года был назначен первый концерт Надежды Васильевны в Белграде, и задерживаться в Берлине Плевицкая и Скоблин не могли.

А Костров, напротив, даже обрадовался. В том разговоре, который он намеревался провести со Скоблиным и Плевицкой, бывший штабс-капитан Ковальский ему только бы мешал.

Пароль Костров знал, фотографии генерала и певицы видел в Москве, поэтому вечером 21 то поехал к ним в отель. Представился и сразу же их увез — в гостиничном номере или в ресторане долгий и подробный разговор невозможен.

Устроились в квартире одного из сотрудников берлинской резидентуры — он был в отъезде. Беседа продолжалась с восьми вечера до часу ночи за хорошо сервированным столом — постарался резидент. Ни Скоблин, ни Плевицкая почти ничего не пили. Кострову это понравилось — разведчики боятся пьющих агентов.

Скоблин и Плевицкая хотели понравиться Кострову, и это им удалось. Он увидел в них великолепно информированных агентов, которым известно все, что делается в белых кругах, взаимоотношения генералитета. Они знали подноготную большинства вождей эмиграции, начиная с Миллера и Деникина.

Кострова больше всего беспокоила история с офицером-марковцем, который сумел нелегально проникнуть в СССР и вернуться.

— Наши коллеги, занимающиеся внутренней контрразведкой, установили, что в России действительно находился бывший командир первого полка марковской дивизии Дмитрий Анатольевич Слоновский, — сказал Костров. — Я привез с собой его фото. Посмотрите, пожалуйста, это не тот человек, которого

вы видели на банкете?

Он протянул Скоблину небольшую фотокарточку. Скоблин тотчас же ответил:

— Это Слоновский, я его прекрасно помню. Но на банкете о поездке в СССР говорил другой.

Костров забрал фотокарточку.

— Я вас еще раз очень прошу, Николай Владимирович, во что бы то ни стало выяснить фамилию этого офицера.

В конце беседы Костров проинструктировал Скоблина:

— Ваша основная задача, Николай Владимирович, незаметно для окружающих и вождей белого движения активизироваться. Укреплять связи со всеми знакомыми вам деятелями РОВС. Никем не пренебрегайте, никогда не знаешь, от кого вдруг придет важная информация. По возможности избегайте того, чтобы вас считали рьяным приспешником генерала Миллера. У вас должна быть самостоятельная позиция — вы последний командир корниловского полка, хранящий заветы Корнилова.

Суховатый Костров старался быть любезным с Плевицкой.

— Мы очень рассчитываем на вашу помощь, Надежда Васильевна. Почаще выступайте на благотворительных вечерах ровсовских организаций. Тем самым вы создаете имя и себе, и мужу. Когда газеты пишут о вас, они пишут и о Николае Владимировиче. А ему необходимо выйти из тени.

Костров вновь обратился к Скоблину:

— Офицеры вашего полка находятся в различных городах Европы, вы имеете на них влияние. Поддерживайте с ними тесную связь, добейтесь того, чтобы они вас постоянно информировали обо всем, что им известно.

— Не думали ли вы над моим предложением перетянуть Туркула в Париж? — поинтересовался Скоблин. — Советую вам завербовать генерала. К нему можно подойти через жену. Это получится, ежели не пожалеете денег.

Командир Дроздовского полка генерал Антон Васильевич Туркул чрезвычайно интересовал ОГПУ.

— Мы одобряем вашу идею, — ответил Костров. — Напишите хорошее письмо Туркулу, пригласите в Париж. Более того, если Шатилов и РОВС откажутся помочь Туркулу деньгами, то мы сами дадим вам сумму, необходимую для его переезда в Париж.

По словам Скоблина, объединение бывших офицеров Добровольческой армии в Болгарии держалось только на Туркуле. Так что в иностранном отделе ОГПУ, во-первых, надеялись, что после отъезда Туркула в Болгарии начнутся интриги между кандидатами на его пост. Во-вторых, предполагали, что хорошие отношения между Скоблиным и Туркулом позволят использовать

резкого, неуправляемого генерала для развала парижского штаба РОВС.

Впоследствии советской разведке пришлось сильно пожалеть, что Туркул оказался в Париже…

Дождавшись удобного момента, Костров торжественно объявил, что ЦИК СССР персонально амнистировал Скоблина и Плевицкую, все прошлые преступления против советской власти родина им великодушно простила.

Радостно возбужденные, они клялись в верности советской власти, в готовности выполнить любое задание Москвы. Костров считал, что они не врут. И тогда Костров попросил их кое-что написать.

Сдвинули на край стола пустые уже тарелки, отогнули скатерть, и Скоблин, а затем Плевицкая под диктовку Кострова написали следующее:

«Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистии и восстановлении в правах гражданства мне объявлено.

Настоящим обязуюсь до особого распоряжения хранить в секрете.

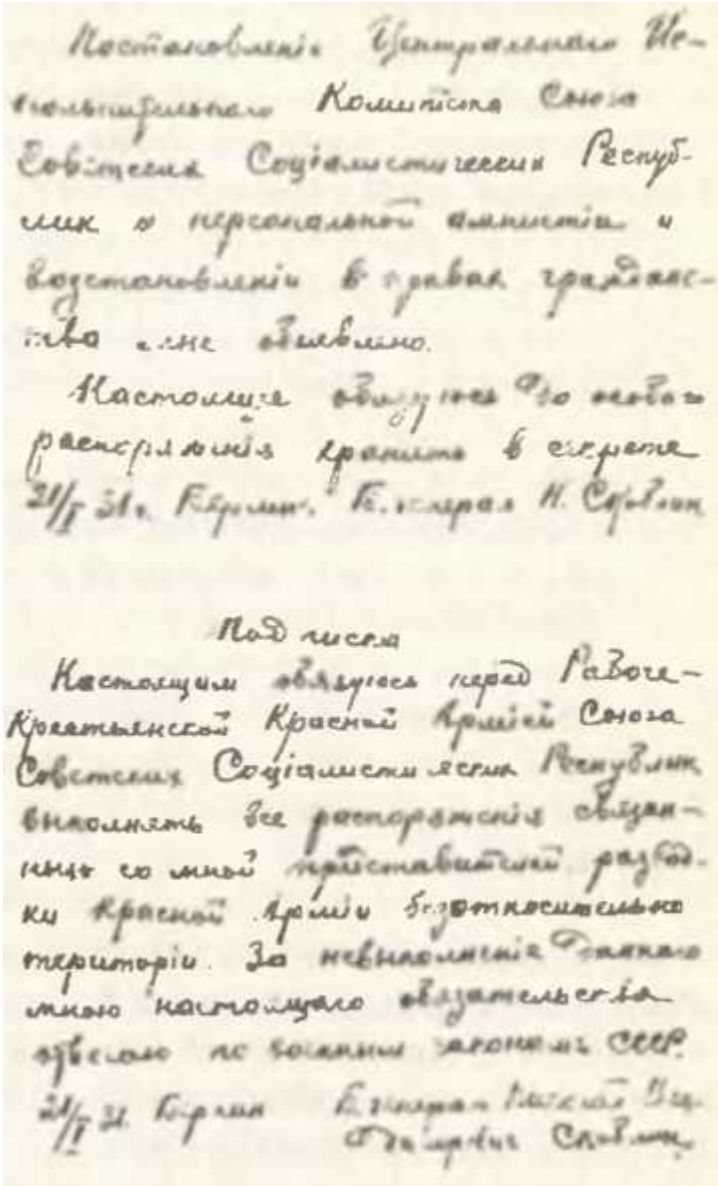
21.1.31 г. Берлин. Б. генерал Н.Скоблин».

Второй документ был серьезнее, но Костров все правильно рассчитал — супруги были так польщены вниманием Москвы, что не могли ответить отказом:

«Подписка

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР

21.1.31 г. Берлин. Б. генерал Н.Скоблин».



Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистии и восстановлении в правах гражданства лиц, совершивших преступления против интересов Революции.

Настоящее объявлено Президиумом ЦИК СССР 21/II 31 г. Председатель ЦИК СССР М. Калинин. Секретарь А. Енукидзе

Подписка

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанные со мной представителей разведки Красной Армии безоговорочно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по законам Союза ССР.

21/II 31 г. Берлин

срочную шифровку в Москву:

«Они оба произвели на меня хорошее впечатление, работать с нами хотят, видимо, безо всякой задней мысли, вполне искренне. Расстались мы друзьями, обговорив всю будущую работу (встречи, письма и прочее).

Мне стали ясны огромные возможности «Фермера» и перспективы его многолетнего использования. Он добросовестный и, если хотите, талантливый агент.

При условии хорошего руководства и если не допустим каких-либо ляпсусов, «Фермер» станет таким ценным источником, каких в рядах РОВС, да и в других эмигрантских организациях мы еще не имели.

Денег я дал «Фермеру» до мая. Дам еще немного на установку телефона (у них свой дом), на вызов Туркула в Париж. Обусловим все до мелочей в отношении будущей моей с ним связи. Словом, он с Веной ничего общего иметь не будет.

Биль».

Вернувшись после гастролей к себе в загородный дом в Озуар-ле-Феррьер, Надежда Васильевна сразу же легла отдохнуть, а Николай Скоблин почему-то взял с полки в гостиной одну из двух книжек, написанных Надеждой Васильевной, и углубился в чтение.

Надежда Плевицкая, не обделенная и литературным талантом, вспоминала в книге о годах своей славы, о тех счастливых временах, когда ее имя гремело по всей России и среди поклонников ее таланта был Николай II:

«В дверь постучали. Выбежав на стук, Маша вернулась с ошалелыми, круглыми глазами: просит приема московский губернатор Джунковский.

— Милости прошу, — сказала я входящему генералу Джунковскому. Губернатор был в парадном мундире.

Мне была понятна оторопь Маши при появлении в нашей скромной квартире блестящей фигуры: было с чего ошалеть.

— *Я* спешил к вам, Надежда Васильевна, прямо с парада, — сказал Джунковский. — Я приехал с большой просьбой, по поручению моего друга, командира сводного Его Величества полка генерала Комарова. Он звонил мне утром и просил, чтобы я передал вам приглашение полка приехать завтра в Царское Село петь на полковом празднике в присутствии Государя Императора.

— Кто же от своего счастья отказывается, — сказала я, вставая. — Только как быть с моим завтрашним концертом? Ведь это мой первый большой концерт в Москве, да и билеты распроданы.

— С вашего позволения я беру все это на себя. Я переговорю с

импресарио, а в газетах объявим, что по случаю вашего отъезда в Царское Село концерт переносится на послезавтра.

От неожиданной радости белого утра, от цветов, которые свежо дышали в моей комнате, у меня приятно кружилась голова.

Я видела из окна, как серый в яблоках рысак унес закутанного в николаевскую шинель статного московского губернатора.

Унеслись годы и годы, а утро белое. Серебряная Царевна — Москва — живут во мне: как хорошо, как радостно вспомнить то утро.

В тот день Маша вертелась волчком, спешно готовясь к отъезду. Она уложила меня в постель набраться сил на завтра, а сама хлопотала. Надобно было решить важный вопрос: какое мы платье наденем. И решили мы надеть белое от Пантелеймоновой и украсить себя всеми драгоценностями, какие только имеются, а на голову еще парчовую повязку.

А позже я узнала, что Государь о моем пышном наряде отозвался неодобрительно и высказал сожаление, что я не была одета более скромно.

Позже скромны были мои платья, когда я пела в присутствии Его Величества.

В десять часов вечера мне позвонил из собрания командир сводного Его Величества полка и сказал, что за мной выехал офицер.

С трепетом садилась я в придворную карету.

Выездной лакей в красной крылатке, обшитой желтым галуном и с черными императорскими орлами, ловко поправил плед у моих ног и захлопнул дверцы кареты. На освещенных улицах Царского Села мы подымали напрасное волнение городовых и околоточных; завидя издали карету, они охорашивались и, когда карета с ними равнялась, вытягивались.

Такой почет, больше к карете, чем ко мне, все же вызывал у меня детское чувство гордости.

Через несколько мгновений я увижу близко Государя, своего Царя.

Если глазами не разгляжу, то сердцем почувствую. Оно не обманет, сердце, оно скажет, каков наш батюшка Царь.

Добродушный командир полка В.Л.Комаров, подавая мне при входе в собрание чудесный букет, заметил мое волнение.

— Ну, чего вы дрожите, — сказал он, — ну, кого боитесь? Что прикажете для бодрости?

Я попросила чашку черного кофе и рюмку коньяку, но это меня не ободрило, и я под негодующие возгласы В.Л.Дедюлина и Л.Л.Мосолова приняла двадцать капель валерьянки.

Но и капли не помогали.

И вот распахнулась дверь, и я оказалась перед Государем. Это была небольшая гостиная, и только стол, прекрасно убранный бледно-розовыми тюльпанами, отделял меня от Государя.

Я поклонилась низко и посмотрела прямо Ему в лицо и встретила тихий свет лучистых глаз. Государь будто догадывался о моем волнении, приветил меня своим взглядом.

Словно чудо случилось, страх мой прошел, и я вдруг успокоилась.

По наружности Государь не был величественным, и сидящие генералы и сановники рядом казались гораздо представительнее.

Л все же, если бы я и никогда не видела раньше Государя, войди я в эту гостиную и спроси меня — «узнай, кто из них Царь?» — я бы, не колеблясь, указала на скромную особу Его Величества. Из глаз Его лучился прекрасный свет царской души. Поэтому я Его и узнала бы.

Он рукоплескал первый и горячо, и последний хлопок всегда был Его.

Я пела много.

Государь был слушатель внимательный и чуткий. Он справлялся через В.А.Комарова, может быть, я утомилась.

— Нет, не чувствую я усталости, я слишком счастлива, — отвечала я.

Выбор песен был предоставлен мне, и я пела то, что было мне по душе. Спела я и песню революционную про мужика-горемыку, который попал в Сибирь за недоимки. Никто замечания мне не сделал.

Теперь, доведись мне петь Царю, я, может быть, умудренная жизнью, схитрила бы и песни этакой Царю бы не пела бы, но тогда была простодушна, молода, о политике знать не знала, ведать не ведала, а о партиях разных и в голову не приходило, что такие есть. А как я в политике не таровата, достаточно сказать то, что, когда слышала о партии кадет, улавливала слово «кадет» и была уверена, что идет речь об окончивших кадетский корпус.

А песни-то про горюшко-горькое, про долю мужицкую кому же и петь-рассказывать, как не Царю своему Батюшке?

Он слышал меня, и я видела в царских глазах свет печальный.

Пела я и про радости, шутила в песнях, и Царь смеялся. Он шутку понимал простую, крестьянскую, незатейную.

Я пела Государю и про московского ямщика:

Вот тройка борзая несется,
Ровно из лука стрела,

И в поле песня раздается, —
Прощай, родимая Москва!

После моего «Ямщика» Государь сказал А.А.Мосолову:

— От этой песни у меня сдавило горло.

Стало быть, была понятна, близка Ему и ямщицкая тоска.

Во время перерыва В.Л.Комаров сказал, что мне поручают поднести Государю заздравную чару.

Чтобы не повторять заздравную, какую все поют, я наскоро, как умела, тут же набросала слова и под блистающий марш, в который мой аккомпаниатор вложил всю душу, стоя у рояля, запела:

Пропоем заздравную, славные солдаты.
Как певали с чаркою деды наши встарь.
Ура, ура, грянемте, солдаты,
Да здравствует русский наш сокол Государь.

И во время ретурнеля медленно приблизилась к Царскому столу. Помню, как дрожали мои затянутые в перчатки руки, на которых я несла золотой кубок. Государь встал. Я пела ему:

Солнышко красное, просим выпить, светлый Царь,
Так певали с чаркою деды наши встарь!
здравствует русский, родимый Государь!

Государь, приняв чашу, медленно ее осушил и глубоко мне поклонился.

В Царском Селе, в присутствии Государя, я пела уже не раз.

Было приятно и легко петь Государю. Своей простотой и ласковостью Он обвораживал так, что во время Его бесед со мной я переставала волноваться и, нарушая правила этикета, к смущению придворных, начинала даже жестикулировать.

Беседа затягивалась. Свитские, пожилые господа, утомясь ждать, начинали переминаться с ноги на ногу.

Иной раз до меня долетал испуганный шепот:

— Как она с Ним разговаривает!

Это относилось к моей жестикуляции.

Но Государь, по-видимому, не замечал моих дурных манер. и Сам нет-нет, да и махнет рукой. Как горячо любил Государь все русское.

Я помню праздник в гусарском полку, большой концерт с

участием В.И.Давыдова, Мичуриной, Лерского и оперных итальянцев. Я была простужена и пела из рук вон.

Государь заметил мое недомогание и, ободряя меня, передал через Алексея Орлова, что сегодня Он особенно мной доволен.

Я до слез была тронута Его чуткостью, но знала, что пою ужасно. Государь долго мне аплодировал. Меня усадили за стол недалеко от Него. Он ободряюще на меня посмотрел.

После меня на эстраду вышел итальянский дуэт.

Государь взглянул в программу, посмотрел на итальянцев и затем на меня.

Голоса итальянских певцов звенели чистым хрусталем, и казалось, что зал не вместит их. Но и после победного финала Государь остался холоден и, похлопав раза два, отвернулся и снова посмотрел на меня, точно желал сказать глазами: «Теперь ты поняла, что хотя ты и безголосая, но поешь родные песни, а они пусть и голосистые, да чужие».

Государь не раз говорил мне о желании Ее Величества послушать меня. Но какого все не удавалось.

В Ялте каждый год Государыня устраивала трехдневный благотворительный базар, который всегда заканчивался концертом. В этом концерте я ежегодно участвовала, но Государыня за дни базара так уставала, что на концерте никогда не присутствовала, а посещали его Государь и все Великие Княжны…

В Петербурге я всегда останавливалась в Европейской гостинице.

Вечером, перед началом концерта, уже готовая, я стояла у окна и наблюдала съезд. Длинная вереница экипажей, конец которой был на Невском, медленно двигалась к Дворянскому собранию.

Я смотрела на публику, которая через несколько минут будет разглядывать меня.

Съезд кончался. Я медленно иду через Михайловскую улицу из отеля в собрание. В артистическом подъезде, в неосвещенных углах, на лестнице стоят темные фигуры и суют мне письма — все просьбы, просьбы.

Вот и белый зал собрания.

Как я любила его, когда он сиял хрусталями люстр и приятно шумел толпой.

Весь первый ряд всегда был занят гусарами.

Царская ложа редко пустовала.

На эстраде я пьянела от песен, от рукоплесканий, и могла ли я думать тогда, что за спиной у каждого из нас стоит призрак ужасный, что надвигается дикая гроза, которая согнет наши

спины и выжжет слезами глаза, как огнем.

А в тот приезд в столицу, в одно из воскресений, я получила приглашение от Великой Княгини Ольги Александровны приехать к пяти часам во дворец на Сергиевскую.

По воскресеньям к ней приезжали из Царского Села дочери Государя: Великая Княгиня устраивала у себя племянницам маленькие развлечения.

Когда я приехала, Великие Княжны уже были там и пили с приглашенными чай. Там была блестящая гвардейская молодежь, кирасиры, конвойцы. Была Ирина Александровна, похожая на лилию, и круглолицая принцесса Лейхтенбергская, Надежда.

Великая Княгиня Ольга Александровна подвела меня к юным Княжнам и усадила за чай.

Царевны были прелестны всей свежестью юности и простотой. Ольга Николаевна вспыхивала, как зорька, а у меньшой Царевны Анастасии все время шалили глаза.

Во дворце царили простота и уют, которые создавала сама высокая хозяйка Великая Княгиня.

Когда я увидела ее впервые, мне казалось, что я ее уже давным-давно знаю, давно люблю и что она издавна мой хороший друг. Каждый ее взгляд — правда, каждое слово — искренность. Она сама простота и скромность. Обаяние ее так же велико, как ее царственного брата.

Великая Княгиня старалась делать так, чтобы все забывали, что она Высочество, но она оставалась Высочеством, истинным Высочеством.

На прощанье принц Петр Александрович Ольденбургский просил меня спеть его любимую песню и, растроганный, не зная, как меня благодарить, схватил цветы, украшавшие чайную горку с пирогами, и засыпал землей все торты, все сладости.

Мне памятен этот день во дворце, эти цветы: в тот день я впервые встретила там того, чью петлицу украсил один из этих цветов, того, кто стал скоро моим женихом.

22 января 1915 года на полях сражений в Восточной Пруссии пал мой жених смертью храбрых.

Весной я пела в Ливадии.

Я и мои друзья втайне беспокоились, что государыня не оценит простых русских песен.

В десять часов вечера, после обеда в большом дворцовом зале, я ожидала наверху выхода Их Величеств.

Тогда в Ливадии гостил брат государыни.

Ровно в десять раскрылись двери, и вошел Государь под руку с государыней. Ее брат повел Ее к приготовленному креслу, а государь подошел ко мне. Он крепко сжал мою руку и спросил:

— Вы волнуетесь, Надежда Васильевна?

— Волнуюсь, Ваше Величество, — чистосердечно призналась я.

— Не волнуйтесь. Здесь все свои. Вот постлали большой ковер, чтобы акустика была лучше. Я уверен, что все будет хорошо. Успокойтесь.

Его трогательная забота сжала мне сердце. Я поняла, что Он желает, чтобы я понравилась государыне.

Сначала я так волновалась, что в песне «Помню, я еще молодушкой была» даже слова забыла. Зарема мне подсказал.

После третьей песни Государыня послала князя Трубецкого осведомиться, есть ли у меня кофе. Все присутствующие знали, что это милость и что я нравлюсь Ее Величеству.

В антракте Государыня беседовала со мной, говорила, что грустные песни Ей нравятся больше, высказала сожаление, что Ей раньше не удавалось послушать меня.

Государыня была величественная и прекрасна в черном кружевном платье с гроздью глициний на груди.

Государь подошел ко мне с Ольгой Николаевной. Он пошутил над моим волнением, из-за которого я забыла слова, и похвалил Зарему за то, что он подсказал. Государь сказал, что Он помнит мои песни и напевает их, а Великая Княжна подбирает на рояле мои напевы…»

Когда Петр Ковальский доложил резиденту о том, что с ним произошло на пути в Берлин, Москва пришла к выводу, что он на пороге провала. То, что австрийская полиция его отпустила, ничего не значило. Если разведчик попал под подозрение, его надо убирать. Если полиция за ним наблюдает, он начинает представлять опасность для всех, с кем он имеет дело.

Отныне Москва стала руководить Скоблиным и Плевицкой напрямую, без посредничества Петра Ковальского, которого срочно вернули в Союз. Из Берлина через Данциг-Кенигсберг-Ковно он добрался до Риги.

Резидент советской разведки в Риге получил шифрованное послание из Центра:

«27 января к вам должен явиться наш источник ЕЖ-10, кличка «Сильвестров», которому вы должны оказать содействие для возвращения в Союз. При настоящем письме пересылаем вам фотокарточку ЕЖ-10. Просим вас сообщить нам телеграфно о его явке к вам, а также дать нам номер выданного вами ему свидетельства на возвращение и путь его следования в СССР. Сообщите также даты его выезда и возможного прибытия».

Кроме того, были предприняты шаги к тому, чтобы ликвидировать все следы пребывания Ковальского в Вене.

Резидент советской разведки в столице Австрии получил такую телеграмму:

«Ввиду того, что «Сильвестрову» пришлось срочно уезжать, все его вещи остались на квартире. Просим вас эти вещи изъять и переслать нам тяжелой почтой. Лучше всего, если вы это проделаете быстро, чтобы не было времени каким-либо образом выяснить посещение вами этой квартиры.

Туда можно прийти точно к десяти утра в любой день, кроме воскресенья и праздников, и вручить прилагаемое письмо хозяйке. Получить от нее три чемодана.

Приметы хозяйки: среднего роста, худая, брюнетка, лет тридцати, продолговатое лицо, волосы с проседью, темно-серые глаза, говорит по-немецки, употребляя венгерские обороты речи.

Письмо для хозяйки прилагаем в распечатанном виде, прочитайте и потом заклейте сами. Отдельным приложением посылаем список вещей, находящихся в этих трех чемоданах.

Если эта операция может представить для вас какую-либо опасность провала, то лучше ее не проводить. Проведите ее только в том случае, если будете или менее уверены в удачном исходе».

Петра Георгиевича Ковальского, к его величайшему огорчению, вернули в Харьков.

«ГПУ УССР

2 февраля с.г. в Харьков выехал через Москву «Сильвестр», отозванный нами из-за кордона ввиду того, что он был накануне фактического провала.

Несмотря на то, что он возложенную на него работу провел довольно удовлетворительно и тем самым оправдал целесообразность своей командировки, последние события, ведшие к провалу, говорят о том, что он еще нуждается в систематическом воспитании для дальнейшей работы за кордоном.

Мы прорабатываем в настоящее время возможности его будущего использования по линии загранработы и в зависимости от результатов поставим вопрос его дальнейшего использования.

Пом. нач. ИНО ОГПУ

Пом. нач. 5-го отд».

Ни его начальники в иностранном отделе, ни сам Ковальский не предполагали, что больше за кордон он уже не поедет.

После вдохновляющей беседы с посланцем Москвы Скоблин и Плевицкая принялись за работу очень рьяно. Скоблин взял в штабе РОВС три доклада с мобилизационным планом всех белых войск в Европе, чтобы передать их советской разведке. Генерал Шатилов сам завел разговор о том, что штабисты РОВС составили новый план, и предложил Скоблину ознакомиться с докладами.

Павел Шатилов при Миллере стал человеком номер два в

штабе РОВС в Париже. В свое время Павел Шатилов был очень близок к Врангелю, которому помог сместить Антона Ивановича Деникина с поста главнокомандующего Добровольческой армией и занять его место.

Скоблин взял доклады и спросил:

— Когда прикажете, ваше превосходительство, вернуть их?

Шатилов подумал и ответил:

— К завтрашнему утру, не позже.

Скоблин поехал домой, и всю ночь они вместе с Надеждой Васильевной переписывали доклады. Затем передал копию сотруднику парижской резидентуры, с которым находился на связи.

Резидент переслал записки в Москву:

«Переписаны доклады карандашом чуть ли не на картонной бумаге — страниц сорок. Я все эти листы сфотографировал. Погода была пасмурная, выдержки не знал (сообщите, кстати, какая выдержка нужна при съемке против окна без электрического света — утром при свете и когда пасмурно). Работал часа четыре, проявлял (все это без нужных приспособлений), и не получилось ничего. Пришлось мне доклады тайнописью переписать. Доклады чрезвычайно интересные».

Сомнения венской резидентуры были напрасны. Николай Скоблин и Надежда Плевицкая преданно служили советской разведке. Почему? Точный ответ на этот вопрос очень хотели получить в Москве. Причин было, видимо, несколько. Разочарование в белом движении, которое дробилось, старело, теряло надежду на возвращение в Россию и поддержку в Европе. Безнадежность, которая усиливалась каждым новым сообщением из России: коммунистический режим и не думал разваливаться.

Не меньшее значение имели чисто личные причины — отсутствие денег. Скоблин был кругом в долгах. Даже благоволивший к нему генерал Миллер, ссужая некую сумму, неукоснительно требовал возвращения займа. Объясняя, почему ему постоянно нужны деньги, Скоблин передал связному из резидентуры письмо от генерала Миллера: «Многоуважаемый Николай Владимирович!

Так как я в четверг рано утром уезжаю на три недели из Парижа, и возможно, что до моего отъезда я не смогу Вас повидать, то прошу Вас во время моего отсутствия деньги внести в «Нэшнл сити бэнк» на мой текущий счет.

Вам дадут расписку от банка, которая и будет служить Вам документом в возврате денег, а банк меня уведомит о внесении на мой счет внесенной Вами суммы.

Прошу Вас засвидетельствовать мое глубокое уважение и

сердечный привет Надежде Васильевне.

Всего хорошего.

Искренне уважающий Вас

Е.Миллер».

Деньги Скоблину советская разведка давала регулярно. Но за каждый франк требовала информации.

«Берлин

резиденту

В том случае, если вы будете связываться с «Фермером» до его поездки в Софию, укажите ему на необходимость уделения максимального внимания выявлению лиц, ведущих активную разведывательную работу против СССР, выяснению путей проникновения агентов на нашу территорию и способов связи с ними. Центр».

«Центр

О «Фермере» могу сообщить следующее. Гастроли прошли благополучно (в смысле возможных неожиданностей после провала с ЕЖ-10).

Концерт состоялся только в Софии. В Белграде оба провели около недели отнюдь не по делам концертным (концерта не было). Если поездку четы «Фермеров» на Балканы рассматривать как первую контрольную, то, нужно сказать, «Фермер» — добросовестный и, если хотите, талантливый агент. Его сообщения, в трех направлениях целиком подтверждающиеся данными ЕЖ-10, достаточное для того доказательство.

Короткое пребывание на Балканах он использовал исчерпывающе и не только в области информационной, а и, так сказать, стратегической.

В Париже «Фермеру» предстоит подойти вплотную к аппарату РОВС и, лавируя между Миллером, Драгомировым и Шатиловым, сохранить свою самостоятельность.

Берлин».

Скоблин вызвал из Софии бывшего командира Дроздовской дивизии генерала Антона Туркула. Скоблин намеревался, играя на безмерных амбициях Туркула, использовать его против нынешнего руководства РОВС.

Антону Васильевичу Туркулу не было тогда и сорока лет. В первую мировую он был трижды ранен, награжден орденом Святого Георгия, произведен в штабс-капитаны.

После революции вступил в отряд полковника Дроздовского, который пробивался на Дон. В 1920-м возглавил Дроздовскую дивизию, был произведен в генералы.

Туркулом неизменно восхищался генерал Александр

Павлович Кутепов.

Однажды Александр Павлович, увлекшись, рассказал о подвигах Туркула войсковому атаману Войска Донского Африкану Петровичу Богаевскому, а тот записал слова Кутепова в дневник:

— Что за удивительный человек! Необыкновенной храбрости и смелости, не знающий чувства страха: в каре, окруженном пулеметами, с оркестром посреди, который играет вальсы, он спокойно отбивает бешеные атаки красной конницы, подпуская ее на 200 шагов. Горсть храбрецов тает, но он сам ведет ее в атаку на ту же конницу. В коляске на паре серых коней он, раненный, едет впереди цепи, заходит в тыл противнику, с пехотой делает Мамонтовские рейды по тылам красных. И всегда весел, в отличном расположении духа.

В эмиграции Туркул возглавил сводный Дроздовский полк. Он охотно приехал в Париж на рекогносцировку. Разговор со Скоблиным ему понравился, перспектива переехать во Францию — еще больше. Туркул загорелся и решил все сделать как можно быстрее. Смущала его материальная сторона дела — на что жить?

Он придумал открыть на паях со Скоблиным бензоколонку — бензиновую лавку, как тогда говорили, чтобы все русские таксисты в Париже заправлялись только у него.

Туркул и Скоблин обратились к руководству РОВС за помощью. Скоблин считал, что генералы Миллер и Шатилов отказать Туркулу не посмеют. Так и произошло. Шатилов сразу выдал Туркулу тысячу двести франков на переезд в Париж. Руководству РОВС очень хотелось иметь такого активного человека, как Туркул, на своей стороне.

Парижская резидентура советской разведки, со своей стороны, обещала Скоблину около тысячи долларов на покупку бензоколонки.

Работа Скоблина становилась все более важной для Москвы. По просьбе Миллера Николай Скоблин возглавил отдел РОВС по связям с периферийными органами. Теперь он был осведомлен обо всем, что планировалось в кругах русской эмиграции, в том числе о самом секрет ном — о совместных операциях с участием разведок Румынии, Польши, Болгарии и Финляндии.

Надежда Васильевна Плевицкая охотно помогала мужу. Поездки на гастроли, в которых ее всегда сопровождал Скоблин, давали ему возможность узнавать все, что происходит в периферийных органах РОВС. Кроме того, Плевицкая копировала секретные документы Общевоинского союза, которые Скоблин приносил домой, писала за него агентурные донесения, выполняла роль связной.

За четыре года на основании информации, полученной главным образом от Скоблина, ОГПУ арестовало семнадцать агентов, заброшенных в Советский Союз, и установило одиннадцать явочных квартир РОВС в Москве, Ленинграде и Закавказье.

Гёнерал Скоблин с его широчайшими связями стал незаменимым агентом для советской разведки.

«Начальнику иностранного отдела ОГПУ СССР

Докладная записка

Завербованный полтора года назад «Фермер» и его жена стали основными источниками информации. Человек материально независимый, отошедший одно время от основного ядра РОВС, он, будучи завербован, не вошел и не может войти в аппарат руководства РОВС, но занимает как командир одного из полков заметное положение среди генералитета и, пользуясь уважением и достаточным авторитетом, стал активно влиять как на общую политику РОВС, так и на проведение боевой работы. Основные результаты работы «Фермера» сводятся к тому, что он:

во-первых, ликвидировал боевые дружины, создаваемые Шатиловым и генералом Фоком;

во-вторых, свел на нет зарождавшуюся у Туркула и Шатилова мысль об организации особого террористического ядра;

в-третьих, прибрал к рукам Завадского, основного агента французской контрразведки, и, помимо передачи информационного материала, разоблачил агента-провокатора, подсунутого нам французами и работавшего у нас 11 месяцев;

в-четвертых, сообщил об организации, готовившей убийство наркоминдела тов. Литвинова во время визита в Швейцарию.

Разоблачил работу РОВС из Румынии на СССР (дело Жолтковского).

Эта исключительная осведомленность агента помогла нам в целом ряде других, более мелких, но имеющих серьезное оперативное значение дел. Однако за последнее время мы трижды демонстрировали свою неожиданную осведомленность (два раза через прессу). Тем самым мы ставим всякий раз агента в чрезвычайно опасное положение, грозящее ему провалом.

Нужно в будущем наши решения об опубликовании полученных от «Фермера» сведений согласовывать всякий раз с тем сотрудником ИНО (в данном случае со мной), который непосредственно связан с агентом и непосредственно следит за его работой и руководит ей.

Начальник 5-го отделения ИНО».

Профессиональная жизнь агента редко бывает долгой. Чем активнее он работает, тем большей опасности подвергается.

Деятельность Скоблина была успешной во многом потому, что ему удавалось умело использовать противоречия между различными группировками внутри РОВС, доходившие до открытой вражды.

Среди военной эмиграции шла борьба за власть, за влияние, за близость к генералу Миллеру, за право принимать решения и распоряжаться деньгами, которые — не очень щедро — передавал Общевоинскому союзу французский генеральный штаб.

Лавируя в этом половодье интриг, Скоблин старался сохранить свою независимость, поэтому каждая группа пыталась привлечь его на свою сторону, щедро делясь информацией и замыслами.

И все же генерал Скоблин, пользовавшийся расположением председателя РОВС. Евгения Миллера, нажил себе немало недоброжелателей. Кроме того, после каждого провала задуманной РОВС акции контрразведка автоматически составляла список тех, кто знал об операции. С некоторых пор в каждом из этих списков фигурировал Николай Скоблин.

Наступил момент, когда подозрения белогвардейской контрразведки, интриги недоброжелателей и реальные просчеты советской разведки поставили Скоблина в трудное положение.

Все началось с того, что один из сотрудников советской разведки, занимавшийся эмиграцией, попытался завербовать бывшего полковника Федосеенко. Полковник казался подходящим объектом для вербовки. Он работал таксистом, бедствовал. Федосеенко сначала согласился, а потом, испугавшись разоблачения, доложил обо всем Миллеру.

В это дело зачем-то втянули Скоблина, и скоро Федосеенко стал распространять по всему эмигрантскому Парижу слухи о том, что и генерал Скоблин тоже работает на советскую разведку.

Такие слухи не были редкостью в эмигрантской среде. Многих заметных эмигрантов обвиняли в том, что они агенты ОГПУ. К Федосеенко в РОВС относились плохо, а к Скоблину, наоборот, прекрасно. Но этот скандал попал на страницы эмигрантских газет, и можно себе только представить, что тогда испытали Скоблин и Плевицкая.

«Центр

В белоэмигрантской газете «Возрождение» появилась статья о разоблачениях полковника Федосеенко, который обвиняет ЕЖ-13 в сотрудничестве с большевиками.

Считаю нужным обратить ваше внимание на то, что мои многочисленные и настойчивые просьбы провести формальное расследование данных о том, что ЕЖ-13 выдан врагу нашим органом, остаются без внимания. Считаю необходимым твердо

знать, при каких обстоятельствах в свое время была разглашена государственная тайна, настаиваю на привлечении виновного к ответственности. Прошу сообщить ваше решение следующей почтой. Дуче».

«Дуче» — это был псевдоним Сергея Шпигельгласа, одного из руководителей иностранного отдела. Шпигельглас часто выезжал в Европу, чтобы непосредственно руководить наиболее важной агентурой. Шпигельглас ценил Скоблина и сам им занимался.

Разоблачитель знаменитых агентов охранки эсэра Азефа и большевика Малиновского известный журналист Владимир Львович Бурцев, еще до революции перебравшийся в Париж, теперь неутомимо искал в среде эмиграции агентов Кремля.

Бурцев был человеком «своеобразным и каким-то несуразным», как описал его Дмитрий Мейснер, некоторое время сотрудничавший в его газете «Общее дело».

«Вскоре мне пришлось побывать в Париже, — пишет Мейснер, — и увидеть Бурцева дома, тогда уже старого, высохшего человека. Жил он в крохотной комнатке третьеклассной гостиницы, у него было холодно, бедно, грязно, неустроенно…

Бурцев издавал вначале ежедневную газету, ставшую потом еженедельной; позже он перешел на журнал, еще позже на маленький журнальчик, выходивший от случая к случаю, когда заводились деньги. Бурцев был тщеславен, но бескорыстен. Он предпочитал голодать, но от своей фантастической «миссии» отказаться не мог…

Я и сейчас помню его комнатку, кипы газетных вырезок на двух стульях, которые он тщетно стремился разгрузить, чтобы посадить гостя и сесть самому».

Бурцев был невероятно возмущен пассивностью французской полиции в борьбе с большевистскими агентами в Париже. Особенно его поражало нежелание французов искать советский след в похищении генерала Кутепова.

— Ясно же, что генерал был похищен большевиками! — горячо говорил Бурцев своим знакомым. — Начали следствие, были многочисленные допросы, исписали груды бумаги. Но никто из большевиков не был привлечен к делу. Не только никого не арестовали или обыскали, но никого даже не осмелились допросить в качестве свидетеля! Что же удивляться, — кривя губы в улыбке, заключал Бурцев, — что большевики могут и похищать людей, и убивать их, и сухими выходить из воды. Похищение генерала Кутепова так и осталось нерасследованным, дело сдали в архив.

В феврале 1935 года в парижскую квартиру Владимира Львовича Бурцева пришел генерал Павел Павлович Дьяконов из

РОВС, как он выразился, «для совершенно секретного разговора». Генерал и журналист познакомились давным-давно и были друг с другом откровенны.

— Что вы имеете против генерала Скоблина, Владимир Львович? — спросил Дьяконов.

Бурцев был готов к вопросу.

— Я, как и все, прочитал заметку в «Возрождении» о существовании провокатора в руководстве РОВС, — ответил он. — Честно говоря, сам факт проникновения агента большевиков в РОВС меня не удивляет. Это естественно, что они пытаются заполучить там своего человека. Редакция журнала «Семь дней» обратилась ко мне с просьбой дать статью по этому поводу. Я написал ее, опираясь на те общего характера данные, которые мне известны. Эта история меня очень заинтересовала, и я решил подробно в ней разобраться. Видите ли, считаю виновными прежде всего генералов Миллера и Шатилова, которые провоцируют своих подчиненных на ведение двойной игры с большевиками, полагая, будто в этой игре они выиграют. У меня на этот счет иное мнение.

П.Дьяконов

В данном случае, — продолжал Бурцев, — люди, завербованные Советами, меня не интересуют. Я хочу доказать, что игра с агентами ГПУ в принципе недопустима и преступна, потому что лица, вступающие в отношения с большевиками, не могут не сообщать им весьма важные сведения. А что они получают взамен? Ничего кроме денег.

— Что же вы намерены предпринять? — поинтересовался Дьяконов.

— Я прежде всего обратился к полковнику Гурскому и попросил его разыскать полковника Федосеенко, на которого сослался журналист из «Возрождения». Гурский мою просьбу выполнил и привел сюда Федосеенко. По-моему, полковник был искренен, хотя в его рассказе есть неточности и преувеличения. Но последнее не так важно для меня. Я не сомневаюсь, что Федосеенко в своей игре с большевиками зашел слишком далеко и сам испугался. Теперь он бросился разоблачать Скоблина, который тоже явно ведет такую же игру с большевиками. И я уверен — с ведома и согласия Миллера.

Бывший полковник Федосеенко, видимо, был не особенно

доволен приглашением Бурцева и сначала держал себя очень странно, но затем, после заверений Бурцева, что тот преследует только одну цель: осветить это дело всесторонне, причем считает основными виновниками позора не Федосеенко и Скоблина, а руководителей РОВС — генералов Миллера и Шатилова, начал откровенничать и рассказал Бурцеву все, прося защитить его от нападок.

Федосеенко сообщил, что в связь с большевиками вошел по предложению и через посредство полковника Магденко, который заверил его, что в борьбе с большевиками все средства хороши. А потому необходимо использовать имеющуюся возможность установить с ними контакт, чтобы, во-первых, выманивать у них деньги, а во-вторых, постараться получить сведения, которые могли бы оказаться полезными для борьбы с Советами.

Советская разведка заинтересовалась полковником Федосеенко, его вызвали в Берлин на беседу, причем заранее прислали ему деньги на дорогу. В Берлине с ним долго беседовал советский разведчик, который дал ему первое задание и отправил назад в Париж.

Но его отношения с большевиками продолжались не очень долго. В какой-то момент Федосеенко, напуганный перспективой увязнуть в этой шпионской истории, решил рассказать обо всем генералу Миллеру, к которому и явился на прием. Однако председатель РОВС, выслушав его, не дал полковнику никаких указаний практического свойства, а только посоветовал немедленно прекратить всякие дела с большевиками. Миллер обещал при этом решительно никому об их беседе не говорить.

К большому удивлению Федосеенко, через несколько дней он был вызван к генералу Скоблину, который являлся его начальником как глава объединения офицеров корниловцев.

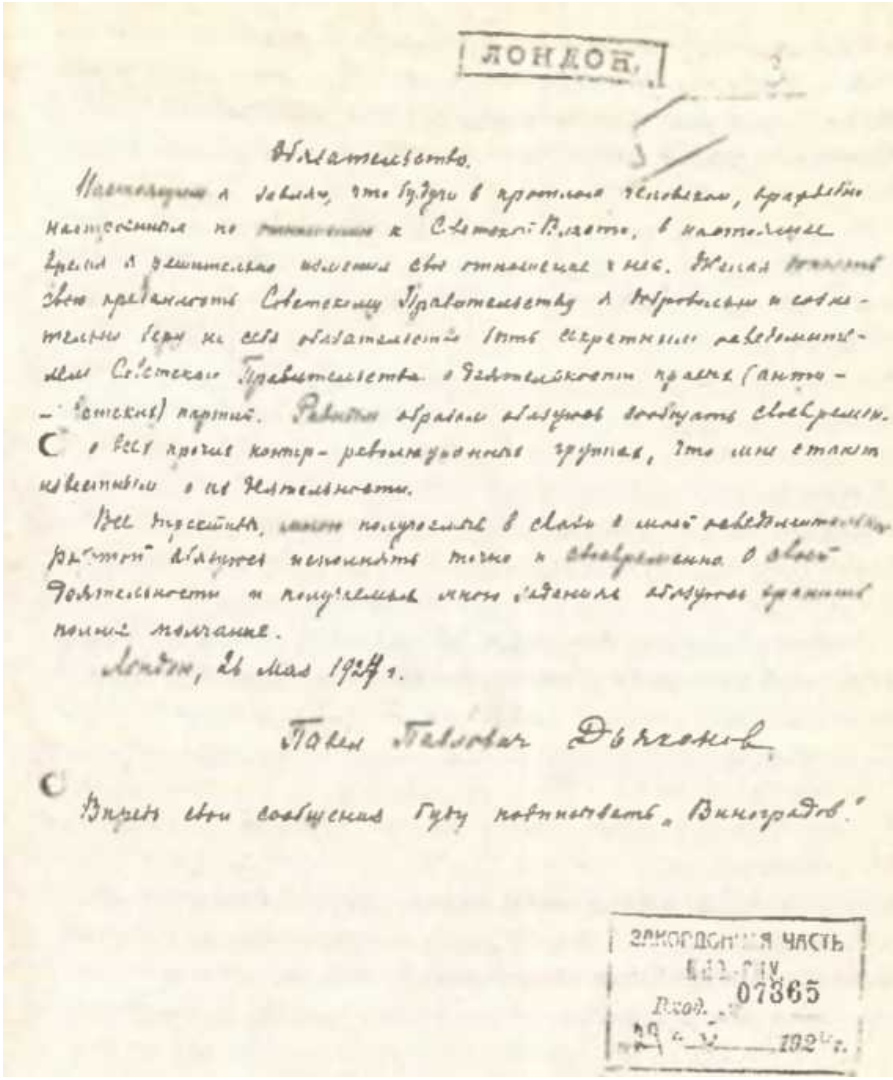
Скоблин сразу же заявил Федосеенко, что все знает от Миллера, но не только не советует бросать работу с большевиками, а, наоборот, очень рекомендует ее продолжать. Цель? Получать от московских агентов ценные для РОВС сведения.

Федосеенко сказал Бурцеву, что Скоблин, убеждая его, будто бы даже признался, что в этих целях и сам состоит в связи с большевиками.

Полковник Федосеенко решил было последовать совету Скоблина, но через несколько дней неожиданно получил по почте приказ по корниловскому объединению, которым он исключался из рядов корниловцев. Почти одновременно и большевики прервали с ним переписку.

Такое совпадение событий Федосеенко объяснял Бурцеву тем,

что именно Скоблин и предупредил большевиков относительно двойной игры полковника.


ЛОНДОН.

Его Величеству.

Настоящим я заявляю, что будучи в прошлом человеком, крайне враждебно настроенным по отношению к Советской Власти, в настоящее время я искренно желаю всем сердцем служить ей. Желая доказать свою преданность Советскому Правительству я торжественно и совместно беру на себя обязательство быть секретным сотрудником Советского Правительства и Дальневосточного краевого (Центро-Восточного) партии. Равным образом обязуюсь сообщать своевременно о всех прочих контр-революционных группах, что они станут известными мне по деятельности.

Все переговоры, какие получатся в связи с моей деятельностью, должны оставаться между нами строго конфиденциальными и ни в коем случае не должны быть преданы гласности.

Лондон, 21 мая 1927 г.

Павел Павлович Дьяконов

Верно: Член советской группы полномочный Виноградов.

ЗАКОРДОННАЯ ЧАСТЬ
Вх. 07365
Вход. 22 V 1927 г.

В результате всего этого Федосеенко подал генералу Эрдели, начальнику 1-го отдела РОВС, письменный доклад с подробным изложением всей истории и с просьбой назначить расследование относительно и его самого, и генерала Скоблина.

О своем разговоре генерал Дьяконов немедленно сообщил в Москву. Генерал начал работать на советскую разведку еще раньше Николая Скоблина.

Павел Павлович Дьяконов был командиром полка в русском экспедиционном корпусе во Франции и получил офицерский крест Почетного легиона. После Февральской революции получил от Временного правительства назначение военным атташе в Англию, в 1920-м перебрался в Париж. Через четыре года Дьяконов предложил свои услуги советскому полпредству и

начал работать на ОГПУ.

В иностранным отделе ОГПУ начался скандал. Парижский резидент рвал и метал: коллеги из Берлина подставили Скоблина под удар! Москва оправдывалась:

«Париж

резиденту

Подтверждаем получение ваших последних писем.

По основному вопросу — делу Федосеенко и Магденко — вы, конечно, совершенно правы Мы тщательно проверяем сейчас все это дело. Нужно указать вам, что по некоторым причинам мы не были в курсе весьма важных деталей этого дела, вернее, не были поставлены в известность своевременно аппаратом т. Артема. Отсутствие четкой оперативной отчетности и привело нас к создавшемуся положению.

Директивы по этому вопросу были даны немедленно телеграфно в копии вам и даются сегодня почтой.

Вместе с тем, учитывая, что Федосеенко не очень-то доверяют в штабе РОВС (данные ЕЖ-13) и что его переписка, несомненно, просматривается французами, мы предложили Берлину осторожно проработать вопрос постепенной его компрометации путем намеков на ряд якобы данных в прошлом заданий, которые Федосеенко своим хозяевам: объяснить не сможет.

Что касается предложенных вами еще некоторых мероприятий, то мы возражаем против длительной ликвидации связи с ЕЖ-13 (консервации), но предлагаем брать материалы только на месте, не писать писем туда и встречаться в ближайшее время как можно реже. Вместе с тем укажите ЕЖ-13 на необходимость в ближайшее время уменьшить свою активность и ни в коем случае не выпячиваться.

Центр».

Берлинская резидентура сработала плохо. Скомпрометировать Федосеенко не удалось, а имя Скоблина опять попало в эмигрантскую печать в сомнительном контексте. Причем полковник Магденко был арестовал в Берлине по обвинению в шпионаже на Советский Союз, но на допросах молчал. О Скоблине он знать не мог. Тем не менее теперь уже иностранный отдел предложил законсервировать ценного агента.

«Париж

резиденту

По поводу известного вам Федосеенко Берлином вновь допущена одна ошибка, о которой вас должен подробно ориентировать т. Алексей. Ошибка заключается в том, что послан совершенно несуразный и оперативно малограмотный

ответ.

Поэтому для сохранения ЕЖ-13, которого, очевидно, сейчас французская полиция будет разрабатывать, мы предлагаем вам порвать связь с ЕЖ-13 месяца на два. Обеспечить его на это время деньгами, очень осторожно связаться с ним, получить материалы, успокоить его.

Сообщите, если у вас будут какие-то другие соображения, хотя фактически это является предложением, которое вы выдвигали с самого начала.

По вопросу о выдаче подарка ЕЖ-13. Мы считаем, что сейчас выдавать на руки такой подарок опасно. Считали бы целесообразным приготовить такой портсигар с надписью и монограммой и показать его ЕЖ-13, но не давать сейчас в руки, а заявить, что он будет пока храниться в его личном деле как награда.

Мы исходим здесь из того, что лишние ценные вещи могут сейчас возбудить большое подозрение

Центр».

Роли переменились. Парижская резидентура не хотела даже на время оставаться без такого источника информации, как Скоблин.

«Центр

Обращаю ваше внимание на то, что к ЕЖ-13 Миллер и Шатилов продолжают относиться с полным доверием. Когда Миллеру донесли, что Федосеенко уверяет, что провокатор — не кто иной, как Скоблин, Миллера передернуло, и он предложил немедленно исключить Федосеенко из списков корниловского полка.

Шатилов сказал ЕЖ-13: «Вас это не должно смущать, и про меня пускают слухи, что я не просто агент большевиков, но что большевики мне платят жалование в две тысячи франков».

Генерал Шатилов поддержал Скоблина потому, что и сам стал жертвой волны слухов. Миллеру сообщили, что Шатилов, Скоблин и Туркул готовят переворот внутри РОВС, чтобы скинуть Миллера.

Шатилов ходил к Миллеру объясняться и оправдываться и заодно говорил о клеветнической кампании протии Скоблина. Но Миллер и так был однозначно на стороне своего старого друга и решил в обиду Скоблина не давать.

Пока происходило бурное выяснение отношений в русской эмиграции в Париже, Скоблин чуть было не погиб.

Несколько месяцев он лечился от малокровия. Ему впрыскивали какую-то новую патентованную сыворотку, но после восемнадцатого укола он почувствовал себя очень плохо. Его состояние стремительно ухудшалось, и он чуть было не отдал

Богу душу.

Его повезли в операционную, и хирурги потом сказали Надежде Васильевне Плевицкой: опоздай они на час, у пациента было бы общее заражение кропи.

В парижской резидентуре советской разведки о тяжелой болезни Скоблина узнали случайно, потому что уговорились месяц не встречаться.

Сотрудник резидентуры, который непосредственно работал с генералом, помчался в больницу. Когда он приехал, Скоблин чувствовал себя уже вполне прилично. Скоблин похвастался, что к нему в больницу приходили Шатилов, Туркул, Фок, Витковский, делегаты от корниловцев. Генерал Шатилов проявлял особое внимание, звонил каждый день, осведомляясь о состоянии больного.

Лежа на больничной койке, Скоблин переписывал секретный доклад Шатилова «Положение на Дальнем Востоке».

Копию доклада резидент переслал в Москву, приписав в письме:

«Использовать для печати этот доклад нельзя. Ни в коем случае. Это не только, как мы выражаемся, будет угрожать провалом ЕЖ-13, но провалит его окончательно».

Как же слухи о сотрудничестве Скоблина с большевиками попали в эмигрантскую печать?

Полковник Федосеенко написал подробный рапорт начальнику 1-го отдела РОВС генералу Ивану Георгиевичу Эрдели, который ухватился за этот рапорт. История со Скоблиным давала Эрдели, бывшему командиру казаков, возможность отличиться.

Копию своего доклада Федосеенко показал нескольким людям. Один из них продал историю журналисту из газеты «Возрождение». Статьей Федосеенко был огорчен. Судя по всему, он вовсе не рассчитывал на такого рода популярность, которая ему самому принесла больше вреда, чем пользы.

Через две недели после появления статьи в «Возрождении» состоялось собрание офицеров марковского полка. Там зачитали обращение генерала Миллера с призывом не верить «темным силам», которые стремятся сеять раздоры среди руководителей РОВС, и осудить провокатора, чернящего генерала Скоблина.

Большинство собравшихся согласилось с мнением Миллера. Кто-то из офицеров сказал, что эта интрига — дело рук Антона Ивановича Деникина, надеющегося такими подлыми путями захватить руководство в Российском общевоинском союзе.

После собрания один из марковцев хотел даже собрать группу офицеров, чтобы пойти и избить Федосеенко прямо на стоянке

такси. Федосеенко работал ночным таксистом, его машина обычно стояла на пляс Пигаль, излюбленном месте парижских проституток.

История эта обсуждалась всей эмиграцией. В основном люди возмущались поведением Федосеенко, но и руководство РОВС тоже не вызывало добрых чувств.

Тем временем Владимир Бурцев продолжал свои изыскания. Он решил обратиться непосредственно к Эрдели, который расследовал заявление Федосеенко, и написал генералу письмо.

Бурцеву позвонили из штаба РОВС. Сотрудник 1-го отдела корнет Кирилл Анатольевич Половцев сообщил, что Эрдели поручил ему повидаться с Бурцевым и дать ответы на все вопросы.

Свидание состоялось на следующий день. Корнет Половцев был чрезвычайно предупредителен с известным журналистом. Он рассказал:

— Генерал Эрдели, получив рапорт Федосеенко, доложил его генералу Миллеру и заявил, что не считает возможным оставить это дело без последствий. Генерал Эрдели полагает необходимым назначить расследование.

— А что Миллер?

— Генерал Миллер первоначально категорически отказал. Но затем вновь вызвал к себе Эрдели и сообщил, что признает возможным поручить расследование бывшему военному прокурору Григорьеву как специалисту в подобного рода делах. Эрдели не согласился и ответил, что келейное разбирательство никого не удовлетворит, необходимо широкое расследование. Причем его должны провести те, кто пользуется доверием военных кругов.

— Миллер согласился с доводами вашего начальника?

— Пока нет, — дипломатично ответил корнет, — и на этом все застопорилось.

— И что намерен предпринять Эрдели? — спросил Бурцев.

— Генерал Эрдели ожидает возвращения генерала Скоблина, чтобы выяснить его позицию. От их разговора будут зависеть его дальнейшие шаги. Должен вам сказать, Владимир Львович, что генерал Эрдели считает вас своим союзником, — добавил корнет, — и рассчитывает на вашу поддержку в своих требованиях относительно полного расследования дела Скоблина.

Судя по тону, которым корнет Половцев разговаривал с Бурцевым, можно было предположить, что генерал Эрдели находился в нерешительности и не знал, как ему поступить. Возможно, он был даже рад, что за дело взялся Бурцев.

Тогда к Бурцеву, по указанию Москвы, опять отправился генерал Дьяконов, от которого знаменитый журналист ничего не скрывал.

Дьяконову Бурцев сказал, что считает главным действующим лицом во всей этой истории не самого генерала Скоблина, а его жену.

Бурцев привел Дьяконову свои доводы.

— В 1918 году Надежда Плевицкая находилась на территории красных, разъезжала по всему фронту с концертами, чтобы приободрить красноармейцев и вдохновить их на борьбу с Добровольческой армией. О чем это говорит? — риторически спросил Бурцев. — Во время таких фронтовых гастролей Плевицкая вместе с отрядом красных попала в плен и немедленно перекрестилась в антибольшевичку. У белых она познакомилась со Скоблиным, сошлась с ним, а потом и вышла замуж.

Мне известно, что в Константинополе, когда генерал Слащев перешел к красным, Плевицкая упорно уговаривала Скоблина последовать примеру Слащева, которого определили преподавать в Высшую тактическую стрелковую школу РККА, — утверждал Бурцев.

По сведениям Бурцева, Надежда Плевицкая убеждала мужа, что как русская народная певица она легко сможет устроиться и у красных и еще продвинуть своего мужа. Однако Скоблин не согласился.

Как и многие другие офицеры, он считал генерал-лейтенанта Якова Александровича Слащева, командовавшего 2-м армейским корпусом и руководившего обороной Крыма, более чем странным человеком. Например, Слащев не носил военной формы с погонами. Он считал, что Добровольческая армия недостойна императорских погон. Почему, спросил его Антон Иванович Деникин. Слащев ответил: «Добрармия живет грабежом, не следует позорить наши старые погоны грабежами и насилиями».

— Вспомните, что слухи о связях Плевицкой с большевиками ходили уже в годы эмиграции, — говорил Бурцев генералу Дьяконову. — В частности, во время ее поездки по Америке организаторы гастролей выяснили, что в деле участвуют большевики, и поэтому порвали все отношения с Плевицкой. Тогда же мне стало известно о подозрениях в отношении Плевицкой, но за неимением достаточных данных выступить против певицы я не счел возможным.

Бурцев сказал Дьяконову, что если обвинения против Скоблина верны, то главную роль в налаживании связей с большевиками сыграла именно Плевицкая. Благодаря своим старым связям Плевицкая свела Скоблина с большевиками.

— Даже, может быть, сам Скоблин вообще ни при чем, — поделился с Дьяконовым своей идеей Бурцев. — Плевицкая, зная решительно все дела мужа, сама передавала секретные сведения большевикам.

Бурцев объяснил, что именно в его глазах компрометирует Скоблина и Плевицкую. До похищения Кутепова они бедствовали, а потом у них вдруг неизвестно откуда появились значительные средства, и теперь они живут на широкую ногу.

Получив от Дьяконова, который подписывал свои донесения псевдонимом «Аллигатор», подробный отчет о беседе с Бурцевым, иностранный отдел ОГПУ потребовал от парижской резидентуры принять дополнительные меры предосторожности.

«Париж

Дуче

Обращаем внимание на вновь начавшиеся разговоры о материальном положении ЕЖ-13, источнике его доходов. Необходимо подготовить ЕЖ-13 к тому, что от него, возможно, потребуют объяснений, и предложить войти в рамки обычного бюджета с таким расчетом, чтобы получаемое от нас содержание не проявлялось для посторонних.

Мы понимаем, что обстановка для ЕЖ-13 сейчас во многом сложнее, ибо за дело взялся Эрдели, но вместе с тем положение ЕЖ-13 у Миллера значительно солиднее, чем прежде. Тем не менее предлагаем Дуче принять исключительные меры предосторожности при встречах с ЕЖ-13, ибо допускаем, что за ним установлено наблюдение.

Центр».

«Центр

Февраль был для нас чрезвычайно тяжелым месяцем. Опасность, угрожавшая ЕЖ-13, принудила нас к исключительной выдержке, а возникавшие варианты контрмер подвергались многократному анализу и в конце концов или отпадали, или оказывались несостоятельными.

Финансовая сторона дел ЕЖ-13 меня не беспокоит. Им все аккуратно подсчитано, и есть подробные расчеты чуть ли не с 1922 года У него должны быть в сейфе деньги, акции или ценные бумаги. Чтобы показать Миллеру, с какими деньгами супруга возвращается из турне, я купил к тем леям, какие ЕЖ-13 действительно привез с собой, еще сто тысяч лей (это восемь тысяч франков). Пакет солидный, он показал его Миллеру.

Я считаю нужным купить на двадцать пять тысяч (минимум) франков — ценных бумаг (скажем, французскую ренту) и положить их в сейф ЕЖ-13. (У него есть в банке сейф.) Положение

ЕЖ-13 постепенно теряет свою остроту, но остается по-прежнему опасным. Борьба между ним и генералом Эрдели — не на жизнь, а на смерть.

Деятельность Эрдели, просачиваясь наружу и становясь ощутимо неприятной для головки РОВС, превращается в свою противоположность и создает угрозу для самого генерала Есть некоторые шансы, что как только Миллер до конца осознает, что активность Эрдели опасна и для него, он предложит ему оставить пост начальника 1-го отдела.

Но назначение Миллером ЕЖ-13 руководителем всей активной работы РОВС, становившееся уже совсем реальным, временно отпало из-за того несчастья, которое постигло ЕЖ-13. Дуче».

Февраль 1936 года оказался ужасным месяцем для Скоблина и Плевицкой. Помимо всего прочего они еще попали в тяжелую автомобильную катастрофу. Поздно вечером они возвращались из Парижа в Озуар-ле-Феррьер в своем автомобиле. Неожиданно на дорогу выехал грузовик, который в них врезался. Удар был так силен, что автомобиль Скоблина буквально сплющило.

О случившемся парижская резидентура узнала из газеты «Последние новости», где было написано, что Надежду Плевицкую и Николая Скоблина извлекли из автомобиля в бессознательном состоянии и доставили в больницу.

На следующее утро их перевезли в клинику «Мирабо», где Скоблину сделали радиографию, как тогда именовалось рентгеновское обследование.

Уцелели они только потому, что дверца машины от удара открылась, и они выпали на мостовую прежде, чем машину сдавило так, что от сидений ничего не осталось.

Плевицкая выпала первой и отделалась ушибами. Появившимся в больнице корреспондентам, которых послали написать о состоянии популярной певицы, Плевицкая сказала, что через неделю будет петь на благотворительном концерте в пользу строящейся в Озуар-ле-Феррьер церкви.

У Скоблина был перелом руки, трещины лопатки и ключицы. Он вышел из строя на несколько недель.

Сотрудники резидентуры сидели, как на иголках: ни позвонить Скоблину и Плевицкой по телефону, ни навестить их в больнице они не могли.

Но несчастье в определенном смысле пошло Скоблину на пользу. Вся эмиграция сочувствовала певице и ее храброму мужу.

Командиры бывших частей Добровольческой армии и так были настроены против начальника контрразведки Ивана Эрдели, поэтому преследование им Скоблина рассматривалось как недостойная попытка вывести из игры одного из своих

политических противников. В этой борьбе большинство генералов однозначно заняли сторону Скоблина. Эрдели слишком явно желал захватить РОВС в свои руки и тем самым нажил себе массу врагов.

Скоблин, кипя праведным гневом, подал рапорт Миллеру с просьбой провести расследование выдвигаемых против него обвинений в сотрудничестве. Но это было даже излишним.

Председатель РОВС Миллер бегал к Скоблину в больницу за советом чуть ли не каждый день. Все видели, как Миллер привязан к своему другу.

Сотрудник парижской резидентуры все-таки ухитрился и нашел способ бывать у Скоблина, который старательно пересказывал все свои разговоры с Миллером.

Советские разведчики всегда считали, что Миллер — не сильная личность. Он избегал конфликтов, конфронтации, выяснения отношений, боялся ссориться с людьми и не рисковал увольнять из РОВС людей, которые ему самому доставляли массу неприятностей.

Вообще Миллер больше думал о подрастающем поколении эмиграции. Он поставил перед собой задачу сделать так, чтобы эмигрантская молодежь и на чужбине получила достойное образование.

Первоначально пассивность Миллера советскую разведку вполне устраивала. Но в Москве происходили большие перемены. В июле 1934 года был создан общесоюзный наркомат внутренних дел, включивший в себя и ОГПУ. Наркомом был назначен Генрих Григорьевич Ягода, его первым заместителем — Яков Саулович Агранов, вторым — Георгий Евгеньевич Прокофьев. Их большие фотографии были опубликованы на первых полосах цен тральных газет.

В передовой статье, посвященной созданию наркомата, «Известия» писали, что создание НКВД означает, что «враги внутри страны в основном разгромлены, что возрастает роль революционной законности». Но, видимо, главный редактор «Известий» Николай Иванович Бухарин сильно ошибался. НКВД обнаружил еще больше врагов, чем ОГПУ.

Оперативный аппарат ОГПУ вошел в министерство в качестве Главного управления государственной безопасности. Руководство наркомата требовало от разведки жесткости и активности.

Тогда в аппарате советской разведки и стали размышлять о том, что, возможно, надо избавиться от Миллера и заменить его Скоблиным. Идея казалась вполне осуществимой.

Скоблину Миллер в больнице нашептал на ухо, что сворачивает операции по проникновению на территорию СССР из

Румынии и готов все силы мобилизовать на северном направлении с тем, что к маю через Финляндию перебросить в Советский Союз группу террористов.

Близкие к Кутепову люди, считавшие первоочередной задачей РОВС террор внутри Советского Союза, были не очень довольны его преемником генералом Миллером. Его считали слишком старым (ему перевалило за семьдесят), нерешительным и неинициативным, склонным к кабинетной работе и не способным руководить столь крупной организацией. Иногда генералы высказывали свое недовольство вслух.

«Совершенно секретно
НКВД СССР
Главное управление государственной безопасности
Иностранный отдел
Спецсообщение
1. т. Ягоде
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Гай
5. т, Молчанову
6-9. Начальникам оперативных отделов
10. К делу

Иностранным отделом ГУГБ получены сведения, что 22 февраля с.г. без предупреждения к генералу Миллеру явилась группа командиров отдельных воинских объединений РОВС во Франции: генерал Витковский — командир 1-го корпуса, генерал Скоблин — командир Корниловского полка, генерал Туркул — командир Дроздовского полка, генерал Пешня — командир Марковского полка, Орехов — командир жендор. роты, редактор журнала «Часовой» и др. Всю эту группу возглавлял генерал Витковский.

Командиры частей вручили генералу Миллеру меморандум, суть которого сводится к следующему: к моменту похищения генерала Кутепова главное командование РОВС обладало громадным моральным престижем и, кроме того, имело крупные средства. Последние годы жизни Кутепова ознаменовались активной борьбой с большевиками.

Теперь у главного командования авторитета нет, и борьба не ведется. РОВС не имеет никакой политической линии и поэтому уже давно потерял среди эмигрантов всякий престиж. Особый комитет по розыску генерала Кутепова истратил массу денег, но ничем не помог французам найти следы преступления. В меморандуме предлагается провести реорганизацию РОВС. В противном случае лица, подписавшие этот документ, выйдут из организации.

Зам. нач. ИНО ГУГБ НКВД».

Пожалуй, это было не совсем справедливо по отношению к Евгению Карловичу Миллеру. Назначенный Колчаком в 1919 году командующим войсками Северной области, он продемонстрировал жестокую решимость в борьбе с Красной Армией.

Сменив Кутепова, Миллер вовсе не отказался от террора. В секретных документах РОВС, с которыми Миллер не забывал знакомить своего друга и советчика Николая Скоблина, подчеркивалась необходимость подготовки кадров для террористических групп, для ведения партизанской войны в тылу Красной Армии — в ожидании войны с СССР.

Для эмигрантской молодежи Миллер создал в Белграде унтер-офицерские школы.

Во Франции подготовкой диверсантов занималась организация «Белая идея» — Миллер сформировал ее в 1935 году. «Белая идея» работала на северном направлении, то есть ее боевики переходили финскую границу и растворялись в Ленинграде.

Подбором боевиков для «Белой идеи» занимался капитан Ларионов. Это был кумир эмигрантской молодежи. В 1927 году он участвовал в подготовке взрыва в лекционном зале центрального партклуба в Ленинграде. Боевое прошлое и репутация бесстрашного героя помогли ему отобрать в «Белую идею» двадцать молодых людей, способных к эффективной боевой работе.

Ларионов учил их стрельбе, метанию гранат, изготовлению и закладке взрывчатки, умению ориентироваться, маскироваться. Ларионов занимался с ними даже русским языком: они должны были отвыкнуть от привычных «старорежимных» слов и обогатить свой словарный запас новой, послереволюционной лексикой.

Перед отправкой в Финляндию боевиков представляли Скоблину. Он связывал их с представителем РОВС в Финляндии генералом Добровольским. Кроме того, Скоблин сразу же сообщал о планах очередной группы советской разведке. Миллер решил включить Скоблина в состав комиссии по реорганизации РОВС и поручил ему вместе с Туркулом руководить всей активной работой Российского общевоинского союза.

Советская разведка предупреждала пограничников, и, как правило, боевиков перехватывали уже на границе.

Так что у парижской резидентуры постоянно были основания хвалить Скоблина и просить Главное управление государственной безопасности отметить его успехи:

«Центр

Через неделю ЕЖ-13 хочет «отпраздновать» год работы с нами и сказал, чтобы мы со своей стороны оценили его деятельность. Я предлагаю следующее: двести американских долларов дать на месячный отдых и еще столько же дать обоим наградных. Оплачивать содержание машин — он купил новую. «Фермершу» оперировали (пластическая операция) — я оплатил. Сообщите ваше мнение. Париж».

Двести американских долларов были большими деньгами по тем временам. Сам резидент получал в месяц двести пятьдесят долларов.

Хотя в шифровках резидентуры обычно упоминался один Скоблин, на самом деле без Надежды Васильевны он не смог бы столь плодотворно работать. Надежда Плевицкая и Николай Скоблин взаимно дополняли друг друга.

С Туркулом у советской разведки ничего не вышло.

Когда в Москве стали подумывать о том, чтобы заменить Миллера Скоблиным, излишне энергичный Туркул стал уже просто вызывать раздражение советской разведки.

Постоянно появлялись сообщения о его небывалой активности, о желании Туркула свергнуть нынешнее руководство РОВС и взять власть в свои руки.

Один из агентов советской разведки принес в резидентуру сногсшибательное сообщение о том, что будто бы состоялось секретное собрание бывших офицеров-дроздовцев, на котором Антон Туркул предложил передать ему работу против Советского Союза.

В Москве особенно забеспокоились, прочитав, что Туркулу как будто бы вручили на эти цели двести тысяч франков. И что Туркул уже завербовал в Софии четырех македонцев для проведения террористических актов на территории Советского Союза. Сообщения поступали из разных источников, что всегда создает иллюзию достоверности.

За разъяснениями обратились к Скоблину.

Скоблин сказал сотруднику резидентуры, что сам присутствовал на чествовании Туркула дроздовцами и может поручиться за то, что никаких программных речей Туркул не произносил. Скоблин вообще утверждал, что генерал по обыкновению помалкивал.

Плевицкая, участвовавшая в разговоре, заметила мужу:

— Мы ведь рано уехали с обеда, ты же не знаешь, о чем потом говорил Туркул.

Скоблин убежденно ответил:

— Знаю, великолепно знаю. Он вообще двух слов прилюдно

сказать не может. Ничего и не говорил. К тому же, если помнишь, сразу после обеда Туркул приехал к нам и опять-таки ничего не сказал об этом. Сразу разговор о чем-то другом пошел. Значит, никакого выступления не было.

Сообщение о выделении Туркулу двухсот тысяч франков тоже оказалось липой. Приезжая в Париж, Туркул жил у Скоблина, без него не делал ни шагу. Даже к Миллеру они ездили вдвоем. Их называли двумя аяксами.

Скоблин твердо сказал сотруднику парижской резидентуры, что никаких денег Туркул не получал, но на всякий случай послал ему письмо в Софию, на которое быстро получил энергичный ответ:

«Дорогой Николай Владимирович!

Письма от генерала Фока не получал. Вообще ничего не знаю о новой организации активной работы. Никто и ничего о ней нам в Болгарию не сообщает.

Твое предположение, что будет назначен Фок, мне кажется верным, у него хорошие отношения с Шатиловым, которому хочется быть в курсе активной работы. Когда я говорил в Париже об активной работе, я ни одной минуты не желал становиться во главе новой организации. Я считал и считаю, что активная работа должна быть основой существования нашего союза здесь, за рубежом…

Активная работа — вот душа и сердце нашего союза. Прекратив работу, союз будет подобен живому трупу. Ни курсами, ни школами его оживить нельзя.

Ты пишешь, что активная работа должна быть передана нам. Принципиально я согласен, но считаю, что если нас не хотят, то не следует поднимать из-за этого шума. Нам важно, чтобы работа была, и работа большая и видная, важно, чтобы глава организации был смел и решителен. Опытов в этой области достаточно.

Неуспех новой организации будет большим скандалом. Мне кажется, что тебе выдвигать нас в штабе не совсем удобно. Если хотят нас видеть во главе, то пускай нас выдвигают другие. Если же придется работать, я уверен, что мы не осрамим нашего оружия и сделаем все возможное для скорейшего низвержения власти товарищей в СССР.

Во всяком случае, будь уверен, что я тебя поддержу вся чески. Покупателя на свое дело нашел. Жду возвращения генерала Абрамова, и тогда с песнями тронемся в Париж. Ты же сейчас присматривай хорошие районы.

Необходимые письма от «Шелла» уже посланы в Париж. Там обещано всяческое содействие. Я тебя очень прошу присмотреть

районы, так как район для торговли бензином крайне важен.

Прошу написать мне более подробно настроение штаба и наших чинов.

До сих пор не решил, брать ли с собой вестового. Боюсь взять, так как в случае слабой торговли человек без права работы явится большим грузом.

Пока всех благ.

Поцелуй ручки Надежды Васильевны.

Твой А.Туркул.

Александра Федоровна целует Надежду Васильевну и тебе шлет привет».

Но Москва больше не была заинтересована в расколе РОВС, а, напротив, теперь уже хотела сохранить его единым. Москва не хотела, чтобы Скоблин завяз в интригах, которыми богата эмиграция, и оказался в плену одной группировки, а ориентировался на центральную линию РОВС и имел доступ к тому, что обсуждается и решается верхушкой Общевоинского союза.

Тем более, что такие возможности у него появились: его желание вернуться к активной работе, инспирированное Москвой, было оценено и Миллером, и Шатиловым. Причем в эмиграции высоко ценили не только боевое прошлое Скоблина, но и говорили, что он обладает недюжинными административными способностями.

Первоначально советские разведчики дали Скоблину директиву самому не выдвигаться и не вылезать. Но потом директива была изменена: входить в головку РОВС, добиваться руководящего места.

«Париж резидентура

У нас достаточный опыт в отношении различных авантюр и интриг, поэтому ни в какие авантюры и интриги мы ЕЖ-13 не пустим и вам это категорически запрещаем. ЕЖ-13 должен остаться строевой и политической фигурой, имеющей вес и значение в штабе, а не превратиться в мелкого склочника и интригана, каким он неминуемо предстал бы перед всеми, если бы мы не ограждали его от участия в интригах.

Центр».

Пути Скоблина и Туркула быстро разошлись. Скоблин присматривался к креслу председателя и искал поддержки умеренных, а Туркул превратился в вождя радикалов. В этом качестве он напрочь раздружился со Скоблиным и делал ему всякие гадости.

«Центр

Дуче

Над ЕЖ-13 навис злой рок: одна беда ползет вслед за другой. На прошлой неделе у него украли машину. Увели ее около Галлиполийского собрания. ЕЖ-13 подозревает, что это дело туркуловской банды. Был он этим случаем сильно удручен, но понемногу успокоился. Машина застрахована, и ему, очевидно, возместят ее фактическую стоимость Олег».

Генерал Туркул, разочаровавшись в РОВС, вышел из Союза и создал в 1936 году собственную организацию Русский национальный союз участников войны, выпускал газету «Сигнал». Девиз для своего союза Туркул выбрал такой: «Бог — Нация — Социальная справедливость».

В Германии его единомышленники создали в 1935 году Российское национальное и социальное движение, его возглавил полковник Скалой. «Наш идеал — фашистская монархия», — повторял генерал Туркул.

Впрочем, увлечение фашистскими идеями в середине 30-х годов не обошло и других лидеров белой эмиграции.

«Мы, чины РОВСа, являемся как бы естественными, идейными фашистами. Ознакомление с теорией и практикой фашизма для нас обязательно», — говорилось в приказе по Российскому общевоинскому союзу, подписанному генералом Миллером 2 января 1937 года.

«Совершенно секретно

НКВД СССР

Главное управление государственной безопасности

Иностранный отдел

Спецсообщение

1. т. Ягоде

2 т. Агранову

3. т. Прокофьеву

4. т. Гай

5. т. Молчанову

6. т. Миронову

7. т. Паукеру

8. т. Фриновскому

9. Начальникам оперативных отделов

Иностранным отделом ГУГБ получены сведения, что генерал Миллер в беседе сообщил своему заместителю адмиралу Кедрову, что при свидании с немецким журналистом он указывал последнему, что Германия может справиться с ненавистным ей коммунизмом коротким ударом по большевистской головке. Если Германия изберет этот путь борьбы, вся эмиграция будет на ее стороне, больше того — пусть Германия дает средства, эмиграция

даст необходимый людской материал-В данный момент РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть.

Зам. нач. ИНО ГУГБ НКВД».

В апреле 19.88 года французское правительство приказало выслать из Франции генералов Шатилова и Туркула, капитана Ларионова. Антон Туркул обосновался в нацистской Германии.

В один из сентябрьских дней 19.37 года Николай Владимирович Скоблин зашел в кабинет Миллера в Российском общевоинском союзе.

— Я хочу вам рассказать, Евгений Карлович, что у меня несколько раз были беседы с представителями германской разведки.

Миллер, отложил в сторону бумаги.

— Где вы с ними встречались? — сразу же спросил он. — Вы понимаете, почему я беспокоюсь: французы могут разозлиться…

— Разумеется, Евгений Карлович, все беседы проходили вне Парижа. У нас в Озуар-ле-Феррьер гости почти каждый день, поэтому еще одно новое лицо никого не удивит.

— И как вам понравился человек из Берлина, Николай Владимирович?

— Он показался мне серьезным партнером, — осторожно ответил Скоблин. — Он из абвера, военной разведки, и говорит, что готов предложить нам взаимовыгодные условия сотрудничества. Но…

— Что «но»? — заинтересовался Миллер. — Договаривайте.

— Он желает иметь дело только с вами. Я для него слишком мелкая фигура.

— Ну что вы, Николай Владимирович. Вы такой же руководитель РОВС, как и другие.

— Уверяю вас, Евгений Карлович, они в Берлине знают только вас и только с вами хотят обо всем договариваться.

Миллер не стал возражать.

— Я готов выполнить свой долг и встретиться с ними. Но как это удобно сделать, учитывая мое официальное положение и вероятную ревность французов?

— У меня есть подходящее место на примете, — предложил Скоблин.

Встречу назначили на 22 сентября.

Накануне этой беседы в кабинете резидента советской разведки в Париже состоялось совещание в узком кругу.

В совещании участвовали сотрудники пятого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Вениамин

Гражуль и Михаил Григорьев, неделю назад приехавшие из Москвы с поддельными паспортами.

В кресле резидента сидел заместитель начальника отдела Сергей Михайлович Шпигельглас. Сам резидент скромно сел сбоку.

В здании полпредства резидент вел себя, как царь, бог и воинский начальник. Он мог даже не присутствовать на партийных собраниях советской колонии. И полпред не смел сделать ему замечание. Но в присутствии Шпигельгласа резидент чувствовал себя неуверенно.

После назначения наркомвнуделом Николая Ивановича Ежова загранаппарат менялся буквально на глазах. Резидентов отзывали в Москву одного за другим, в лучшем случае отстраняли от работы, в худшем арестовывали. Вот поэтому парижский резидент боялся московского начальства. Понимал: одна неудачная операция — и придется возвращаться домой.

К тому времени Сергей Шпигельглас был уже майором госбезопасности — это было специальное звание. Майор госбезопасности был выше по званию, чем обычный армейский майор.

7 октября 1935 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР об установлении специальных званий начальствующего состава Главного управления государственной безопасности НКВД. Майор госбезопасности носил в петлицах три прямоугольника. Офицеры госбезопасности ходили в гимнастерках защитного цвета и синих брюках. Петлицы были кранового цвета. На гимнастерку нашивался нарукавный знак красного цвета, на котором было вышито изображение серпа и молота, на них вертикально накладывался меч.

22 сентября Евгений Карлович Миллер явился к себе в РОВС, на улицу Колизее, 29, в половине одиннадцатого утра. Занимался делами у себя в кабинете. В начале первого сказал начальнику канцелярии РОВС генералу Павлу Кусонскому, что у него назначено свидание в 12.30, после чего он намерен вернуться на службу. Но в штаб РОВС Миллер больше не вернулся.

Миллер, помня историю Кутепова, имел обыкновение, уходя на встречу, оставлять дома или в рабочем кабинете пакет, который следовало вскрыть в случае его неоправданно долгого отсутствия. В пакет Миллер клал записку с точным указанием, куда, когда и с кем он собирался встретиться. Так же он поступил и 22 сентября. Никто об этом не знал, поэтому ни Скоблин, ни Плевицкая не предполагали, что их ждет.

Французская полиция достаточно точно установила, что именно 22 сентября, в день похищения Миллера, делали Скоблин

и Плевицкая. А Владимир Бурцев описал результаты следствия в книге, которую издал на свои средства: «Большевицкие гангстеры в Париже. Похищение генерала Миллера и генерала Кутепова».

В тот день с самого утра Скоблин и Плевицкая начали устраивать свое алиби. Они поехали в русское кафе на рю Лоншан, где пробыли полчаса, до половины одиннадцатого. Из кафе Скоблин отвез жену в модный магазин «Каролина» на авеню Виктора Гюго и оставил ее там, обещав вернуться за ней часа через полтора — после встречи с Миллером.

Посетители кафе и магазина должны были бы в будущем подтвердить, что все утро Скоблин и Плевицкая провели вместе с ними. Из «Каролины» они собирались поехать на Северный вокзал, чтобы проводить свою знакомую — Н.Л.Корнилову-Шаперон, дочь покойного генерала Лавра Георгиевича Корнилова, уезжавшую в Брюссель.

Но пока Надежда Васильевна примеряла платья, Николай Владимирович сел в свой автомобиль и уехал.

С генералом Миллером они встретились на углу улиц Раффе и Жасмен. Здесь Скоблина и Миллера ждал еще один господин.

Скоблин оставил свой автомобиль, и они втроем, разговаривая, пошли по улице Раффе к калитке дома на бульваре Монморанси, который был снят в 1936 году советским полпредом Владимиром Потемкиным за тридцать тысяч франков в год.

В этом доме находилась школа для детей советских сотрудников, работавших в Париже. Но в сентябре каникулы еще не закончились, и школа пустовала. Здание сторожила одна безграмотная женщина.

Позднее следствие обратит внимание на то, что место для похищения генерала Миллера было выбрано очень удачно. Советский дом находился на окраине Парижа, возле Булонского леса, в пустынном месте, где редко можно было встретить прохожего — особенно в обеденные часы.

Следствие найдет свидетеля последних минут свободной жизни генерала Миллера. Это был бывший офицер Добровольческой армии, который 22 сентября находился на террасе дома всего в нескольких десятках метров от советской виллы на бульваре Монморанси.

Оттуда офицер прекрасно видел, как у самого входа в советский дом стояли хорошо ему известные генералы Миллер и Скоблин, а между ними — спиной к нему — находился какой-то человек плотного сложения.

Скоблин в чем-то убеждал Миллера и показывал ему на калитку советского дома. Он, по-видимому, предлагал генералу войти в дом, но Миллер колебался.

Что произошло потом, свидетель не видел, так как в это время его позвали с террасы внутрь дома. Он не придал никакого значения виденной им сцене. Только на другой день, прочитав в газетах о похищении Миллера и исчезновении Скоблина, он понял, чему был свидетелем.

***В.** Афанасьев, один из участников операции по похищению Миллера*

Генерала Миллера втолкнули в дом, где находились оперативники Главного управления государственной безопасности, и все было кончено. Ему дал и хлороформ, уже в бессознательном состоянии заткнули рот и связали руки и ноги.

Через несколько минут к дому подкатил большой новый восьмицилиндровый грузовик компании «Форд», приобретенный советским полпредством. В грузовик погрузили большой ящик, который несли вчетвером.

Передав Миллера оперативной группе НКВД, Скоблин

освободился и на машине поехал за Плевицкой, но опоздал. В «Каролину» он прибыл через пять минут после того, как Надежда Васильевна, боясь опоздать, сама уехала на вокзал.

Скоблин поспешил за ней, но догнал ее только на перроне. Н.Л.Корниловой-Шанерон Николай Скоблин сказал, что они с Надюшей приехали вместе, но ему пришлось отогнать машину на стоянку и что-то исправить в моторе.

Позднее следствие назначит экспертизу — мотор купленной на деньги НКВД машины работал идеально.

С вокзала Скоблин и Плевицкая отправились в Галлиполийское собрание — пить чай. Затем Скоблин завез жену в гостиницу «Пакс», а сам вместе с полковником Трошиным и капитаном Григулем, своим бывшим адъютантом, решил объехать квартиры Деникина и Миллера, чтобы поблагодарить обе семьи за участие в прошедшем накануне банкете корниловцев, где главную скрипку, естественно, играл сам Скоблин.

Банкет был посвящен двадцатилетию корниловского полка и прошел весьма торжественно. Газета «Возрождение» дала отчет о банкете:

«Заключительную речь произнес командир корниловского полка генерал Скоблин, в прошлом начальник корниловской бригады, а потом и дивизии. Генерал Скоблин состоит в полку с первого дня его основания; он — один из совершенно ничтожного количества уцелевших героев-основоположников. В его обстоятельной и сдержанной речи были исключительно глубокие места. Глубокое волнение охватывало зал, склонялись головы, на глазах многих видны были слезы. На вечере, как всегда, пленительно пела Н.В. Плевицкая».

Не застав — по причине ему одному прекрасно известной — генерала Миллера, Скоблин как ни в чем не бывало попросил его жену передать генералу благодарность преданных белому делу офицеров-корниловцев.

Ближе к вечеру Скоблин и Плевицкая отправились к себе в Озуар-ле-Феррьер, чтобы накормить кота и собак. Но вечер еще не был закончен. Им не хотелось сидеть дома, и они вновь поехали в Париж.

Плевицкая осталась ночевать в гостинице «Пакс», где они частенько проводили ночь, а Скоблин еще раз заехал в Галлиполийское собрание и потом только отправился в гостиницу.

Миллера уже искали, а Скоблин лег спать, не подозревая, что в половине одиннадцатого вечера генерал Кусонский, встревоженный непонятным исчезновением председателя РОВС, вскроет оставленный Миллером конверт и прочтет:

«У меня сегодня в 12.30 свидание с ген. Скоблиным на углу улиц Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штроманом и с Вернером, чиновником здешнего германского посольства.

Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а потому на всякий случай оставляю эту записку.

22 сентября 1937 года.

Ген.-лейт. Миллер».

Кусонский был потрясен прочитанным и позвонил адмиралу Кедрову, заместителю Миллера по РОВС. Кедров попросил послать домой к Скоблину пожилого офицера Асмолова, который постоянно жил в помещении штаба РОВС, исполняя, кроме прочих, обязанности ночного сторожа.

— Надо узнать, во-первых, не пропал ли и Николай Владимирович, — озабоченно сказал адмирал Кедров. — Ежели он на месте, то пусть вспомнит, где и когда они расстались с Евгением Карловичем?

Асмолов среди ночи отправился в Озуар-ле-Феррьер. Но дом был пуст. Асмолов вернулся в штаб РОВС на улицу Колизее. Там уже собрались несколько руководителей РОВС, которые уже заподозрили худшее — что Миллер последовал за Кутеповым в мир иной.

— Неужели и Скоблин пропал? Но Надежда Васильевна должна была бы остаться дома, почему же ее нет? С ней-то что могло приключиться? — задавались недоуменными вопросами в штабе РОВС.

Полковник Мацылев вдруг вспомнил, что Скоблин и Плевицкая иногда ночуют в гостинице «Пакс». Мацылева сразу послали наведаться в гостиницу. Причем полковник ничего не знал о уже прочитанной записке Миллера и о том, что Скоблин фактически уже на положении подозреваемого. Поэтому когда он будил Скоблина и просил немедленно приехать в штаб РОВС, то никак не мог вспугнуть генерала.

Николай Владимирович Скоблин, отправляясь в РОВС, надо полагать, намеревался взять на себя обязанности и главного расследователя загадочного исчезновения Миллера, и его функции по руководству РОВС.

Но события развивались совсем не так, как планировали Скоблин, Плевицкая и их руководители из 5-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР.

На улице Колизее Скоблина сразу же спросили:

— Где Миллер?

— Я не знаю, — спокойно ответил Скоблин.

Тогда ему показали записку, оставленную Миллером. Адмирал Кедров и генерал Кусонский сказали, что направляются в комиссариат полиции, и предложили ему поехать вместе с ними.

Скоблин понял, что все рухнуло, что в полиции его первым делом арестуют. Он понял, что надо спасаться. Он улучил минуту, когда внимание растерявшихся руководителей РОВС было отвлечено от него, вышел из комнаты и исчез.

Пытаясь найти Скоблина, наивный адмирал Кедров вновь послал полковника Мацылева в гостиницу «Пакс». Он разбудил Надежду Плевицкую:

— Николай Владимирович не вернулся?

Плевицкая поняла, что произошло нечто непредвиденное. Она набросилась на Мацылева с неосторожными вопросами:

— Где мой муж? Он ведь ушел с вами. Что вы с ним сделали? Вы его в чем-то подозреваете? Отвечайте! Он способен застрелиться, если задета его честь!

На следующий день эмигрантские газеты вышли с шапкой: «Загадочное исчезновение ген. Е.К.Миллера. Глава РОВСа в среду в 12 ч. 30 м. дня покинул управление на рю Колизее и с тех пор не появлялся».

Плевицкая, захватив с собой деньги, по всему городу искала мужа, чтобы спасти его и себя. Но поиски были безуспешными. Она не сумела связаться и с сотрудниками парижской резидентуры советской разведки, потому что не знала, как это сделать — отношения с разведчиками поддерживал Николай Владимирович.

24 сентября растерянную Плевицкую встретил в Галлиполийском собрании капитан Григуль, бывший адъютант генерала Скоблина.

— Где же вы были вчера? — спросил ее капитан, который был потрясен слухами о причастности Скоблина к исчезновению генерала Миллера и сам не знал, чему верить.

— Целый день бродила по улицам. Я не знала, что думать, искала мужа, а где его искать, сама не понимала. Я была как безумная. На каждом углу мне казалось, что вот я его сейчас увижу. Когда больше сил не было, я пошла к доктору Ч. Это было уже перед вечером. Звонила, звонила, никто не отвечал… Тогда я опять пошла бродить по улицам… Что же вы еще хотите от меня? Я искала, с кем посоветоваться, хотела, чтобы меня успокоили. Я не могла оставаться одна.

Ночь Надежда Васильевна провела у знакомых, а утром была арестована в Галлиполийском собрании. При аресте у нее нашли

семь с половиной тысяч франков, полсотни долларов и полсотни фунтов стерлингов — деньги для нищей эмиграции завидные. Эти деньги на суде станут доказательством ее вины.

А что произошло с генералом Миллером?

Когда генерала хватились, машина, увозившая Евгения Карловича Миллера, была уже далеко от Парижа. Связанного генерала, которому дали хлороформ, везли в портовый город Гавр. Здесь в порту на разгрузке стояло советское судно «Мария Ульянова», которое доставило 5522 тюка с бараньими кожами на общую сумму в девять миллионов франков.

Портовой команде оставалось выгрузить еще шестьсот тюков, когда «Мария Ульянова» стала готовиться к немедленному отходу. Капитан получил по радио мало понятный ему приказ принять важный дипломатический груз и немедленно покинуть порт.

Оставшиеся шестьсот тюков с бараньими кожами вернулись в Россию, где их перегрузили на другой пароход и доставили на сей раз в Бордо.

С.Я. Эфрон. Именно его руками были осуществлены похищения генералов Кутепова и Миллера

Машина, покрытая пылью, подкатила к самому причалу. Стоял туман. Из машины выскочил какой-то немолодой человек и с неожиданной для его возраста прытью поднялся по трапу. Вахтенный провел его прямо к капитану. На несколько минут они остались один на один в капитанской каюте. Потом капитан стремительно прошел в рубку, а гость вернулся к трапу, чтобы помочь втащить на борт тяжелый груз. По приказу капитана в этот момент с палубы исчезли все матросы.

Таможенникам были предъявлены документы, из которых следовало, что в ящике содержится дипломатическая переписка советского полномочного представительства во Французской республике. Дипломатическая переписка таможенному досмотру не подлежит.

29 сентября «Мария Ульянова» дошла до Ленинграда, на следующий день Миллера доставили в Москву.

Оказавшись в камере, Надежда Васильевна Плевицкая поняла, что жизнь ее рухнула. И, как это часто бывает с людьми, она стала почему-то вспоминать своих родите лей, детство, первые шаги в самостоятельной жизни. Она написала две книжки воспоминаний, изданных крохотными тиражами еще в 20-х годах. Первая книжка называлась «Дежкин'карагод». Ее издали в Берлине в 1925 году. Это рассказ о детстве, о первых шагах в искусстве.

«Семеро было нас: отец, мать, брат да четыре сестры, — писала Плевицкая. — Всех детей у родителей было двенадцать, я родилась двенадцатой и последней, а осталось нас пятеро, прочие волей Божьей померли.

Жили мы дружно, и слово родителей для нас было законом. Если же, не дай Бог, кто «закон» осмелится обойти, то было и наказание: из кучи дров выбиралась отцом-матерью палка, потолще, со словами:

— Отваляю по чем ни попало.

А вот и преступления наши:

Родители не разрешали долго загуливаться. «Чтобы засветло дома были», — наказывала мать, отпуская сестер на улицу, потому что «хорошая слава в коробке лежит, а дурная по дорожке бежит».

Вот той славы, «что по дорожке бежит», мать и боялась.

У моего отца было семь десятин пахоты. На семью в семь человек — это немного, но родители мои были хозяева крепкие, и при хорошем урожае и у нас были достатки. Бывало, зайдешь в амбар: закрома полные, пшено, крупы, на балках висят копченые гуси, окорока, в бочках солонина и сало. А в погребе — кадки капусты, огурцов, яблок, груш. Спокойна душа хозяйская, все тяжким трудом приобретено, зато благодать: зимой семья благоденствует.

Мать усердно гоняла нас в лес: дикие яблоки для сушки возами свозились, мешками таскали орехи, которые припрятывались до Рождества. Было и у нас изобилие.

Отобедали и снова на улицу. Мать дала нам по десятку яиц на пряники, но сказала, чтобы я погуляла немного да и вернулась; нужно гусей на речку согнать, а то в закутке они

искричались.

Как, не хотелось с улицы идти, а вернулись домой, выпустили гусей из закутка и погнали под гору.

Под горой, не боясь, что нас кто увидит, стали мы с Машуткой плясать, подражая Татьяне и старшим сестрам. Я запела протяжную:

Дунай речка, Дунай быстрая,
Бережечки сносит.
Размолоденький солдатик
Полковника просит:
— Отпусти меня, полковник,
Из полку до дому.
— Рад бы я, рад бы отпустити,
Да ты не скоро будешь,
Ты напьешься воды холодной,
Про службу забудешь…

Пела я и прислушивалась к своему голосу. Мне очень хотелось, чтобы походил он на Татьянин.

А с горы на плотину съезжал в ту пору экипаж, в котором сидели соседнего помещика барыня и барышни. Поравнявшись с нами, они замахали платками, и в нашу сторону полетел большой кулек.

Коляска промчалась, а мы с Машуткой стали собирать как с неба упавшие гостинцы: каких только сластей не было в кульке».

Желание стать певицей привело Плевицкую в хор. Ее согласились посмотреть.

«Мне было стыдно: все разглядывали нас. Линкин дал аккорд, я взяла дрожащим голосом ноту.

— Смелей, смелей!

Я взяла смело.

— Ого, хорошо.

Мне дали написанные слова, а мотив я легко запомнила и пропела соло без ошибки.

На сцене репетировали какие-то танцы, и нас послали туда, к руководительнице. Ее также звали Надежда, по фамилии Астродамцева.

— Сделай так, — сказала Астродамцева и показала мне «па».

Я пробовала, но вышло что-то плохо: смутил меня «гопак». У нас в деревне эта фигура называется «через ножку», и девушки у нас никогда так не прыгают, они танцуют плавно, а прыгают через ножку только парни. Но меня заставляли пробовать именно «через ножку», которая тут называлась «па-де-бас».

Астродамцева покрикивала, чтобы я не держала руки перед носом, а отбрасывала их широко по сторонам «Ну хорошо, — подумала я, — отбрасывать — так отбрасывать» — и так размахнулась вправо, влево, что кругом засмеялись, а Астродамцева отскочила:

— Ну ты, деревня, чуть мне зубы не вышибла… Но толк из тебя, вижу, выйдет.

В хор я была принята. Нам положили восемнадцать рублей жалованья в месяц на всем готовом.

В хоре все певцы были женатыми, и делился хор на семейных, на учениц и хористок и на дам, располагавших собой, как им заблагорассудится. Семейные выносили всю тяжесть программы. Это были потомственные и почетные труженики эстрады, они выступали по несколько раз в вечер. Нас обучали для капеллы и держали в ежовых рукавицах: девчонок никуда не пускали самостоятельно по городу.

Я теперь вижу, что лукавая жизнь угораздила меня прыгать необычно: из деревни в монастырь, из монастыря в шантан. Но разве меня тянуло туда дурное? Когда шла в монастырь, желала правды чистой, по почуяла там, что совершенной чистоты правды нет. Душа взбунтовалась и кинулась прочь.

Балаган сверкнул внезапным блеском, и почуяла душа правду иную, высшую правду — красоту, пусть маленькую, неказистую, убогую, но для меня новую и невиданную.

Вот и шантан. Видела я там хорошее и дурное, бывало мутно и тяжко душе — ох как, — но «прыгать-то» было некуда. Дежка ведь не умела читать и писать, учиться не на что. А тут петь учили. И скажу еще, что простое наставление матери стало мне посохом, на который крепко я опиралась: «голосок» мне был нужен, да и «глазки» хотелось, чтобы тоже блестели…

Ф.Шаляпин называл Плевицкую «мой жаворонок»

Вспоминаю, как приехал в Царицын хор Славянского.

Я тогда ходила как потерянная, завороженная и, слушая его, стала гордиться, что и я русская. А сам Славянский казался мне славным богатырем из древних бывальщин, какие мне сказывали в детстве. Русская песня — простор русских небес, тоска степей, удаль ветра. Русская песня не знает рабства. Заставьте русскую душу излагать свои чувства по четвертям, тогда ей удержу нет. И нет такого музыканта, который мог бы записать музыку русской души; нотной бумаги, нотных знаков не хватит. Несметные сокровища там таятся — только ключ знать, чтобы отворить сокровищницу. «Ключ от песни недалешенько зарыт, в сердце русское пусть каждый постучит»…

После долгих колебаний согласилась я принять ангажемент в Москву. Директором «Яра» был тогда Судаков. Чинный и строгий купец, он требовал, чтобы артистки не выходили на сцену в большом декольте:

— К «Яру» московские купцы возят своих жен, и Боже сохрани, чтобы никакого неприличия не было.

Старый «Яр» имел свои обычаи, и нарушать их никому не полагалось. При первой встрече со мной Судаков раньше всего спросил, большое ли у меня декольте. Я успокоила почтенного

директора, что краснеть его не заставлю. Первый мой дебют был удачен. Не могу судить, заслуженно или не заслуженно, но успех был.

Москвичи меня полюбили, а я полюбила москвичей.

А сама Москва белокаменная, наша хлебосольная, румяная, ласковая боярыня кого не заворожит.

Кланяюсь тебе земно, издалека, матушка наша. Улыбнись мне прежней улыбкой и прости, что, может, мало тебя, родная, ценила.

На зиму я возобновила контракт к «Яру», а на осень, за большой гонорар, подписала контракт на Нижегородскую ярмарку. По программе я стояла последней и выступала в половине первого ночи.

В зале обычно шумели. Но когда на занавес выбрасывали аншлаг с моим именем, зал смолкал. И было странно мне, когда я выходила на сцену: предо мной стояли столы, за которыми вокруг бутылок теснились люди. Бутылок множество, и выпито, вероятно, не мало, а в зале такая страшная тишина.

Чего притихли? Ведь только что передо мной талантливая артистка, красавица, пела очень веселые, игривые песни, а в зале было шумно.

А я хочу петь совсем невеселую песню. И они про то знают и ждут. У зеркальных стен, опустив салфетки, стоят, не шевелясь, лакеи, а если кто шевельнется, все посмотрят, зашикают. Такое необычное внимание я не себе приписывала, а русской песне. Я только касалась тех тихих струн, которые у каждого человека так светло звучат, когда их тронешь.

Помню, как за первым столом, у самой сцены, сидел старый купец, борода в серебре, а с ним другой, помоложе. Когда я запела «Тихо тащится лошадка», старик смотрел-смотрел на меня и вдруг, точно осердясь, отвернулся. Молодой что-то ему зашептал, сконфузился.

Я подумала, что не нравится старому купцу моя песня, он пришел сюда веселиться, а слышит печаль.

Но купец повернул снова к сцене лицо, и я увидела, как по широкой бороде, по серебру, текут обильные слезы. Он за то рассердился, что не мог удержаться, на людях показал себя слабым.

Заканчивала я, помню, еще свой номер «Ухарь-купец». После слов «а девичью совесть вином залила» под бурный темп, махнув рукой, уходила я за кулисы в горестной пляске, и вдруг слышу из публики, среди рукоплесканий:

— Народная печальница плясать не смеет.

Видно, кто-то не понял моей пляски, а пляской-то я и

выражала русскую душу: вот плачет-надрывается русский, да вдруг как хватит кулаком, шапкой оземь да в пляс.

Когда я пела в ресторане Наумова, в нижегородском оперном театре гастролировал Собинов.

Как-то он пришел к Наумову ужинать. Во время моего выхода он, как видно, наблюдал публику, а потом зашел ко мне, познакомился и сказал:

— Заставить смолкнуть такую аудиторию может только талант. Вы талант.

Всякий поймет мое радостное волнение, когда я услышала из уст большого художника, которым гордилась Россия, такие лестные для себя слова.

Л Леонид Витальевич оказал мне и еще большую честь: он пригласил меня петь в своем концерте, который устраивал с благотворительной целью в оперном театре.

Распрощавшись со мной, Собинов ушел. Он и не знал, верно, тогда, что благодаря ему выросли у меня сильные крылья».

Надежде Плевицкой было предъявлено обвинение в «соучастии в похищении генерала Миллера и насилии над ним». Из здания судебной полиции на набережной Ор-февр ее отправили в женскую тюрьму Птит Рокетт.

Для начала следователь задавал ей самые простые вопросы:

— Как провели четверг? Что делали? С кем встречались? Видели ли мужа?

— Если бы я его увидела, — истерически восклицала Плевицкая, слезы навертывались у нее на глаза, — я бы вцепилась в него, не отпустила бы от себя, на эшафот вместе с ним пошла, что бы он ни сделал!.. Но я не нашла его. Не нашла моего Николая… Я знаю, генерал Миллер исчез, это несчастье… Но поймите, муж — мой муж! — бросил меня. Покинул!

— Где же вы были весь день? — спрашивал следователь. — Где его искали?

— Я сама не знаю. Я как безумная была… Ходила, брала такси, в Булонский лес, в Сен-Клу, сама не знаю куда. Я Парижа не знаю, улиц не помню. Всегда муж возил меня в автомобиле… В каждой машине мерещилось мне, не он ли? Галлюцинации какие-то были. Я даже думала, не у Миллера ли он…

На допрос был допущен представитель семьи генерала Миллера адвокат Рибе. Он спросил Плевицкую:

— Если вы думали, что ваш муж мог быть в доме генерала Миллера, почему же вы не поехали туда?

— Я по-французски не говорю, на какой улице была тогда, не знала… Ну как я могла знать, как туда ехать? А потом я боялась… Может быть, он не там…

— Почему вы не позвонили по телефону?

— Не умею говорить. Не могу. Вообще я растерялась…

На следствии и на суде Надежда Плевицкая по совету своих адвокатов утверждала, что на большевиков никогда не работала и не знала, чем занимался ее муж.

На один из допросов следователь пригласил жену генерала Миллера. Надежда Плевицкая была смущена ее присутствием и попросила следователя оставить их одних. Следователь согласился, надеясь, что беседа с давней подругой заставит Плевицкую дать правдивые показания.

Жена Миллера описала разговор с женой Скоблина следующим образом.

— При такой дружбе, какая была между нами, как вы могли, зная, что я потеряла мужа, не заехать ко мне, не позвонить? — спросила жена Миллера.

— Почему не заехала, не позвонила? Да это все равно, что спрашивать меня, почему я не бросилась в Сену, — Плевицкая зарыдала. — Вы же знаете, как я вас любила… и Евгения Карловича… Разве я могла это сделать?.. Разве мог Николай Владимирович?.. Да я 61.1 первая донесла… Вы верите мне?

Миллер молчала.

— Сделайте так, чтобы меня выпустили, — попросила Плевицкая.

Она еще не понимала, что ее ждет суд и очень суровый приговор.

— Что же вы намерены предпринять, если вас выпустят? — спросила Миллер.

— Я поеду в Россию, к мужу…

— Как вы там его найдете?

— Я знаю, как найти… У него там два брата.

— Даже если вы его найдете, вы ничего не узнаете. Потому что его расстреляют, если он что-то скажет. И вас заодно.

— Нет, он скажет. Я велю ему, и он ответит, а я дам вам знать, где находится Евгений Карлович.

— Это невозможно.

— Слушайте, — сказала Плевицкая, — если вы мне не доверяете, то пусть со мной пошлют инспектора.

Где же спрятался Скоблин?

Там, где ни полиции, ни контрразведке РОВС никогда бы не пришло в голову его искать. С первого этажа дома на улице Колизее, где находился штаб Российского общевоинского союза, Николай Скоблин поднялся на второй этаж, в квартиру бывшего министра Временного правительства, бывшего министра в

сибирском правительстве Колчака, видного в прошлом московского промышленника Сергея Николаевича Третьякова.

Бывший министр, обедневший и одинокий, к тому времени семь лет работал на советскую разведку.

По счастливой для Москвы случайности дом, который арендовал в Париже РОВС, принадлежал семье Третьякова. Правда, сам Третьяков из семьи ушел, но его уговорили вернуться.

В кабинете председателя РОВС советские разведчики ночью установили подслушивающее устройство, и несколько лет подряд бывший министр Сергей Третьяков каждодневно проводил несколько часов с карандашом в руках, надев наушники и записывая все, что ему удавалось услышать. Затем он составлял донесение и передавал его сотруднику парижской резидентуры советской разведки.

Третьяков и спрятал у себя Скоблина. Затем Скоблин, которому нужны были хотя бы какие-нибудь деньги, отправился к своему родственнику полковнику Воробьеву. Не застав его, пошел к своему однополчанину Кривошееву, владельцу книжного магазина.

Кривошеева тоже не оказалось дома, дверь открыла его жена. Скоблин попросил стакан воды и денег взаймы. Жена Кривошеева одолжила Скоблину двести франков. Теперь он бросился искать советских разведчиков, которые должны были вывезти разоблаченного генерала из Франции.

Николая Владимировича Скоблина вывезли в Испанию, где след генерала исчезает навсегда. В Испании шла гражданская война, и говорили, что он погиб при бомбардировке. В 5-м отделе ГУГБ НКВД были уверены, что от генерала избавились. Устранение организовал глава представительства НКВД в республиканской Испании Александр Орлов[1].

Новое руководство НКВД и разведки Скоблину больше не доверяло. Всех разведчиков, которые работали со Скоблиным, после похищения Миллера расстреляли как иностранных шпионов. Следовательно, считали в Москве, и сам Скоблин тоже работает на вражеские разведки.

Впрочем, те, кто решил судьбу Скоблина, вскоре последовали за ним в мир иной. Люди в разведке менялись с головокружительной быстротой.

Московские газеты буквально на следующий день сообщили своим читателям об исчезновении белогвардейского генерала Миллера и потом регулярно информировали о ходе поисков. Парижский корреспондент ТАСС охотно цитировал некоторые

французские газеты, которые писали, что «заставить исчезнуть генерала Миллера с тем, чтобы поставить во главе белой эмиграции более подходящего для Гитлера человека, несомненно, в интересах той части белой эмиграции, которая связана с фашистской Германией. Миллер не проявлял того рвения и горячности в отношении службы Гитлеру и генералу Франко, которых хотели бы от него некоторые из главарей РОВС. Некий генерал Т. (по-видимому, Туркул, добавлял корреспондент ТАСС) недавно отправился в Германию. По возвращении из Германии Т. имел встречу с Миллером. После этой встречи Миллер говорил некоторым из своих друзей, что он испытывает тревогу за свою дальнейшую судьбу».

Газета «Се суар» писала: «Все более вероятной представляется версия, что исчезновение Миллера и Скоблина связано с деятельностью германских гитлеровцев во Франции, в частности, внутри российской белогвардейщины».

Парижский корреспондент «Известий» 27 сентября, когда Плевицкую уже арестовали, процитировал «белоэмигранта Бурцева»:

«Генерал Скоблин — это новый Азеф. Я являюсь ярым врагом большевиков, но правда — прежде всего. СССР не имеет никакого отношения к этом делу. Похищение было совершено немцами. Правительственные круги Германии желали избавиться от генерала Миллера, который хотя и не был франкофилом, но все же был нейтральным. Что же касается Скоблина, то он находился в тесной связи с русскими белогвардейцами в Берлине и организовал отправку большого числа авантюристов на помощь генералу Франко».

Еще через день «Известия» сообщали: «Расследование установило, что Скоблин входил в организацию белогвардейских генералов, занимавшихся вербовкой бывших офицеров врангелевской и деникинских армий, проживавших во Франции, в Германии и на Балканах, для составления из них «русского добровольческого корпуса». Этот корпус должен был влиться в германскую армию «в соответствующий момент». Миллер, так же, как и Деникин, был якобы противником открытия в Париже вербовочных пунктов. Скоблину было, по-видимому, поручено его германским начальством ликвидировать Миллера, а затем Деникина».

30 сентября «Известия» посвятили исчезновению генералов целый подвал на второй полосе:

«Фашистские газеты объявили: «Генерал Миллер похищен представителем Советского Союза Скоблиным. Его погрузили на советский пароход и повезли в Ленинград». Действительно, как

могут обойтись жители Ленинграда без генерала Миллера? Все это-то ничего, да вот генерала нет… Второе, удешевленное, издание дела Кутепова состряпано. Газеты пишут о перстне, который «батюшка-царь пожаловал Плевицкой», о благородстве сына Кутепова, который учится в кадетском корпусе, о кознях злых большевиков. Французы в каждом старом бородатом человеке видят генерала Миллера. Новый модный спорт: охота на бородачей».

А Надежду Васильевну Плевицкую посадили на скамью подсудимых вместо ее мужа.

Французская полиция разрабатывала три версии: Миллер похищен агентами ОГПУ, агентами гестапо или агентами лидера испанских мятежников Франко. Первая версия с первого дня казалась наиболее перспективной, хотя были свидетели, утверждавшие, что Москва здесь ни при чем.

Защитники Плевицкой вызвали в качестве свидетеля бывшего офицера Добрармии, галлиполийца Савина, который утверждал, что похищение организовал Франко и его испанская агентура, но суд его показания в расчет не принял.

Следствие по делу Плевицкой продолжалось больше года. Суд начался в конце ноября 1938 года, когда председатель РОВС Евгений Миллер сидел во внутренней тюрьме НКВД в Москве, а мечтавшего занять его место Николая Скоблина уже не было в живых.

Адмирал Кедров, который остался в штабе РОВС за старшего, заявил:

— Скоблин привел генерала Миллера на свидание, толкнул в ворота виллы на бульваре Монморанси. Там генерала Миллера убили, уложили тело в ящик и увезли на советском пароходе в Россию.

Эмиграция обвиняла и французское правительство в позорном покровительстве большевикам.

Адвокат Рибе, нанятый РОВС, настаивал на вызове в суд министра внутренних дел Дормуа как свидетеля:

— Я утверждаю, что 23 сентября 1937 года, когда газеты сообщили об исчезновении генерала Миллера, советский полпред Потемкин был приглашен к председателю совета министров. Глава правительства посоветовал Потемкину предложить Москве передать по радио на коротких волнах приказ «Марии Ульяновой» немедленно вернуться во Францию.

Но некоторое время спустя министр внутренних дел Дормуа доложил главе правительства, что грузовик, на котором, как можно полагать, привезли Миллера, прибыл в Гавр слишком рано — в два часа дня, и, стало быть, этот след нельзя считать

серьезным. Правительство отказалось поэтому от мысли вернуть советский пароход с помощью миноносца.

Только к вечеру того дня выяснилось, что грузовик прибыл в Гавр не в два часа, а между тремя и четырьмя часами. Но тогда уже было поздно действовать. Почему это произошло? Из вполне достоверного источника мне известно: по выходе из кабинета главы правительства советский полпред Потемкин посетил своего друга Венсана Ориоля, министра юстиции. В результате этого визита Дормуа передал по телефону те сведения, о которых я говорил. Вот почему допрос господина Дормуа я считаю совершенно необходимым для выяснения дела.

Адвокат Рибе утверждал, что полиция фактически парализовала расследование дела о похищении генерала Миллера, чтобы не испортить отношения с Советским Союзом.

В частности, полицейский комиссар Шовино был уволен в отставку за его рапорты, указывавшие на участие советских агентов в похищении. Министерский начальник сказал комиссару Шовино: «Черт знает, какой рапорт вы написали! Так можно испортить наши отношения с советским полпредством. Министр вне себя от гнева».

— В полиции работают люди сообразительные, — говорил на суде адвокат Рибе. — Они понимают волю министра с полуслова. Иначе невозможно объяснить непростительные промахи, совершенные полицией при расследовании этого дела.

Начальник полиции Монданель возражал:

— Я решительно отвергаю подозрения в том, будто полиция руководствуется какими-либо посторонними соображениями. Наша задача раскрывать преступления, кто бы их не совершал. В дни похищения генерала Миллера я был занят другим сенсационным преступлением — убийством бывшего агента советской разведки Игнатия Рейсса, который пытался расстаться с Москвой. В течение нескольких дней мы разыскали сообщников и арестовали Лидию Грозовскую, не останавливаясь перед тем, что она занимала должность секретаря в советском торгпредстве в Париже.

После речи прокурора к присяжным обратился еще один нанятый эмиграцией адвокат — Стрельников:

— Я хочу напомнить вам, что русская эмиграция во Франции представляет собой остатки союзной армии, нашедшие убежище на союзной территории. Я хотел бы, чтобы, когда вы останетесь в совещательной комнате, чтобы вынести ваш вердикт, вы не забыли, что вы должны дать понять вашим вердиктом исполнителям и вдохновителям этого преступления, что оно не останется безнаказанным, так как справедливость и равенство

всегда существовали во Франции, и что подобные преступления не могут совершаться безнаказанно.

Надежда Плевицкая

Оглашение обвинительного заключения по делу Плевицкой заняло немало времени. Следствие пришло к следующим выводам:

«Скоблин на французской территории совместно с сообщниками, оставшимися неразысканными, совершил 22 сентября 1937 года покушение на личную свободу генерала Миллера, учинил грубое насилие над генералом Миллером; сделал это с заранее обдуманным намерением; воспользовался для своих целей завлечением генерала Миллера в западню.

Надежда Винникова, по сцене Плевицкая, а по мужу Скоблина, на французской территории 22 сентября 1937 года и в последующие дни проявила себя участницей названных выше преступлений, совершенных Скоблиным и его неизвестными

сообщниками, оказав им сознательную помощь в подготовке, облегчении и осуществлении задуманного дела.

Дознание выявило следующие обстоятельства.

22 сентября около 12 часов 15 минут генерал Миллер покинул свой кабинет на улице Колизее, сообщив начальнику канцелярии генералу П.Л.Кусонскому, что уходит на свидание, назначенное в 12 часов 30 минут, и не вернется к завтраку; перед уходом он вручил генералу Кусонскому запечатанный конверт, сказав: «Не думайте, будто я сошел с ума, но на этот раз оставляю вам этот конверт, который прошу вскрыть только в том случае, если вы меня больше не увидите».

В половине одиннадцатого вечера генерал Кусонский вскрыл конверт и нашел в нем записку. В полночь Кусонский послал за Скоблиным. На вопрос, не знает ли он, куда исчез генерал Миллер, Скоблин ответил, что не видел его в течение всего дня. Тогда ему предъявили записку, оставленную Миллером. Скоблин смутился и, улучив момент, когда собеседники удалились в другую комнату, чтобы обсудить положение, — бежал.

Кусонскому ночью 22 сентября Скоблин сказал, что в день исчезновения генерала Миллера он был вместе с женой между четвертью первого и половиной четвертого дня. Жена Скоблина, со своей стороны, подтвердила его алиби. Она уверяла, будто завтракала с мужем в ресторане Сердечного около четверти первого, а затем в сопровождении Скоблина посетила модный дом «Каролина» на авеню Виктора Гюго и съездила на Северный вокзал, чтобы вместе с мужем, командиром корниловского полка, проводить госпожу Корнилову-Шапрон, дочь генерала Лавра Георгиевича Корнилова.

Дознание установило, что супруги Скоблины действительно завтракали в ресторане Сердечного, но покинули ресторан в двадцать минут двенадцатого. Жена Скоблина одна явилась в модный дом «Каролина» примерно без четверти двенадцать и ушла оттуда тоже одна примерно без десяти два.

Хозяин «Каролины» господин Эпштейн показал:

— Мадам Плевицкая заказала два платья стоимостью в 2700 франков и заплатила вперед 900 франков. Она провела у нас почти два часа до без двадцати два! Уходя, спросила, который час. Несколько раз напоминала нам, что муж с машиной ждет ее на улице, но сама не спешила. Когда я предложил пригласить генерала к нам в салон, она ответила уклончиво. Я несколько раз посмотрел в окно, но не увидел ни ее мужа, ни автомобиля.

Это приводит дознание к заключению, что похищение генерала Миллера произошло во время пребывания Плевицкой в магазине. Настойчивость, с которой жена Скоблина убеждала

хозяина магазина, будто муж ждет ее на улице, ее отказ предложить ему подождать в магазине, ложь, при помощи которой она объяснила на перроне Северного вокзала опоздание мужа, свидетельствуют, что между супругами существовал сговор, предшествовавший преступлению.

Следует добавить, что будучи на семь лет старше мужа, Скоблина-Плевицкая, по общему отзыву, имела огромное влияние на него. Она была в курсе всех действий мужа, принимала деятельное участие во всех его начинаниях, получала на свое имя шифрованные письма и документы политического значения, причем в некоторых документах указывалось даже, что содержание их не должно сообщаться мужу. Некоторые свидетели прямо называют ее злым гением Скоблина.

Экспертиза домашних счетов супругов Скоблиных показала, что они жили значительно шире своих средств, что должны были существовать другие, скрытые ими, тайные доходы…»

Генерала Кусонского, начальника канцелярии РОВС, председатель суда отчитал:

— Вы совершили две тяжелые ошибки. Вскрыли письмо слишком поздно. А затем, вместо того, чтобы сразу предупредить полицию, начали допрашивать Скоблина, вступили в разговоры с адмиралом Кедровым и в конце концов выпустили Скоблина.

Готовясь к ответу, генерал Кусонский стал улыбаться. Председатель пришел в ярость:

— Вы улыбаетесь, господин Кусонский? По-моему, это не смешно. Если бы вы не мешкали, Скоблин сидел бы сегодня на скамье подсудимых рядом с Плевицкой.

Защитник Плевицкой адвокат Максимилиан Максимилианович Филоненко просил присяжных обратить внимание на слова жены генерала Миллера о том, что ее «муж никогда не посвящал ее в свои дела».

Адвокат пытался посеять сомнения в достоверности письма, которое оставил в штабе РОВС Миллер, отправляясь на встречу с немцами, организованную Скоблиным.

Плевицкая утверждала, что не знала, зачем ее мужа вызвали той ночью в РОВС. Она не слышала, как полковник Мацылев говорил Скоблину через дверь, что генерал Миллер исчез, а сам Скоблин, уходя, ничего ей не сказал.

Следователь спрашивал ее:

— Но когда полковник Мацылев вернулся без вашего мужа, почему у вас возникла мысль, что его в чем-то заподозрили? Разве вы не говорили того, что, заподозренный, ваш муж мог не снести

оскорбления, покончить с собой?

Плевицкая отрекалась от своих слов:

— Нет, я этого не говорила! Я не думала, что моего мужа могли в чем-то подозревать.

— Когда вы узнали об исчезновении генерала Миллера?

— Узнала от полковника Мацылева тогда, когда он приехал ночью спрашивать, не вернулся ли Николай Владимирович.

— Вспомните точно, что вы тогда сказали. Какими были ваши первые слова?

— Ну, как я могу вспомнить?.. Я страшно испугалась, начала спрашивать: «Где мой муж? Что вы сделали с ним?» Потом, когда полковник Мацылев сказал, что с ним приехали адмирал Кедров и генерал Кусонский и они ждут на улице, я высунулась в окно и крикнула, что Николай Владимирович, может быть, у Миллера или в Галлиполийском собрании. А они мне сказали: «Когда Николай Владимирович вернется, пришлите его в полицейский комиссариат. Мы все сейчас туда едем».

— Считаете ли вы вашего мужа виновным в похищении генерала Миллера? — спрашивал следователь.

— Не знаю… Раз он мог бросить меня, значит, правда, случилось что-то невероятное. Я не могу допустить, что он виноват, считала его порядочным, честным человеком. Нет, невозможно допустить… Но записка генерала Миллера и то, что он меня бросил, — против него.

— Умоляем вас, скажите правду!

— Не знаю. Я правду говорю. Я ничего, ровно ничего не знала.

Надежда Плевицкая была обречена. Приговор был жестоким — двадцать лет каторжных работ. И прокурор еще сказал, что сожалеет, что по закону не может требовать для Плевицкой большего наказания. С учетом ее возраста — ей было 54 года — это означало пожизненное заключение. Фактически на ней отыгрались за Скоблина.

Кассационный суд отказал в пересмотре дела. Президент Франции отказался ее помиловать. Владимир Бурцев по сему поводу радостно написал: «Пусть гниет в тюрьме!»

Бурцев считал, что Плевицкая чуть ли не с детских лет была советским агентом и что это она втянула в эту работу мужа. Многим эмигрантам казалось, что не мягкий и влюбленный в жену Николай Скоблин, а властная Плевицкая, которая была старше мужа на семь лет, наладила связи с Москвой.

Эмиграция легко забыла о том, что совсем недавно Плевицкая была кумиром русских людей, оказавшихся на чужбине. И одна эмигрантская газета писала: «Песни Плевицкой

для национального самосознания и чувства дают в тысячу раз больше, чем все гунявые голоса всех гунявых националистов, взятых вместе».

И только княгиня Лидия Леонидовна Васильчикова рассказывала знакомым о том, как во время первой мировой войны, когда она работала в госпитале в Ковно, приехала знаменитая Плевицкая. Певица стала сиделкой, давала концерты раненым, поражала всех трудолюбием. Об императоре говорила: «Мой хозяин и батюшка».

Да еще директор банка, в котором Скоблин и Плевицкая держали свои деньги, высоко отозвался о своих клиентах:

— Они боготворили царскую семью. Более убежденных и, как я уверен, более искренних монархистов трудно встретить. Поэтому для меня возможность работы Скоблиных для большевиков представляется совершенно невероятной. Скоблины чувствовали слабость к Германии. Неоднократно генерал Скоблин говорил, что рано или поздно Гитлер спасет Россию.

Председатель суда Дельгорж в своем заключительном слове ясно объяснил присяжным заседателям, кого они должны считать виновными. Эмигранты, не имевшие возможности побывать в заде суда, прочитали речь судьи в книжке Бурцева:

— Советский пароход «Мария Ульянова» находился в Гавре с 19 по 22 сентября и в этот день неожиданно в 20 часов 45 минут снялся с якоря.

В тот день около 5 часов дня к борту советского парохода прибыл грузовик, принадлежащий советскому полпредству. Прежде чем таможенники смогли вмешаться, — как это требуется правилами, — матросы вытащили из грузовика большой ящик. Было видно, что ящик очень тяжел.

После того, как ящик был погружен на борт парохода, при первой же возможности он снялся и отошел от набережной.

Из Гавра в Ленинград наиболее короткий путь проходит через Кильский канал. Но на сей раз пароход прошел, огибая Данию. Он избежал прохода через территориальные немецкие воды, и есть основания полагать, что таким образом он хотел избегнуть возможного на его борту обыска.

Кроме того, «Мария Ульянова», выгрузившая груз кож, должна была погрузить советский самолет, на котором советские летчики перелетели в Америку. Но она его не погрузила.

Известно также, что капитан парохода получил утром 22 сентября радио на коротких волнах быть готовым к отплытию. Немедленно по получении этого радио капитан парохода, которого, кстати, нет больше на пароходе, имя которого

неизвестно и которого, несмотря на все старания судебного следователя, ему не удалось допросить, сделал все необходимое для отхода.

Портовый маклер, удивленный столь неожиданным отходом, телефонировал в Париж представителю владельца парохода. Тот перезвонил в Ленинград арматору и услышал категорическое: «Капитан получил приказания. Он должен их выполнить безоговорочно».

Портовый маклер не мог настаивать и отправился к пароходу только для того, чтобы присутствовать при его отходе. Это и есть тот свидетель, который видел прибытие грузовика и выгрузку таинственного ящика.

Господа присяжные! Я должен дать вам еще одно пояснение по этому поводу.

Этот же самый грузовик видели за семь дней до похищения на бульваре Монморанси в пятидесяти метрах от метро «Жасмен», где несчастный генерал Миллер имел свидание. Этот грузовик, по показаниям свидетелей, стоял в час дня перед особняком, который был нанят Потемкиным, советским полпредом в Париже».

У Надежды Плевицкой не было никаких шансов на оправдание. Вот что писал эмигрантский журнал «Русские записки» в конце 1939 года:

«Судоговорение в процессе Плевицкой и закончивший его неожиданно суровый приговор выросли в большое событие в жизни русской эмиграции. Обозревателю приходится на нем остановиться — не только в связи с судьбой, постигшей подсудимую, и со степенью ее ответственности, сколько в связи с тем, что было названо «климатом» зала суда.

Впечатление присутствовавших на процессе — о личности подсудимой по временам как бы вовсе забывали. Находись на скамье подсудимых сам Скоблин, его жена могла бы сойти на роль свидетельницы — или, в худшем случае, соучастницы; самая возможность предания ее суду — а на суде возможность ее обвинения — подвергалась сомнению и была предметом оживленных споров.

Судили, в сущности, тех, кто стоял за Плевицкой, — и шансы осуждения довольно равномерно распределились между двумя противоположными направлениями. Выбор был поставлен резко обеими сторонами: советская власть или русская эмиграция?

Роль парижских агентов советской власти, особенно после буквального повторения трагедии с генералом Кутеповым, представлялась как бы априори — бесспорной не только для русской эмиграции в целом, у которой нет другого мнения.

Но в пользу этого предположения говорили объективные факты, представшие в ярком освещении перед присяжными. Во-первых, — бегство Скоблина в связи с запиской, оставленной генералом Миллером, подлинность которой так неудачно оспаривала противная сторона. Не менее трудно было оспаривать искусственность алиби, которое пыталась отстоять для своего мужа Плевицкая: тут на нее легла главная тень.

Плевицкая платила тут за тех, кто, по тем или иным причинам, остался вне пределов досягаемости суда. И защита Плевицкой оказалась делом чрезвычайно трудным. Принуждены же были ведь и защитники признать допустимость гипотезы о советской причастности к делу — лишив себя тем самым возможности защищать сколько-нибудь ясно и убедительно противоположную позицию.

Но Плевицкая пострадала и за другое обстоятельство — к удивлению, особенно подчеркнутое той же защитой. Она была «иностранка», на нее пала ответственность за преступление, совершенное при участии эмигранта во Франции, — и преступление не первое.

— Надо положить этому конец, — внушал присяжным прокурор.

Для него это было яснее, чем всякие другие гипотезы относительно виновников преступления. Надо показать пример!

Надо, к сожалению, признать, что и неудачная позиция, выбранная защитой, и самый состав вызванных свидетелей давали присяжным обильные иллюстрации этого тезиса. Достоинство эмиграции было поддержано частью этих свидетелей, но, увы, далеко не всеми».

Надежда Плевицкая возбудила против себя ненависть почти всего эмигрантского Парижа. Вот что записывала в свой дневник Нина Берберова:

«И вот я сижу в этом зале и слушаю вранье Надежды Плевицкой, жены генерала Скоблина, похитившего председателя Общевоинского союза генерала Миллера. Она одета монашкой, она подпирает щеку кулаком и объясняет переводчику, что «охти мне, трудненько нонче да заприпомнить, что-то говорили об этом деле, только где уж мне, бабе, было понять-то их, образованных грамотеев».

На самом деле она вполне сносно говорит по-французски, но она играет роль, и адвокат ее тоже играет роль, когда старается вызволить ее… А где же сам Скоблин? Говорят, он давно расстрелян в России. И от этого ужас и скука, как два камня, ложатся на меня.

Через десять лет после смерти Плевицкой в тюрьме Рокетт ее

адвокат скажет мне, что она вызвала его перед смертью в тюрьму и призналась ему *во всем,* то есть что она в похищении Миллера была соучастницей мужа…

В перерыве бегу вниз, в кафе… Репортер коммунистической газеты уверяет двух молодых адвокаток, что генерала Миллера вообще никто не похищал, что он просто сбежал от старой жены с молодой любовницей. Старый русский журналист повторяет в десятый раз:

— Во что она превратилась, Боже мой! Я помню ее в кокошнике, в сарафане, с бусами… Чаровница!.. «Как полосыньку я жала, золоты снопы вязала…»

Собравшиеся в зале эмигранты увидели похудевшую, бледную, с выступающими скулами, с запавшими щеками, всю в черном женщину. Ее темные волосы были туго стянуты черной повязкой, на руках черные перчатки. Поникшая поза, размеренные жесты.

На допросах она теряла самообладание. Участники процесса с чувством презрения и сочувствия одновременно смотрели на то умоляющую, то кидающуюся из стороны в сторону, растрепанную, кричащую, рыдающую, обезумевшую от страха женщину.

Сидевшие в зале считали, что Плевицкая избегает или не смеет смотреть на толпу русских людей, потому что чувствует их враждебность — и свое одиночество. Все против одной. Одна — против всех…

В зале присутствовали генерал Деникин, Владимир Бурцев, бывший советник советского полпредства в Париже Григорий Беседовский. Писатель Марк Алданов занял место среди судебных хроникеров. Бывший министр юстиции Временного правительства П.Н. Переверзев сидел среди почетных гостей.

Переверзев был среди тех немногих, кто полагал, что в деле есть только косвенные улики, подкрепляющие обвинение против Плевицкой; это даже и не улики, а, скорее, предположения, и предположения сомнительные, которые нельзя толковать непременно во вред обвиняемой.

Два раза Плевицкая улыбнулась — фотографам и знакомой даме, которая заботилась о ней в тюрьме. Два раза заплакала, когда говорили о Скоблине, о том, что он бросил ее на произвол судьбы.

Председатель суда назвал ее женщиной умной, руководившей деятельности) мужа. Плевицкая ответила:

— Спасибо, что он меня в министры произвел. Глупой я никогда не была, но и министром тоже. Я такая, какая есть!

Был момент, когда она не на шутку обиделась. Председатель напомнил, что в Орле, когда в город вошли белые, еще висели

афиши, оповещавшие о концерте «красной матушки» Плевицкой.

— Я тогда была еще слишком молода, чтобы меня «матушкой» величали, — ответила она.

Плевицкая быстро уставала и слушала невнимательно. Подружилась с двумя жандармами, которые сидели за ее спиной. В перерыве жандармы приносили ей из буфета бутерброды и вино.

Адвокат Рибе произнес пылкую и злую речь. Он обвинил Плевицкую во лжи и назвал ее соучастницей варварского преступления:

— С 1927 года супруги Скоблины стали советскими агентами, получая за предательство свои тридцать сребреников. Может быть, и больше. Плевицкая сознательно участвовала в шпионской деятельности Скоблина и даже руководила им.

— Вот, господа присяжные, моральный портрет этой женщины с глазами, временами полными слез, сознающей ужасную ответственность, играющей комедию простодушной наивности и старающейся отвечать с непонимающим видом на все неприятные вопросы: «Я ничего не знаю!» — Сегодня нужно уже платить! Плевицкая! — театрально обратился к ней адвокат. — Есть еще время сказать правду. Что вы сделали с генералом Миллером? Не видите ли вы и его, как генерала Кутепова, живым в ваших снах? Говорите!

Плевицкая молчала.

— Как тягостно это молчание! — произнес адвокат.

Адвокат Рибе ошибался. Супруги Скоблины не участвовали в похищении Кутепова, потому что стали работать на советскую разведку больше чем через полгода после его похищения. Но в зале не было никого, кто мог бы поправить адвоката. Впрочем, если бы такое уточнение и было бы сделано, это едва ли смягчило бы сердца присяжных.

Адвокат Рибе превзошел себя:

— Будем уважать страдания русских эмигрантов, восхищаться их верой, их идеалами. И все это предала эта женщина! Над всем этим она надсмеялась! И если мы должны сдерживать наш гнев, мы можем выразить ей все наше презрение, ибо это предательство, платное предательство. Соучастница преступления, предавшая дружбу, в момент похищения и убийства она занималась подбором новых нарядов для себя… Судите ее, господа присяжные, без ненависти, конечно, но и без пощады. Да совершится французское правосудие!

14 декабря, в последний день процесса судья поставил перед

присяжными семь вопросов:

— Был ли 22 сентября 1937 года на французской территории похищен и лишен свободы человек?

— Длилось ли лишение свободы больше одного месяца?

— Была ли Плевицкая сообщницей в этом преступлении?

— Было ли совершено 22 сентября 1937 года на французской территории насилие над генералом Миллером?

— Если было, то не с обдуманным ли заранее намерением?

— Если было, то не с завлечением ли в западню?

— Была ли Плевицкая сообщницей преступников?

Когда присяжные закончили совещание, старшина присяжных, положив руку на сердце, ответил «да» на все вопросы, поставленные судом.

Французские присяжные склонны выносить мягкие приговоры женщинам, которые действовали под влиянием мужей. Но в деле Плевицкой присяжные не нашли для нее смягчающих обстоятельств.

Приговор был оглашен в тот же день: 20 лет каторжных работ, еще 10 лет после этого осужденной запрещается ступать на землю Франции. Прокурор в обращении к присяжным сказал:

— Суд предостерегает этим приговором иностранцев, совершающих преступление на французской земле.

Ровно за неделю до вынесения приговора Надежде Васильевне Плевицкой в Москве был вынесен негласный приговор человеку, который решил ее судьбу.

7 декабря 1938 года народный комиссар внутренних дел, генеральный комиссар государственной безопасности Николай Иванович Ежов перестал быть наркомом. Арестуют его только через четыре месяца, но он уже был обречен. Умрут они с Плевицкой в один год.

Генерал Миллер был расстрелян во внутренней тюрьме Главного управления государственной безопасности НКВД в мае 1939 года. Он содержался в тюрьме под чужим именем и под этим же именем был приговорен к смерти.

А бывший штабс-капитан Петр Георгиевич Ковальский, который завербовал Скоблина и Плевицкую, был расстрелян еще в 1937 году. Сменив несколько мест работы, он устроился старшим бухгалтером конторы «Главхлеб» в Ворошиловграде, где и был арестован управлением государственной безопасности Управления НКВД по Донецкой области.

В обвинительном заключении говорилось: «Из дела-формуляра Ковальского видно, что Ковальский при использовании по линии ИНО имеет ряд фактов, подозрительных

в проведении им разведывательной работы в пользу Польши». Этого подозрения оказалось достаточно.

Следователь областного управления, подписавший ему смертный приговор, и не подумал справиться относительно Ковальского в Главном управлении госбезопасности НКВД в Москве. Поэтому о том, что Ковальского провинциальные чекисты сочли польским шпионом, и о расстреле своего секретного сотрудника в разведке ничего не знали. И московские разведчики еще два года тщетно искали его по всей стране, потому что опять понадобились опытные агенты-вербовщики.

Надежда Васильевна Плевицкая умерла во французской каторжной тюрьме в 1940 году. Она вошла в историю не благодаря ее божественному дару, а из-за того, что во второй раз вышла замуж за поразившего ее воображение молодого офицера Николая Владимировича Скоблина.

Узнав о ее смерти, парижская резидентура советской разведки равнодушно передала в центр последнее сообщение о своем агенте по кличке «Фермерша»:

«Перед смертью ее исповедовал православный священник. Есть основания полагать, что исповедь, в которой она все рассказала, была записана французской контрразведкой с помощью скрытых микрофонов».

Танец с генералом

Когда ее посадят на скамью подсудимых и обвинители расскажут подлинную историю ее жизни, она будет часто вспоминать о том, как все это началось. На суде рядом с ней посадят человека, которого она преданно любила двадцать лет. Можно даже сказать, что все эти двадцать лет она жила только ради этой любви. И на скамью подсудимых она тоже попала из-за него.

У них был совершенно необычный роман. Виделись они очень редко. Обычно раз в году, когда им предоставлялась возможность провести вместе отпуск. Причем им приходилось выбирать укромные места, чтобы никто не увидел их вместе. Пожалуй, только на скамье подсудимых им уже не надо было ни от кого таиться. Наконец-то они были вместе…

Наверное, все началось с той минуты, когда она оказалась у юного анархиста Юргена, который хотел приобщить ее к революционной деятельности.

Это было много лет назад. Трое ребят стояли на пустыре возле полуразрушенной каменной стены, исписанной революционными лозунгами, и возились с бутылкой из-под красного вина. Они залили в нее какую-то жидкость и засунули фитиль. Габриэле хотела подойти поближе, но Юрген ее удержал.

— Это опасно. Стой на месте, — приказал он.

Его глаза горели. Он рвался к ребятам, но не мог оставить Габриэле, которую сам же привел сюда.

— А что это за бутылка? — наивно спросила Габриэле, страдавшая близорукостью.

— «Молотов-коктейль»! Бутылка с зажигательной смесью! Оружие русских партизан, — радостно сообщил ей Юрген. — Мы уже устроили один раз учебные стрельбы, а теперь учимся бросать бутылки с зажигательной смесью.

— Зачем вам это? — удивилась Габриэле.

Юрген не успел ответить. Двое ребят отбежали. Один остался с бутылкой в руке. Он щелкнул зажигалкой, и фитиль задымился. Юноша тут же бросил бутылку. Он боялся, что сам себя подожжет или что бутылка взорвется у него в руках, поэтому у него ничего не получилось. Он бросил бутылку слишком рано. Бутылка, ударившись о стенку, раскололась, но взрыва не последовало.

Габриэле училась в Высшей технической школе в городе Аахене. Политологию преподавал профессор Клаус Менерт, самый известный западногерманский специалист по Советскому Союзу и социалистическим странам. Он был главным редактором

журнала «Восточная Европа» и одним из руководителей Немецкого общества по изучению Восточной Европы. Профессора часто приглашали выступить по телевидению, и его лицо было знакомо всем западным немцам.

Большая часть его студентов с удовольствием проводила время на демонстрациях и митингах: протесты против войны во Вьетнаме, против присутствия американских войск на территории ФРГ и против западногерманского милитаризма. Молодые немки быстро эмансипировались, политически и профессионально.

С занятий новую студентку иногда провожал Юрген, который был на два курса ее старше. Убежденный анархист, он настойчиво приглашал ее присоединиться к передовой молодежи, звал на демонстрацию против «грязной войны» во Вьетнаме.

— Как ты относишься к марксизму-ленинизму? — спросил он Габриэле, когда они ушли с пустыря, оставив там неразорвавшуюся бутылку с зажигательной смесью.

Двое приятелей Юргена, огорченные неудачей, сразу же исчезли.

— У Маркса есть интересные работы, — ответила она, — а Ленин, по-моему, никакой не ученый, он просто политик, практик.

— Нам как раз и нужны такие практики, — горячо отозвался Юрген. — Я начал интересоваться марксизмом-ленинизмом, потому что воспринял войну во Вьетнаме как схватку империализма, с одной стороны, и социализма, с другой. И соединил это с вопросом о добре и зле. Социализм воплощает для меня добро, а империализм — зло.

Юрген говорил резким и громким голосом, словно выступал на митинге. Габриэле молча слушала, изредка поглядывая на его лицо, покрывшееся румянцем от возбуждения.

— Ты входишь в какую-нибудь группу? — поинтересовалась она.

— Первоначально я был одиночкой. В школе я увидел, что в группах много говорится, но мало делается. Группы часто идут на компромиссы, то есть уклоняются от цели.

— А теперь?

Юрген оглянулся и заговорил очень тихо.

— Я ищу единомышленников, людей, готовых не только говорить, но и действовать.

Габриэле переспросила:

— Что ты имеешь в виду под действием?

— Бороться против империалистического государства с оружием в руках. *Я* рассматриваю ФРГ как империалистическое государство, чье благосостояние покоится на разграблении стран

третьего мира. Не только государственные структуры в моих глазах совершают преступление, но и население, принимающее это богатство как должное. Западногерманское общество я считаю безнравственным.

— И ты намерен устроить революцию? — Габриэле не скрывала иронии.

— Я смотрю на себя как на моралиста и как моралист пришел к необходимости насилия. Я ненавижу ФРГ и ненавижу людей, которые олицетворяют это общество, мирятся с ним.

— Я тоже живу в этом обществе, — Габриэле пожала плечами. — Значит, по-твоему, я тоже совершаю какое-то преступление?

— Ты не противишься совершению преступлений! — прервал ее Юрген. — В этом твоя вина, и ты должна ее искупить.

— Каким же путем, интересно узнать?

— Я решил, что это государство нужно разрушить. Насилием.

— Ты готов к насилию? — недоверчиво посмотрела на него Габриэле.

— Моя цель — общество, в котором не будет войн, нищеты, а будет равенство и справедливость. Ради такой цели можно и убить.

Тут Юрген вновь принялся убеждать Габриэле присоединиться к нему и к его друзьям.

— Мы сейчас занимаемся прекрасным делом — политическим образованием молодых рабочих. Понимаешь, они только что закончили службу в бундесвере, в голове у них страшная каша. Мы их решили подучить. Начали с текстов Мао Цзэдуна и Линь Бяо. Все как в школе, с лекциями, с конспектами. Даем им домашние задания. Объясняем новые слова, которые они не понимают. Я читаю им книги об анархистах, и мы вместе обсуждаем Вьетнам, «Черных пантер».

Пока они гуляли, Юрген рассказал ей о себе: ранняя смерть матери, детский дом, безрадостная попытка найти себе место в новой семье отца-полицейского.

Отец постоянно бил его. За то, что вернулся после игры с ребятами с грязными руками, или за то, что вернулся слишком поздно, и почти ежедневно — за то, что ленив. Избивал кулаками, электрическим проводом, деревянной ложкой. Если оружие избиения ломалось, отец искал новое. Отец не выносил беспорядка и недисциплинированности. Юргену не давали есть, если он опаздывал к обеду на пять минут.

Однажды зимой Юрген провалился под лед. Прохожий, рискуя жизнью, вытащил его и привел домой. Вместо того, чтобы обрадоваться чудесному спасению сына, отец опять его избил.

Если отец заглядывал в его школьные тетради и видел ошибку, то прибегал к иному средству воспитания — запирал в комнате и заставлял переписывать одно и то же слово тысячу раз.

— И при этом отец строил весьма амбициозные планы в отношении меня. Представляешь себе, он хотел, чтобы я стал адвокатом или государственным чиновником, — рассказывал Юрген.

— Типичная мечта маленького человека в буржуазном обществе.

При полном отсутствии тепла, нежности и доверия от детей ждут карьеры.

В один прекрасный день Юрген просто ушел из дома.

Габриэле не знала, как ей отнестись к откровениям Юргена. Она выросла в благополучной семье. Мысль о карьере не вызывала в ней отвращения, хотя сама она еще не решила, кем ей хочется быть — домохозяйкой или самостоятельной деловой женщиной.

Отпустивший бороду Юрген чувствовал к Габриэле невероятное доверие. Возможно, он разоткровенничался впервые в жизни.

— Я был невероятно застенчивым подростком и страдал от первой неразделенной любви. Я мечтал изменить мир и вступил в студенческую коммуну, как раньше монахи вступали в орден.

Габриэле трудно было представить себе, как это люди живут все вместе в одной комнате, готовят на одной кухне, и у них все общее, ничего своего. Неужели и зубные щетки тоже общие, подумала она.

— Я жил в коммуне, которая не имела никакого отношения к политике, — Юрген продолжал рассказывать. — Жили совершенно беспорядочно, а чтобы решать проблемы, которые постоянно возникали, мы курили травку или отправлялись путешествовать. Я был так же далек от политики, как и провинциальный священник. Но мы уже ощущали себя членами одной группы: одинаковый вид, любовь к одной и той же музыке, одинаковые привычки, ключевые словечки и лозунги.

— А на что же вы жили? — спросила практичная Габриэле.

— Иногда работали, иногда занимались незаконными сделками. Продавали наркотики, — пояснил Юрген. — Когда возникали конфликты, мы хватались за сигареты с травкой.

— Травка — это марихуана? — переспросила Габриэле.

— Да. Травка здорово помогает, если все не ладится и у тебя плохое настроение.

Юрген чувствовал себя взрослым и опытным рядом с наивной

и ничего еще не знавшей Габриэле.

— А вообще мы пытаемся строить коллективную форму жизни для себя и для общества, которое будет брать пример с нашей коммуны, — Юрген добрался до вопроса, который его больше всего интересовал в отношениях с Габриэле. — Нам до смерти надоели парные отношения, когда один партнер рассматривает другого как частную собственность.

Правда, Юрген умолчал, что беспорядочная любовь заставляла коммунаров часто обращаться к врачам. А Габриэле была еще слишком наивна, чтобы сама об этом догадаться.

— Приходи к нам, — еще раз повторил Юрген, когда они остановились у дома, где Габриэле снимала комнату. — Мы встречаемся почти каждый день в пивном погребке в студенческом общежитии. Тебе нужно приобщиться к современной, самостоятельной жизни.

Габриэле не знала, как вести себя с Юргеном, и долго колебалась, идти ей или не идти в погребок. А спустя две-три недели она встретила Юргена на занятиях, которыми он обычно пренебрегал. Он совсем на себя не походил: сбрил бороду и надел белую рубашку, чего с ним раньше не случалось.

Юрген отвел Габриэле в сторону и рассказал, что с ним произошло.

В коммуне анархистов появился парень по имени Хорст, который признался, что он принадлежит к боевой революционной группе. Он спросил, кто готов помочь ему, и Юрген — под восхищенными взглядами остальных коммунаров — поднял руку.

— Когда тебя охватывают страх и неуверенность, надо их преодолеть, — объяснил Юрген. — Я понял, что должен действовать, чтобы перестать бояться.

Юргену поручили снять конспиративную квартиру и купить машину. Квартиру он подыскал в сравнительно удобном районе, подержанный «Ауди» купил задешево, но гараж по глупости снял за городом, поэтому им приходилось полчаса ехать на поезде, если требовалась машина. Впрочем, машину они в основном использовали как склад.

— Пистолету нас был один — «кольт», который использовался в качестве реквизита в городском театре и который переделали в боевое оружие, — рассказал Юрген. — С «кольтом» ходил Хорст, который был в розыске.

Однажды мы ехали в машине, когда по радио передали, что ограблен банк, продолжал Юрген. Вместо того, чтобы выйти из машины и ехать дальше на поезде, мы ехали дальше, пока не увидели, что дорога перекрыта и полиция проверяет документы.

— Хорст выхватил пистолет и собирался прорываться с боем.

Представляешь себе? — возбужденно говорил Юрген. — На я схватился за руль, и мы съехали на обочину. Я вышел из машины. Я испугался не только полиции, но и самого Хорста.

Юрген внимательно наблюдал за лицом Габриэле.

— Я ушел из группы, — добавил Юрген.

Габриэле, скорее, сожалела, что ее поклонник оказался столь робкого десятка, но она сочла своим долгом заметить, что Юрген, конечно же, был прав. Впрочем, по ее тону он понял, что ее интерес к нему иссяк.

Впредь Габриэле держалась в стороне от радикальных сокурсников. Она еще только вступила на новый путь, достойный современной немки, и, преодолевая себя, шла от образцовой домохозяйки к интеллектуальной женщине.

Друзья звали ее Габи. Она любила шить и вязать, хорошо готовила и некоторое время всерьез раздумывала над тем, не стать ли ей преподавательницей домоводства. Вечерами она читала Гельдерлина и Стефана Цвейга, играла на пианино Шуберта, Шумана и Шопена.

Профессору Менерту нравилась эта серьезная девушка, которая действительно интересовалась наукой. Ему нужны были помощники и единомышленники. Как и профессор, она придерживалась консервативных взглядов и вступила в Христианско-демократический союз.

Когда Габриэле заканчивала курс, профессор Менерт предложил ей неожиданную тему для докторской диссертации — «Политическая роль женщины в ГДР». Габриэле понравилось это предложение.

— У меня есть родственники в восточной зоне, — сказала она. — К Рождеству мои родители посылают им продуктовые посылки и зажигают свечи на подоконнике за братьев и сестер в советской оккупационной зоне. Родственники живут в Лейпциге. 51 могу поехать к ним.

— Не в восточной зоне, а в Германской Демократической Республике, — поправил ее Менерт. — Привыкайте относиться к ГДР не как к временному образованию, а как к государству, которое будет существовать очень долго.

Родственники быстро прислали приглашение, и в начале мая 1968 года Габриэле приехала в ГДР с чемоданом подарков. Встретили ее неплохо.

— Мы предоставим вам полную возможность побеседовать с нашими передовыми женщинами, и вы сами все увидите, — сказали ей в ректорате лейпцигского университета.

Обещание было выполнено. Она свободно ходила по книжным магазинам и скупала партийную литературу (в

основном переводы с русского) о роли женщины при социализме. И еще ее приглашали на встречи с женщинами — депутатами городского собрания и профсоюзными активистками.

Иногда посмотреть на аспирантку из Западной Германии приходили и посторонние люди. Габриэле обратила внимание на одного такого постоянного слушателя. Он всякий раз садился где-то в заднем ряду и внимательно следил за дискуссией, но сам никогда ничего не говорил и даже вопросов не задавал.

Коренастый, приземистый, очевидный любитель пива, с коротко стриженными русыми волосами, всегда в коричневом костюме, он заинтересовал Габриэле. Чисто по-женски она поняла, что этот человек приходит вовсе не ради политических дискуссий, а ради нее.

На следующий день после того, как Габриэле обратила внимание на таинственного поклонника, за ней утром без предупреждения заехали на машине из университета и, не дав толком собраться, увезли на внеочередное заседание кафедры общественных наук.

Едва Габриэле ушла, как ее двоюродному дяде позвонили из заводской поликлиники: ему срочно нужно было пройти обследование. Тете пришлось поехать на фабрику к секретарю парткома, а внуки задержались в школе на дополнительных занятиях.

Когда квартира опустела, шесть человек из восьмого отдела окружного управления госбезопасности вошли в квартиру. Прежде чем осмотреть шкафы с одеждой, полки и комоды, сыщики фиксировали положение каждой книги, каждого носового платка.

После обыска они должны были оставить все в таком же порядке. Больше всего их интересовали вещи, книги и документы Габриэле.

Ей было всего двадцать пять лет. Она носила модные темные очки, чтобы казаться старше и увереннее, но на самом деле у нее не было почти никакого опыта в любовных делах. Она боялась остаться старой девой, но почти смирилась с этой участью.

Появление в ее жизни неизвестного мужчины волновало Габриэле. Она стала посматривать на него и в какой-то момент вступила в беседу со своим скромным поклонником.

Разговаривая с ней, он мило смущался, и это окончательно расположило Габриэле к нему.

У него было приятное, симпатичное лицо. Он не был красавчиком из модного журнала, футбольной звездой. Зато он казался надежным человеком.

Они вместе вышли из центральной городской библиотеки, и

он вызвался ее проводить. По дороге он набрался храбрости и пригласил ее съездить на денек в Дрезден. Она охотно согласилась.

После экскурсии по городу они ужинали в ресторане «У черного оленя». Здесь кормили обильно, вкусно и, по западногерманским понятиям, очень дешево.

— Преимущества социализма, — в таких случаях неизменно повторяли ее родственники, и Габриэле не могла понять, шутят они или говорят всерьез.

Здесь в ресторане ее поклонник заказал себе к пиву стопку водки, и у него постепенно развязался язык. Он стал рассказывать о себе, и Габриэле обнаружила, что ей интересно все, что относится к этому человеку.

Он работал автомехаником, друзья называли его Карличеком, и Габриэле одобрила это имя. Карличек неплохо танцевал, о чем нельзя было заподозрить, судя по его фигуре. Они выпили советского шампанского и впервые поговорили откровенно. Габриэле почувствовала, что наконец-то встретила человека, с которым она может чувствовать себя легко и свободно.

Она нашла Карличека несколько старомодным. Он ничего себе не позволил ни в ресторане, ни после, даже не пытался поцеловать ее на прощание. Возможно, она бы простила ему эту вольность, но Габриэле оценила в нем солидность и основательность. Он так отличался от ее невоздержанных и несерьезных приятелей-студентов.

В тот день в дрезденском ресторане «У черного оленя» в компании друзей-адвокатов ужинал и негласный агент госбезопасности, носивший псевдоним «Черный».

Он видел Габриэле во время одной из встреч с женщинами из профсоюзного комитета, знал, что эта девушка приехала из ФРГ. После ужина агент проследил за ней и Карличеком и увидел, что они садятся в автобус, идущий в Лейпциг.

На следующее утро агент «Черный» написал рапорт своему офицеру в окружном управлении госбезопасности Дрездена. Офицер доложил начальству, что считает необходимым принять меры к поиску человека, который проводил время с гражданкой ФРГ и, вполне возможно, готовился стать агентом западногерманской разведки.

Окружное начальство воодушевилось, отправило запрос коллегам в Лейпциг. А потом дело внезапно увяло, офицеру сказали, чтобы он этим больше не занимался. Но в качестве поощрения начальник окружного управления к ближайшей годовщине провозглашения ГДР подписал ему разрешение на покупку нового телевизора в спецмагазине для центрального

аппарата министерства госбезопасности. По этому случаю офицер съездил в Берлин, где находился спецмагазин.

В свою очередь офицер помог бдительному агенту купить утепленную венгерскую куртку на зиму и обещал время от времени помогать деньгами. Сам офицер получал ежемесячно сто пятьдесят марок за каждого осведомителя.

К сожалению, общение с Карличеком оказалась недолгим. Габриэле пора было возвращаться в ФРГ. Но разлука не будет долгой, обещала Габриэле: вскоре она приедет опять, чтобы продолжить работу над диссертацией. Карличек был очень рад. Он не решился прийти на вокзал — ее провожали только родственники. Но накануне он подарил ей большой букет, и она отругала его за излишние траты, назвав транжиром.

Зато когда она вновь приехала в ГДР, Карличек встретил ее на вокзале. Он вел себя иначе, чем в прошлый раз. Видно было, что он набрался смелости. Он смотрел ей прямо в глаза и сразу же сообщил: он взял отпуск, чтобы побыть вместе с ней. И еще — у него есть однокомнатная квартирка на десятом этаже нового дома в Лейпциге, так что Габриэле может не стеснять родственников.

Придирчивым взглядом осмотрев комнату, Габриэле убедилась в том, что женская рука здесь незаметна. Она испытывала нежность к Карличеку, который и в самом деле ее ждал. Она почувствовала его стремление сделать ей приятное, понравиться ей. Она впервые в жизни почувствовала свою женскую силу.

Мысли о диссертации куда-то улетучились.

Все это время они провели вдвоем, и Габриэле даже не нашла времени навестить дядю и тетю.

Во время этой поездки она ненамного продвинулась в изучении женского вопроса в ГДР, зато эти дни она всегда будет вспоминать как самые прекрасные в ее жизни.

Она испытала необыкновенное чувство, когда они впервые поцеловались. Она никогда не была уверена в своей женской привлекательности. Он лишил ее сомнений. Она была желанна и привлекательна. Большего ей не требовалось.

Втайне Габриэле всегда боялась быть отвергнутой и думала, что не перенесет этого унижения. С Карличеком все было по-иному. Он желал ее, именно ее. Что-то новое и здоровое вошло в ее жизнь.

Когда пришло время возвращаться, они говорили только о том, что она должна приехать вновь. И она приехала. Правда, на этот раз она почувствовала что-то неладное.

Карличек, без сомнения, был счастлив ее видеть, но его что-

то тяготило. Наутро он решился ей признаться: у него крупные неприятности. Из-за нее.

— Почему? — Габриэле была изумлена.

Карличек долго мялся и, наконец, выговорил, что хочет познакомить ее с одним человеком, который после обеда появился в этой самой однокомнатной квартирке на десятом этаже. Это был высокий и стройный человек с ясным открытым взглядом и умением располагать к себе. Они сели обедать, и гость постепенно открыл Габриэле глаза на истинное положение дел. Для начала он представился сам: Эгон Шмидт, начальник разведывательного отдела окружного управления государственной безопасности ГДР.

Ее любимый Карличек был отнюдь не автомехаником, как он говорил, а офицером особого назначения, и служил он в госбезопасности. Правда, он занимался не оперативной работой, он — технарь, осваивал новую технику. Но тем не менее Габриэле объяснили, что ее любимый мужчина — офицер госбезопасности, и на него распространялись все ограничения относительно связей с иностранцами. Габриэле была ошеломлена.

— Так ты действительно работаешь в МГБ? — переспрашивала она вновь и вновь.

Карличек покорно кивал. На лице его застыла мученическая маска.

— Мог работа не имеет ни малейшего отношения к тебе. Я просто влюбился в тебя при первой же встрече. А теперь мы больше не сможем видеться.

— Но почему? — недоумевала наивная Габриэле.

Мужчины переглянулись. Карличек снисходительно объяснил:

— Мое начальство подозревает, что тебя подослала западногерманская разведка с целью завербовать меня.

Глаза Габриэле наполнились слезами.

— Но это же абсурд! Ты же знаешь, что я не имею никакого отношения к разведке. Скажи им об этом!

Седовласый гость успокаивающе положил ей руку на плечо.

— Карличек сделал все, что мог. Он все честно рассказал. Вам с ним очень повезло — он честный и порядочный парень. И я вам верю. Давайте подумаем о том, как заставить поверить всех остальных. Вы любите друг друга, и это главное. Я давно знаю Карличека, и мне больно видеть, как он переживает разлуку с вами. Если вы немного нам поможете, то я найду способ позволить вам не расставаться.

— Что же я должна сделать? — Габриэле никак не могла прийти в себя.

— Не беспокойтесь, выдавать секреты Федеративной республики мы вас не попросим.

— Да я их и не знаю, — развеселилась Габриэле.

— Просто для начала расскажите нам о себе максимально подробно, расскажите все-все, вплоть до вашей учебы у профессора Менерта. Только, пожалуйста, ничего не скрывайте.

Некоторое время Габриэле раздумывала. Ей не очень нравилась эта идея. Почему она должна им все это рассказывать? Что-то внутри нее сопротивлялось этому откровенничанию с сотрудниками разведки другого государства. Но Карличек сидел такой несчастный. И она решила, что ничего страшного в ее рассказе не будет. Все, что она могла им сообщить, у нее дома, в Федеративной Республике, известно каждому.

Когда она кивнула: «Пожалуйста, задавайте вопросы, я отвечу», гости вздохнули с облегчением.

Она рассказала им о своей жизни, о родителях, о профессоре Менерте и сокурсниках. Шмидт не задал ей ни одного сомнительного вопроса, который бы заставил ее заподозрить что-то неладное.

Прекрасно, — одобрительно кивнул гость на прощание. — Я вижу, что вы действительно любите Карличека, и постараюсь все устроить. Самое важное — дать вам возможность побыть вместе. Позвольте дать вам один дружеский совет. Лучше, если ваши родители пока ничего не будут знать о Карличеке. Боюсь, в Федеративной Республике у вас могут быть неприятности, если кто-то узнает, что вы любите офицера госбезопасности из так называемой ГДР…

Он засмеялся, и Габриэле тоже улыбнулась. Она принадлежала к тем западным немцам, которые не отрицали права ГДР на существование.

Через день Эгон Шмидт приехал вновь в их маленькую квартирку на десятом этаже нового дома и предложил Габриэле перебраться вместе с Карличеком в гостиницу окружного управления госбезопасности.

— Это тихое местечко, постояльцев там всегда мало. В гостинице вас никто не увидит. Вы сможете быть вместе столько, сколько захотите, — объяснил Эгон Шмидт.

Шмидту было чуть больше пятидесяти. Он был седовлас, строен, хорошо одет и по родному городу ездил не на советской «Волге», как его коллеги по управлению, а на «БМВ». Ему это было разрешено — разведчики находились на привилегированном положении.

Начальник разведотдела начинал свою карьеру рядовым оперативным работником в Западном Берлине. Он свел

знакомство с администратором крупного кинотеатра, щедро угощал его русской водкой, и тот разрешал ему брать на ночь копии всех новых фильмов. Администратор полагал, что его друг показывает фильмы своим многочисленным подружкам в большой холостяцкой квартире, в которой и сам несколько раз неплохо провел время.

На самом деле Эгон Шмидт, получив новую ленту, мчался в Восточный Берлин, где в лаборатории МГБ с этих фильмов ночью снимались копии для министра госбезопасности и его заместителей, больших любителей западного кинематографа, и для показа в поселке для членов политбюро ЦК СЕПГ в Вандлитце. Члены политбюро и их семьи предпочитали смотреть появившиеся тогда порнографические фильмы и увлекательные ленты о Джеймсе Бонде.

Утром невыспавшийся Эгон Шмидт должен был доставить бобины с пленкой назад.

Новые фильмы он привозил не реже, чем раз в неделю. Его успешная курьерская работа не осталась незамеченной, и его вскоре повысили.

Когда технический прогресс привел к появлению видеомагнитофонов и видеокассет, работа упростилась. Сотрудники разведки покупали в Западном Берлине одну кассету и пересылали ее в министерство, где фильм размножали в неограниченном числе копий для высокопоставленных клиентов. В этой же лаборатории печатали снимки и для министра, и для некоторых членов политбюро, которые любили фотографироваться на отдыхе и особенно на охоте.

Все эти дни Карличек был так мил и внимателен, что Габриэле чувствовала себя на вершине блаженства. Он радостно знакомил ее со все новыми своими друзьями, каждый из которых был сама любезность. Видно было, что они приняли в их судьбе живейшее участие. Каждый из друзей Карличека пытался им как-то помочь. Все, что делали сослуживцы Карличека, воспринималось ею как забавная игра.

Служебная гостиница окружного управления госбезопасности находилась на окраине Лейпцига. Когда они вошли внутрь, Карличек остановил Габриэле и тихо сказал ей:

— Администратору не обязательно знать твое настоящее имя. Назови ему какое-нибудь другое.

— Какое? — Габриэле была застигнута врасплох.

Карличек пожал плечами.

— Да какое нравится. Выбирай — Гудрун, Гёрхильд или Гизела.

Габриэле предпочла стать «Гизелой». Она еще не знала, что

это имя превратится в ее агентурную кличку. Это же имя внесли и в фальшивый западногерманский паспорт, который изготовили специально для того, чтобы она могла приезжать в ГДР для встреч с Карличеком втайне от западногерманской контрразведки.

— Мое начальство делает тебе любезность, — пояснил Карличек. — Если ты станешь слишком часто ездить в ГДР, у тебя дома, пожалуй, возникнут неприятности. А с этим паспортом ты можешь навестить меня в любую минуту.

Фальшивые документы для Габриэле изготовил лучший специалист МГБ ГДР по изготовлению западногерманских паспортов Клаус-Дитер Бааг, который начинал свою службу личным официантом грозного министра госбезопасности Эриха Мильке.

Работа с министром оказалась для Клауса-Дитриха слишком нервной. В столовой для высшего командного состава министерства государственной безопасности официантам платили хорошо, и никто не уходил домой с пустыми сумками, но атмосфера была очень напряженной. Министра все боялись. Пятно на скатерти или хлебные крошки выводили министра из себя. Устраивая разнос директору столовой, официанту или повару, Мильке и не предполагал, что может довести человека до инфаркта. Министр был уверен, что его все любят.

Стараясь угодить министру, официант заработал себе язву желудка, и врач в ведомственной поликлинике посоветовал сменить профессию.

Мнительный пациент послушался совета. Отныне его талантливые руки держали не горячие тарелки, а исключительно канцелярские принадлежности. Клаус-Дитер оказался умелым художником, и его таланту нашли достойное применение.

На последнем этаже главного здания МГБ в Восточном Берлине он блистательно подделывал чужие подписи и имитировал любые почерки. В обычные времена его норма составляла три западногерманских паспорта в неделю.

Из специальной типографии в больших бумажных мешках в разведку поступали новенькие незаполненные бланки паспортов, неотличимые от настоящих западногерманских. На бланках уже были напечатаны регистрационные номера — иногда фиктивные, иногда реальные, повторяющие номера паспортов граждан ФРГ, побывавших в ка кой-нибудь социалистической стране.

Клаус-Дилер получал от своего начальника пакет для работы, в котором был свеженапечатанный паспортный бланк, карточка с данными своего будущего обладателя паспорта, его фотография, а в качестве образца — диапозитив тайно сфотографированного подлинного западногерманского паспорта.

Чаще всего западногерманские паспорта фотографировала венгерская госбезопасность и щедро делилась с товарищами в Восточном Берлине. Западные немцы с удовольствием приезжали в Венгрию отдохнуть.

Сотрудники венгерской контрразведки вечером собирали по гостиницам документы туристов и ночью переснимали каждую страницу с помощью импортной аппаратуры. Правда, западногерманские туристы были недовольны тем, что у них всегда забирают паспорта в венгерских гостиницах. Они же не знали, что удостоены высокой чести внести свой вклад в защиту национальной безопасности первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян.

Вооружившись лупой, Клаус-Дитер начинал дело с того, что тщательно обследовал диапозитив. Он должен был установить все особенности этого документа: чем западногерманский чиновник заполнил паспорт — фломастером, шариковой ручкой или перьевой? Какого цвета чернила? Нет ли какого-нибудь изъяна на штемпеле? Как прикреплена фотография?

Когда Клаус-Дитер знал все ответы, он вставлял диапозитив в проектор и проецировал сверху на чистый бланк, который ему предстояло заполнить.

Паспорт для Габриэле он заполнил с удовольствием. В основном его клиентами были мужчины. Милое женское лицо скрасило несколько часов напряженной работы Клауса-Дитера регулярно снабжали полным набором канцелярских принадлежностей из ФРГ у него были все марки западногерманских шариковых ручек, все виды чернил и фломастеров, все печати, все телефонные и адресные книги Западной Германии.

Впоследствии, когда паспорта стали оформляться с помощью пишущих устройств, Клаус-Дитер получил в свое распоряжение замечательный импортный компьютер с принтером, который воспроизводил любой шрифт.

За несколько лет он заочно познакомился почти со всеми полицейскими ФРГ, которые выдавшие паспорта, знал их почерки и подписи.

Клаус-Дитер очень не любил двух западногерманских полицейских чиновников, подписывавших паспорта, одного из Мюнхена, другого — из Западного Берлина. Он их никогда не видел, но у них были такие сложные подписи, что подделать их было безумно трудно. Всякий раз, когда поступал новый пакет для работы, Клаус-Дитер молил Бога: только бы не эти двое!

Над паспортом для Габриэлы он работал два дня, а весь третий день потратил на то, чтобы придать новенькому

документу потертый вид. Скальпелем и напильником он обработал уголки и сгибы паспорта, потер его об пол, многократно перелистал все страницы и, положив в задний карман брюк, сел на стул, чтобы паспорт согнулся.

В четверг он представил паспорт своему начальнику. Что бы ни произошло в будущем с этой милой девушкой, думал Клаус-Дитер, паспорт ее не подведет.

Ни один документ, изготовленный Клаусом-Дитером, не провалил агента. Он чувствовал себя гордым и даже немного растроганным, когда на стол ему клали сделанный им несколько лет назад паспорт, который нуждался в продлении. Клаус-Дитер листал свое детище, любовался множеством въездных и выездных виз и радовался тому, в скольких же странах побывал разведчик с его паспортом!

Когда Клаус-Дитер изготовил новый западногерманский паспорт, считавшийся застрахованным от подделки, начальник отдела получил орден за заслуги перед отечеством.

Раз в месяц Клаусу-Дитеру приходилось работать с паспортами на свежем воздухе, под соснами — вся лаборатория участвовала в регулярных учениях аппарата госбезопасности на случай войны.

По сигналу тревоги шесть грузовиков, нагруженные всем необходимым, плюс полевая кухня и цистерна для воды выезжали из Берлина в район предполагаемого развертывания главного управления разведки в случае войны.

Разведка была готова к работе в любой ситуации. Начальник разведывательного управления генерал Маркус Вольф был уверен, что производство фальшивых документов для его людей будет продолжаться и где-нибудь в лесу. Учения на природе многим офицерам даже нравились. Они были рады вырваться из тесных кабинетов, побывать в лесу, подышать воздухом. Вечером жгли костры, рассказывали смешные истории.

У каждого сотрудника министерства госбезопасности на рабочем месте в шкафу висела полевая военная форма и снаряжение, приготовленное на случай тревоги.

Не только в разведывательном управлении, но и во всем МГБ регулярно проводились военные учения. Чаще всего офицеров вывозили на три-четыре дня на учебный полигон охранного полка имени Феликса Дзержинского, который подчинялся не министру обороны, а министру госбезопасности.

Офицеров размещали сначала в палатках, затем для них построили бараки. Учения проводились в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке. Перед началом учений офицерам сообщали обстановку: враг уже под Берлином, дети

сотрудников МГБ на самолетах вывезены в Советский Союз. Иногда боевая обстановка имитировалась так точно, что некоторые женщины-сотрудницы МГБ, которых тоже вывозили на полигон, невольно начинали плакать.

Габриэле втягивали в игру постепенно. Но каждый шаг делал возможным следующий.

Однажды Карличек преподнес ей черную сумочку устаревшего фасона.

— Зачем она мне? — брезгливо спросила Габриэле. — Я не стану ее носить. Она такая страшненькая.

— Но ты же не можешь разгуливать с двумя паспортами. В нужный момент вытащишь не тот, — Карличек ткнул булавкой во внутренний шов, и с легким щелчком открылась щель между кожей и подкладкой. — Положишь паспорт, который мы тебе дали, в этот потайной карман.

Габриэле с сомнением смотрела на эту сумку.

Карличек обнял ее.

— Дорогая, все это нужно только для того, чтобы мы могли быть вместе.

В служебную гостиницу приходили все новые и новые люди, которых Карличек представлял как своих друзей. Улыбчивые, приятные коллеги Карличека, как бы играя, учили Габриэле приемам конспирации. Ей изготовили специальный чемодан и еще одну маленькую сумочку для косметики — все со специальными замками и потайными карманами.

Карличек сказал, что будет ждать от нее писем. Им бы хотелось быть откровенными в переписке, но как избежать неприятностей, учитывая, что о месте работы Карличека никто не должен знать?

Его очередной друг обещал их выручить. Он принес с собой кусок ткани, обработанной специальным составом.

— Эту ткань нужно положить между двумя листами бумаги и на верхнем написать письмо, а потом верхний лист уничтожить, — пояснил он. — Весь текст невидимо для глаза отпечатается на нижнем листе, на котором для конспирации можно написать любой невинный текст и вложить в почтовый конверт.

Он протянул кусок ткани и лист бумаги Габриэле:

— Попробуйте сами.

Она попробовала и легко научилась тайнописи. Теперь она знала, что сможет обо всем написать своему любимому и чужие глаза ее откровения не увидят. Получив обычный конверт из ГДЕ профессионал Карличек обработает письмо специальными химикалиями и сможет прочитать тайное послание от любимой.

Почта идет долго. Карличек сказал, что, наверное, сможет в определенные дни воспользоваться служебным радиопередатчиком и передать ей несколько добрых слов особым кодом. Она обрадовалась этой неожиданной идее, и тут же появился новый друг из окружного управления, чтобы научить ее зашифровывать и расшифровывать радиопередачи.

Габриэле и не подозревала, что Карличеку накануне ее приезда пришлось несладко. Прежде он и понятия не имел о том, как вести радиосвязь, как шифровать текст, и его заставили осилить все эти премудрости, чтобы он мог помочь Габриэле. Целый месяц он засиживался в управлении за полночь, чего прежде с ним никогда не случалось.

В Лейпциге окружное управление госбезопасности находилось в самом центре города — между церковью святого Томаса и Домом германо-советской дружбы; гигантское здание со множеством наружных антенн. В подвале устроили кабачок и кегельбан для офицеров.

Лейпцигское управление было одним из самых больших в стране. Оно располагало собственной станцией подслушивания телефонных разговоров, оборудованием для вскрытия писем, мастерской по изготовлению париков и вообще всего необходимого для гримирования.

Одна из главных задач окружного управления состояла в разработке гостей ежегодной лейпцигской ярмарки.

Гостей размещали в гостинице «Меркур», где рядом с телефонным коммутатором находилось помещение для сотрудников госбезопасности, куда дублировались все телефонные линии гостиницы. Они могли прослушивать одновременно 120 телефонных разговоров.

Кроме того, офицеры госбезопасности выполняли секретный приказ министра Мильке от 30 января 1964 года, в соответствии с которым свободные от предрассудков хорошенькие девушки, находившиеся под опекой МГБ, лично проверяли моральную устойчивость сотрудников Совета экономической взаимопомощи, когда те приезжали в ГДР. Проведя ночь с товарищами по социалистическому содружеству, девушки докладывали дежурному офицеру содержание ночных разговоров и по-своему оценивали клиентов.

Дальше в МГБ ГДР принимали решение: либо с возмущением сообщить посольству дружественной страны о прискорбном поведении гостя, за что того исключали из партии и лишали завидной, выездной работы, либо наладить с морально неустойчивым гостем доверительные и взаимовыгодные отношения.

До встречи с Габриэле Карличек особыми успехами начальство не радовал и занимался самым непрестижным во всем управлении делом: работал в группе, которая занималась утилизацией «недозволенных почтовых вложений» (отдел почтово-таможенного розыска).

Заботливые родственники из ФРГ пересылали молодежи в Восточную Германию записи современной музыки. Но западной музыкой молодежи насладиться не удавалось.

В Лейпциге на почтамте с помощью рентгеновского аппарата выявлялись письма с вложенными в них аудиокассетами, которые вынимались и передавались в управление госбезопасности. Кассеты использовались для записи прослушиваемых телефонных переговоров.

В лейпцигском почтамте офицеры располагались в уютном помещении с холодильником и кофеваркой. Через отдельный вход им корзинами приносили почту, отправляемую на Запад и получаемую с Запада. Письма вскрывались над паром (каждые полгода в комнате приходилось менять обои), прочитывались, идеологически вредные — изымались. Из остальных наиболее интересные высказывания выписывались. Управление готовило регулярные отчеты об умонастроениях граждан, которые пересылались в Берлин в Центральную группу анализа и информации МГБ ГДР Это подразделение, в свою очередь, представляло политбюро доклады о реальном состоянии ГДР.

Закончив работу с письмом, его заклеивали белым клеем плохого качества. Если аккуратно заклеить не удавалось, то поврежденные письма просто уничтожались.

Кроме того, проверялись все посылки и бандероли, даже если они пересылались внутри ГДР.

Если в письмах из Западной Германии находили деньги, их тоже забирали, валюту сортировали и запирали в сейф. Раз в две недели курьер отвозил деньги в Берлин, в министерскую бухгалтерию.

В Берлине контролеры писем занимали целый этаж главного вокзала. В Лейпциге переписки было поменьше. В этой работе были свои подводные камни.

Однажды с Карличека чуть не содрали погоны. Руководство окружного управления не забывало проверять бдительность собственных сотрудников. Например, к горам писем и посылок, которые должны были проверять сотрудники МГБ на почтамтах, начальство время от времени подбрасывало «контрольные письма» — послания с критикой режима. Если эти письма не обнаруживались, вся бригада подпадала под подозрение. Офицеров не представляли к очередному званию, задерживали в

продвижении по службе, лишали премии.

Ленивый Карличек пропустил такое письмо. Им уже занялся партком управления, но его спасло успешное знакомство с Габриэле…

Дома, в Аахене, Габриэле купила мощный радиоприемник «Грундиг оушен бой» и поставила его на кухне. Каждый вторник в девять или одиннадцать вечера Карличек передавал ей зашифрованные приветы. Послания были абсолютно невинными — несколько добрых слов, и больше ничего. Каждое радиопослание было для нее чудесным подарком.

В конце 1969 года Габриэле расшифровала радиограмму с приглашением вместе встретить Рождество и Новый год. В тот раз она впервые приехала в ГДР по фальшивому паспорту и чувствовала себя международной авантюристкой, которую неминуемо задержат и разоблачат. Но паспорт был настолько хорошо сработан, что не вызвал подозрений у пограничников.

Карличек приехал на вокзал на машине и сразу повез ее в гостиницу окружного управления госбезопасности, не в ту, в которой они жили в прошлый раз, а в более комфортабельную и упрятанную в лесу. В праздничные дни гостиница пустовала. Персонал был вышколен и незаметен. Габриэле и Карличек наслаждались полным одиночеством в прекрасном зимнем лесу.

Карличек, видимо, понял, что наступил момент, когда мужчина должен принять решение и сказать женщине определенные слова. После ужина он откупорил бутылку советского шампанского и со всей торжественностью, на которую был способен, попросил Габриэле выйти за него замуж. Это был счастливый миг. Она даже не попросила времени подумать, потому что давно ждала предложения.

В последний апрельский день в этой же гостинице они отметили помолвку. Габриэле вновь приехала в ГДР по фальшивому паспорту, но на сей раз она была совершенно спокойна.

Она даже не предполагала, что помолвку можно превратить в такое замечательное событие. К этому событию была причастна вся гостиница. Дом празднично украсили. На террасе развесили гирлянду электрических лампочек. На столе горели свечи. Карличек надел ей на палец дорогое золотое кольцо, купленное, как он многозначительно заметил, на Западе. Появился его седовласый начальник и преподнес им обоим подарки. Среди подарков оказалась кассета с записью голоса начальника окружного управления, который тоже пожелал им счастья. Раскрасневшийся, как девица, Карличек стоя внимал голосу своего высшего начальника, доносившегося из магнитофона.

Само собой разумеется, они договорились, что помолвка пока что должна остаться тайной для родных Габриэле и Карличека. Необходимость молчать не тяготила молодую женщину. Главное не в том, чтобы похвастаться помолвкой, главное то, что она встретила именно того мужчину, который способен сделать ее счастливой.

Она оценила то, что Карличек не побоялся испортить свою карьеру ради нее. Он как-то заметил, что, несмотря ни на что, повышения по службе ему теперь не видать, как своих ушей. Габриэле действительно произвела прекрасное впечатление на его начальников, поэтому он может продолжать работать на прежнем месте. Его не уволят, но о большем, о повышении, о более интересном месте мечтать не приходится. Габриэле сказала себе, что она тоже готова ради него на любые жертвы.

После защиты диссертации и окончания Высшей технической школы в Аахене профессор Клаус Менерт подыскал для любимой ученицы место научного сотрудника в Институте по исследованию проблем безопасности и мировой политики. Институт находился в Мюнхене, он выполнял заказы правящей Христианско-демократической партии, и Габриэле получила доступ к весьма важной политической информации.

В институте ее сразу высоко оценили: «творческая личность, необыкновенно умная», «очень одаренная», «все предпосылки для блестящей научной карьеры».

Карличек был рад за свою невесту, очень гордился ее успехами и просил подробно сообщать ему, над чем она работает. Габриэле было приятно сознавать, что ее избранник так к ней внимателен. Его интересовали малейшие детали ее жизни. Он был фантастически скромен, говорить о себе не любил, зато с живым интересом слушал ее рассказы.

Габриэле проработала в институте год и весь год сообщала Карличеку, чем она занимается. Потом институт неожиданно закрылся из-за недостатка средств. Христианские демократы потерпели поражение на выборах, и партийная казна оскудела.

Габриэле потеряла работу. Но она не отчаивалась, потому что была уверена, что легко сумеет найти новую. В своих профессиональных способностях она не сомневалась. Как работнику она себе цену знала. Она неутомимо писала заявления в различные ведомства, включая министерство иностранных дел, и рассылала их по почте.

Вскоре ей позвонил некий господин Майер и сказал, что у него есть интересное предложение. Он приехал к ней домой и здесь уже представился по всей форме:

— Моя фамилия Майер, я сотрудник Федеральной

разведывательной службы. Для вас есть хорошая работа.

— Почему вы мной заинтересовались? — спросила удивленная Габриэле.

Она, скорее, предполагала, что ее познания и аналитический склад ума понадобятся в каком-нибудь научном учреждении.

Она пригласила гостя на кухню. Он пил кофе, сидя возле радиоприемника, с помощью которого хозяйка дома получала шифрованные послания из министерства государственной безопасности ГДР, и рассказывал о том, как интересно и почетно работать в западногерманской разведке.

— Вас нам рекомендовали, — туманно пояснил Майер. — Кроме того, мы учли вашу диссертацию.

Он бодро перечислил ей преимущества службы в разведке: серьезная аналитическая работа, хорошая зарплата, гарантии занятости, большая пенсия — «хотя вам, конечно, рано думать о пенсии, но знаете ли, рано или поздно настает момент…»

Габриэле с энтузиазмом выслушала предложение.

Майер допил кофе и ушел. Он оставил кучу анкет, которые Габриэле предстояло заполнить. Закончив непривычную работу, она с большим удовольствием написала еще одно письмо — Карличеку — с помощью «средств тайнописи». Оба письма она бросила в один и тот же почтовый ящик.

В ближайший вторник, настроившись на знакомую волну, Габриэле остро отточенным карандашом записала очередное послание от Карличека и быстро его расшифровала:

«Связь прерываем. Пока не будет никаких радиограмм и поездок. Восстановим связь после того, как сообщишь о том, взяли ли тебя на работу в Федеральную разведывательную службу. Желаем успеха!»

Агент восточногерманской разведки «Гизела» не вызвала никаких сомнений у западногерманской контрразведки, проверявшей кандидата на должность в разведывательной службе ФРГ.

Габриэле взяли на работу в западногерманскую разведку. В этой день в окружном управлении госбезопасности в Лейпциге на радостях была распита не одна бутылка советского шампанского — подарок коллег из представительства КГБ СССР в ГДР.

Офицеры поздравляли Карличека, сам начальник управления поинтересовался, какие у него жилищные условия, и распорядился включить его в список очередников на получение новой квартиры. К 7 октября, национальному празднику ГДР лейпцигские строители обещали сдать новый дом, несколько квартир выделили окружному управлению госбезопасности, и Карличек стал готовиться к новоселью.

Через несколько дней после того, как ее любимый получил квартиру в далеком Лейпциге, Габриэле вошла в небольшой кабинетик в Федеральной разведывательной службе в местечке под названием Пуллах. Это было ее новое рабочее место.

Первые несколько дней она регулярно ходила на инструктаж по мерам безопасности. Офицера-контрразведчика она слушала вполуха. Все, что он собирался рассказать ей, она уже знала, — от своих многочисленных друзей в управлении госбезопасности Лейпцига.

Столь же ненужным был и трехмесячный курс оперативной подготовки — уход от слежки, правила конспирации, скрытое фотографирование, шифровальное дело, радиосвязь, тайнопись — все это она уже проходила в Лейпциге.

Но она ни разу не выдала своей осведомленности в профессиональных делах. Она легко научилась умалчивать о том, что другим не следовало знать. Необходимость вести двойную жизнь ее не тяготила. «Видимо, я прирожденная разведчица», — думала она про себя, глядя в зеркало и улыбаясь.

Полезным был только трехмесячный интенсивный курс русского языка, который она изучала с присущим ей старанием. Габриэле собиралась специализироваться на положении в восточном блоке.

В штаб-квартире западногерманской разведки в Пуллахе молодой одинокой женщине были очень рады. Кто-то из коллег, здороваясь, неизменно целовал ей руку: это были господа старой школы, которые не изменяют своим привычкам. В дни их молодости женщин брали в разведку только на роль секретарей, машинисток и радисток. Но они не могли не отдать должное аналитическим способностям и познаниям Габриэле.

Для нее служба в разведке почти ничем не отличалась от работы в научном институте. Она писала доклады, отчеты и записки, истолковывая происходящее в Москве и в других социалистических столицах. Разница состояла в том, что она не могла опубликовать результаты своих научных изысканий. Зато в ее распоряжении были совершенно уникальные сведения и документы, получаемые от западногерманских разведчиков по ту сторону «железного занавеса».

Долгие семь месяцев в ее жизни не было ничего кроме работы. Она не получала никаких известий от Карличека и сама не имела права ему писать. Ведомство Карличека, заботясь о ее репутации, старательно оберегало Габриэле от естественного интереса западногерманской контрразведки к новому сотруднику. Регулярная переписка с ГДР, даже самого невинного содержания, могла вызвать подозрения.

С Карличеком они встретились вновь только в ее первый отпуск, следующим летом. Она отправилась в Австрию, в Южный Тироль, и Карличек прибыл туда же. Для него это была первая поездка за границу.

Разлука нисколько не притупила их чувств. Карличек был все также нежен и внимателен. Любовь между ними вспыхнула с прежней силой. Габриэле обнимала его со всем пылом нерастраченной страсти.

Карличек немного походил на ее отца — такой же надежный, немногословный и умелый. Она хотела постоянно быть рядом с ним, любить его и боялась его потерять. Он подарил ей чувство уверенности в самой себе.

Только древний страх женщины быть брошенной, быть покинутой мужчиной преследовал Габриэле. Она чувствовала, что должна за него держаться обеими руками.

Несмотря на все свои успехи на работе, несмотря на свою репутацию самостоятельной, независимой женщины, которая прекрасно управляется со своей жизнью и работой, она на самом деле мечтала быть зависимой от любимого мужчины.

И она поняла, что полностью от него зависит — не в смысле крыши над головой или денег (она, вполне вероятно, зарабатывала много больше, чем он), а в смысле душевного спокойствия, ее самоощущение, ее самооценка зависели от Карличека, от его к ней отношения.

Весь месяц они не говорили о делах. Только когда наступил момент расставания и Габриэле спросила, когда они увидятся вновь, Карличек, как всегда, стесняясь и мямля, открыл карты.

— Это зависит от тебя, Габи, — признался он. — Чтобы увидеть тебя, мне нужно какое-то оправдание для моего начальства. Просто так они меня больше не отпустят. Вот если бы ты могла передать им какие-нибудь документы, они бы не стали нам мешать.

Видно было, что Карличек не одобряет своего начальства, но он слишком дисциплинирован, чтобы ослушаться, и слишком робок, чтобы восстать.

Габриэле надолго замолчала. Просьба повергла ее в тоску. Она понимала, чего от нее хотят и чем рискует. Невинная игра незаметно переросла в нечто, подпадающее под статьи уголовного кодекса. С одной стороны, ее мучили угрызения совести и страх, с другой, она слишком любила Карличека, который многим для нее пожертвовал. Чувство к Карличеку перевесило.

Вернувшись домой, она начала работать на восточногерманскую разведку по-настоящему.

Друзья Карличека, надо отдать им должное, ее никогда не торопили и не подгоняли, не требовали ничего лишнего и довольствовались тем, что она сама им сообщала. Она боялась, что на нее начнут давить. Но этого не произошло. Напротив, она все время слышала: делайте только то, что не создает для вас риска.

Старательная, усидчивая, с комплексом отличницы, которая все делает только хорошо, она работала на обе разведки с присущими ей блеском и основательностью.

Она была исключительно ответственным человеком, которая не могла позволить себе провалиться, не справиться. Разочарование начальства было для нее худшим унижением.

Она многое знала — не только о том, что происходит в стенах родного ведомства.

По долгу службы Габриэле встречалась и с коллегами из США и Великобритании, присутствовала на важных совещаниях западных разведчиков, и все, что ей удавалось увидеть и услышать, она передавала в ГДР.

Ее острый ум ценили и на Востоке, и на Западе. Вскоре ей доверили подготовку разведывательных сводок для канцлера ФРГ. Копии она регулярно отправляла в ГДР, где их читал генеральный секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер. Руководители двух немецких государств в равной степени были ей благодарны.

Получаемыми от Габриэле сведениями МГБ ГДР делился с коллегами из советского КГБ. Этим в министерстве занимался 10-й отдел, отвечавший за сотрудничество со спецслужбами социалистических стран.

Москва тоже снабжала восточногерманскую разведку информацией. Но о положении внутри Западной Германии разведчики ГДР знали лучше, чем советские разведчики. Немцам было легче работать среди немцев. Между разведками социалистических стран тоже было налажено разделение труда. Западная Германия считалась сферой особого внимания восточных немцев.

В представительстве КГБ в ГДР сразу обратили внимание на появление нового информированного источника у немецких товарищей. Москва приказала узнать, кто он, насколько надежен, нельзя ли попросить его ответить на вопросы, интересующие КГБ СССР?

Сотрудники представительства пытались неофициально прощупать немецких товарищей, но те хранили молчание. Заговорили с начальником главного разведывательного управления МГБ ГДР генералом Маркусом Вольфом. Тот с присущей ему иронией заметил, что информацией делиться

будем, а сообщать подлинные имена агентов — так не договаривались.

Тогда глава представительства решил, что он попробует поговорить с самим министром госбезопасности Эрихом Мильке — пусть немцы все-таки расскажут, кого им удалось завербовать. Он позвонил в секретариат министра и попросил немедленно устроить ему встречу с Мильке. Но Мильке был на футбольном матче.

Если член политбюро ЦК СЕПГ и министр государственной безопасности Эрих Мильке не уезжал в отпуск или на охоту, только одно событие могло отвлечь его от важных дел — футбольный матч с участием берлинской команды «Динамо», которая состояла на балансе министерства. Мильке лично заботился о спортивном обществе «Динамо-Берлин». Однажды на ежегодном балу общества он взял микрофон из рук самого известного телеконферансье и сам вел весь вечер. Восторгу футболистов и приглашенной публики не было предела.

А однажды на вечеринке динамовцев в кафе министр ходил от стола к столу, играя на шарманке, и собирал пожертвования для футбольного клуба. Успех был колоссальный. Перед взглядом министра никто не решился выставить себя скаредным или недостаточно патриотичным.

Мильке был фанатичным болельщиком. Когда судья назначал пенальти в ворота динамовцев, Мильке, случалось, в гневе топтал собственную шляпу. Его сын Франк не любил сидеть рядом с отцом на матче, потому что ему иногда было просто неудобно — так громко кричал министр.

Подчиненные Мильке, такие же поклонники футбола, не всегда могли разглядеть его на трибуне, но всегда слышали:

— Ага, шеф тоже здесь.

Когда популярнейший в ГДР футболист Лутц Айгендорф, член национальной сборной от «Динамо», остался на Западе после товарищеской встречи в ФРГ, для Мильке это был удар.

Через четыре года Лутц погиб в Западной Германии в результате дорожно-транспортного происшествия. На опасном повороте он на своей новенькой «Альфа-ромео» врезался в дерево. Бывший динамовец, не приходя в сознание, через два дня умер в больнице.

В секретариате министра государственной безопасности ГДР отметили, что в тот день у Мильке настроение было лучше обычного.

До Нового года с министром главе представительства КГБ встретиться так и не удалось. В социалистической Германии официально Рождество праздником не считалось, но на самом

деле все его отмечали. Из представительства КГБ в секретариат Мильке прислали большую корзину цветов, узбекскую дыню, сувенирный набор белорусских водок, набор черной и красной икры и только что изданный в Москве сборник афоризмов Лихтенберга.

Эрих Мильке любил цветы, особенно пионы, и испытывал страсть к афоризмам. Он их собирал. Он считал, что в афоризмах сосредоточена жизненная мудрость, которой надо руководствоваться.

Любимым праздником атеиста и коммуниста Мильке был сочельник, хотя и в этот день он допоздна засиживался в министерстве. Но это была просто дань партийной традиции: коммунист-руководитель рано с работы не уходит.

— В сочельник, — говорил Мильке сыну, — в нашей стране ничего не случится. На этот счет можно быть совершенно спокойным.

Домашние ждали его с нетерпением. Когда Мильке, наконец, приходил, доставали обязательную рождественскую пластинку «Тихая ночь, святая ночь». Затем специально для отца ставили органную музыку Баха и пластинку с записью колокольного звона. Эти записи действовали на министра расслабляюще.

На Новый год он слушал после обеда девятую симфонию Бетховена. Он любил мощные голоса, такие, как у Ивана Реброва, и разведчики доставляли ему из ФРГ все новые диски Реброва. Мильке предпочитал большие хоры, потому что сам очень неплохо пел.

Специально для охоты он собрал отряд трубачей, чтобы они по старинному обычаю трубили в охотничьи рожки. Трубачи производили большое впечатление на советских гостей, которых обязательно везли пострелять кабанов.

Охотился Мильке вдвоем с сыном Франком. Обычно они отправлялись вечером в пятницу. Сначала Франк только наблюдал за отцом, затем сам стал охотником. Мильке подарил ему переделанный для охоты польский карабин и к нему дорогой западногерманский оптический прицел. Прицел преподнесли министру в день рождения сотрудники главного разведывательного управления.

Из его охотничьего домика два кабеля — электрический и видео — длиной в три километра вели к лесной поляне. Там были установлены прожектор и видеокамера. Из своей спальни престарелый охотник мог увидеть на экране, какой олень забрел на его поляну.

Если он не ходил на охоту, то в воскресный день усаживался на скамейке под большой липой, выросшей перед охотничьим

домиком, больше похожим на помещичью усадьбу. Мильке ставил рядом с собой транзистор, чтобы не пропустить новости, читал газеты, приветливо разговаривал с жителями деревни, лесничими, обслугой охот ничьего замка.

В выходные дни Мильке много гулял пешком, укутавшись в зеленый охотничий наряд. Если где-нибудь в лесу замечал обрывок бумаги или брошенный пластиковый пакет, он немедленно вызывал обслугу и велел убрать.

По его приказу три тысячи гектаров лесных угодий были отгорожены и переданы в ведение министерства госбезопасности. Мильке гордился тем, что у него получился настоящий заповедник, где стали селиться коршуны и орлы.

Забывая о классовой борьбе, Мильке внушал сыну:

— Немецкие дворянство и бюргерство так заботливо ухаживали за лесом, что нам не грех бы перенять некоторые их моральные и культурные ценности.

В обыденной жизни Мильке был скуп на чувства, и эти манеры усвоили остальные. Целоваться в семье не любили. С юных пролетарских лет Мильке усвоил, что это негигиенично.

Вместе с тем министр государственной безопасности был человеком сентиментальным. Вспоминая о годах, проведенных в Москве, он мог и слезу пустить. А мог и поговорить с подчиненными так, что какой-нибудь закаленный генерал и за сердце хватался.

Давно ушли те времена, когда министры в ГДР во всем слушались советских коллег. Эрих Мильке прислушивался только к самому председателю КГБ Юрию Андропову, с его подчиненными он не церемонился. Мильке считал себя не просто министром, а видным деятелем международного коммунистического и рабочего движения.

Посему он чувствовал себя очень уверенно и довольно жестко обращался с главой представительства КГБ в ГДР и особенно с его заместителями: ставил перед ними такие вопросы, которые те заведомо не могли решить, и постоянно звонил:

— Ну что, уже доложил в Москву? Какая реакция?

И те вертелись, как на сковородке. Одному только что прибывшему советскому разведчику министр позвонил поздно вечером домой:

— Ты сколько лет работаешь в органах?

Тот ответил:

— Почти тридцать, товарищ министр.

— Еще хочешь поработать?

— Хочу.

— Тогда запиши, что мне нужно, отправь сейчас же

телеграмму в Москву и завтра сообщишь мне, что ваши решили.

И повесил трубку.

Мильке со всеми был на «ты» — такова традиция немецкой компартии.

Возможность поговорить с министром представилась только после Нового года, когда Мильке изъявил желание попрощаться с начальником разведывательного отдела представительства КГБ СССР, который, отслужив положенные три года, возвращался в Москву. Мильке пригласил советского полковника и главу представительства к себе на девять утра.

Они пришли за пять минут до назначенного срока, но министр был занят.

— Кто у министра? — спросил руководитель представительства КГБ.

— Генерал-майор Рюммель, — сухо ответил помощник министра, который изо всех сил стремился произвести впечатление невероятно загруженного работой человека.

Чтобы не продолжать разговор, помощник снял трубку телефона спецсвязи и стал листать секретный справочник в поисках нужного номера. Такой справочник был в представительстве КГБ. К списку телефонов прилагалась памятка: «Принципы сохранения секретности и конспирации в телефонных разговорах».

Генерал-майор Рюммель, которого принимал Мильке, отвечал в министерстве за подготовку сети бомбоубежищ для высшего руководства ГДР на случай войны. Он при ехал к министру пораньше, чтобы доложить: на заводе получена специально переоборудованная для министра боевая машина пехоты.

Предполагалось, что этой бронированной машиной, которая внешне ничем не отличалась от обычной армейской техники, Мильке воспользуется в случае войны или штурма здания МГБ.

Генерал Рюммель сообщил Мильке, что внутри боевой машины пехоты установлен диван, обшитый кожей, на полу разложен двухметровый ковер, рядом с креслами расположен мини-барс крепкими напитками и сигарами. Мильке любил и то, и другое.

Доклад Рюммеля привел министра в отличное расположение духа. Он сердечно встретил советских гостей.

Министр своим приказом наградил полковника медалью — это была самая высокая награда, которую можно было дать советскому человеку без согласования с ЦК КПСС. Кроме того, внезапно расчувствовавшийся Мильке подарил советскому полковнику фильмоскоп с большим количеством диапозитивов,

на которых были запечатлены памятные места ГДР, и три тысячи марок в конверте — на покупку сувениров, как выразился министр Мильке не забыл сказать несколько подобающих случаю теплых слов о братстве чекистов двух стран, все выпили по бокалу шампанского. На проводах присутствовали советский генерал — руководитель представительства КГБ в ГДЕ и заместитель Мильке — начальник главного разведывательного управления генерал Маркус Вольф.

Потом Мильке и руководитель представительства КГБ остались обсудить несколько деловых вопросов. Мильке уселся в кресло. На его столе лежала посмертная маска Ленина На приставной тумбе стоял сделанный по индивидуальному заказу уникальный телефонный агрегат. Такой же стоял в кабинете председателя КГБ в Москве, Мильке увидел и приказал своим умельцам скопировать.

На этом телефонном аппарате было огромное количество кнопок, чтобы Мильке мог напрямую соединиться с ответственными сотрудниками министерства. С каждым годом число кнопок возрастало, отметил советский генерал, все возрастало.

Генерал Вольф и советский полковник вышли в приемную, сели на диван и заговорили о новом фильме, снятом братом Маркуса — известным кинорежиссером Конрадом Вольфом.

Через десять минут министр Мильке выскочил в приемную и сразу подошел к ним:

— Ну что, Вольф, кто из вас кого вербовал?

Высокий и самоуверенный Маркус Вольф, обычно острый на язык, смешался и начал, оправдываясь, пересказывать разговор. Мильке, не обращая внимания на его слова, стал прощаться с советскими гостями.

Глава представительства КГБ вышел от Мильке злой. На вопрос о новом агенте в ФРГ Мильке ничего не ответил, сказал, что выяснит.

Кроме того, генералу пришлось вести с Мильке неприятный разговор о награждении советских чекистов по случаю очередного национального праздника ГДР Немцы выделили пятьдесят наград руководству КГБ, а Москва хотела шестьдесят, и начался неприятный торг, в котором глава представительства выступал в жалкой роли просителя.

Стараясь снять неприятный осадок, советский генерал попросил Мильке выступить перед большой группой офицеров из Управления особых отделов Западной группы войск, то есть перед армейскими контрразведчиками.

Выступить Мильке согласился. Он умел говорить хорошо, без

бумаги и с юмором.

Эрих Мильке в семьдесят с лишним лет чувствовал себя крепким и бодрым и надеялся жить и работать еще очень долго. Он с особым интересом слушал рассказы о советских долгожителях, которые и в девяносто сохраняют работоспособность.

Он произнес большую речь перед аппаратом представительства КГБ СССР в ГДЕ сотрудниками особых отделов Западной группы войск. Говорил три часа с небольшим перерывом, внимательно следя за реакцией аудитории. Потом, когда командующий группой войск и глава представительства КГБ пригласили его выпить по рюмочке, министр снисходительно заметил:

— По-моему, некоторые из ваших офицеров просто ничего не понимают.

И Мильке добавил:

— Вы спрашивали меня относительно нашего нового источника в Западной Германии. Я все выяснил. Нового человека нет, просто улучшился уровень анализа в министерстве.

Министр Мильке врал советскому другу и товарищу и даже не пытался это скрыть.

Как и всякого сотрудника разведки, Габриэле в принципе научили всему, что полагалось знать человеку ее профессии: умению вести наружное наблюдение и уходить от него, вербовать агентов и проводить с ними встречи, закладывать тайники, писать невидимыми чернилами, расшифровывать кодированные радиопередачи.

Габриэле освоила основные навыки конспирации, но воспользоваться этими знаниями по месту основной работы ей не пришлось.

Она работала в разведке, но не занималась оперативной деятельностью. Никаких приключений, обычная канцелярская работа. Единственное отличие от службы в любом другом немецком ведомстве — использование псевдонимов. Сослуживцы знали ее подлинную фамилию, но на работе Габриэле называли только псевдонимом «фрау Ледер».

Ее задачей был анализ. Вместо того, чтобы пересаживаясь с автобуса на автобус, уходить от возможного наблюдения контрразведки, она весь рабочий день проводила за своим письменным столом на втором этаже в секторе Советского Союза.

Целыми днями она читала свежие газеты на русском и немецком языках, шифротелеграммы из германских посольств в Москве и других столицах социалистических государств и агентурные донесения.

Всю собранную информацию она должна была переработать в сжатый аналитический отчет, который передавала своему начальнику, а он отправлял дальше по инстанции. Конечным пунктом этого маршрута было ведомство федерального канцлера. Так что можно сказать, что канцлер судил о событиях, происходивших в Советском Союзе, по отчетам Габриэле.

Причастность к высшим секретам мало ее волновала. В конце концов, она была молодой и симпатичной одинокой женщиной. Ей было всего тридцать три года, все признавали, что у нее хорошая фигура, она носила очки, которые ей шли В разведке было немало молодых мужчин, которым она очень нравилась. Кое-кто из них пытался дать ей это понять.

Но Габриэле стойко отвергала любую попытку поухаживать за ней. Она была верна Карличеку, потому что знала: там, за железным занавесом, в другой Германии Карличек так же ей верен.

Габриэле любила путешествовать, ездить на лошадях и увлекалась альпинизмом. Но заняться всем этим она могла только в отпуске.

Спокойное течение жизни сотрудника Федеральной разведывательной службы подтверждало тот неоспоримый факт, что самое волнующее событие для разведчика, как и для любого немецкого служащего, это отпуск.

Для Габриэле отпуск был важнее, чем для кого бы то ни было из ее коллег.

— Где вы собираетесь отдыхать? — любезно интересовались коллеги во время совместного обеда в дешевой служебной столовой.

— Я еду в Ирландию.

— Но там же постоянно идут дожди, — удивился кто-то. Габриэле застенчиво улыбнулась. О вкусах не спорят.

В штаб-квартире разведки даже за обедом продолжали говорить о делах. Воспоминания об аресте восточногерманского агента Гюнтера Гийома, который сумел стать референтом самого канцлера ФРГ еще были свежи. От Гийома разговор неизменно переходил к генералу Маркусу Вольфу, начальнику восточногерманской разведки, которого никто из них никогда не видел.

Мастер шпионажа из ГДР не давал покоя западным немцам, потому что неутомимо засылал в Западную Германию все новых и новых агентов. Вслед за Гийомом контрразведка ФРГ выловила еще одну секретаршу, завербованную Вольфом. Западногерманские разведчики по-своему восхищались Вольфом, хотя никогда не видели его в лицо. В Пуллахе, штаб-квартире

западногерманской разведки, не было ни одной его фотографии.

На следующий день Габриэле попрощалась с коллегами по сектору. Она разобрала бумаги в своем кабинете, ненужные сдала в досье, остальные сложила в сейф. Полила цветы, опустила жалюзи и ушла. Месяц она свободна.

На следующее утро у дома просигналило такси. Габриэле отправилась в аэропорт, В сумочке лежал билет ирландской авиакомпании «Эйр Лингус» до Дублина. Номер в дорогом отеле она забронировала заранее.

Три дня она с туристической картой в руках добросовестно гуляла по городу. На четвертый день сказала администратору, что поедет к морю.

Она действительно поехала к морю, но не к Ирландскому, а к Тирренскому.

В Риме ее встретил невысокий человек лет сорока пяти, полноватый, с прической ежиком и бульдожьим, но добродушным лицом. Не в силах сдержаться, Габриэле бросилась ему в объятия, хотя и понимала, что в аэропорту лучше бы постараться скрыть свои чувства. Она боялась привлечь к себе внимание слишком бурной радостью. Никто не должен был догадаться, что они очень долго не виделись.

Ее любимый мужчина говорил по-немецки с неистребимым саксонским выговором. Это был Карличек, ее первый и единственный мужчина, которого она любила вот уже столько лет. Он впервые приехал в Италию и посему был рад и счастлив вдвойне. Ради нее он был готов лететь куда угодно.

Вечером они устроили торжественный ужин, потом сели в поезд и провели ночь вместе — первую после почти года разлуки.

За обедом в служебной столовой Федеральной разведывательной службы Габриэле, как и положено немецкой женщине, идущей в ногу с эпохой, конечно же, часто повторяла, что не мужчины, а женщины — это сильный пол.

— На нынешней стадии цивилизации важнее не мускульная сила, а ум, — улыбаясь, высокомерно говорила Габриэле. — А женщины уж никак не глупее мужчин. Кроме того, мы живем дольше, чем мужчины. И мы можем рожать детей и обходиться без мужчин. А мужчины без нас не могут.

Присутствовавшие за столом мужчины от споров с ней воздерживались, боясь обвинений в мужском шовинизме.

Ночью в поезде Габриэле, как никогда раньше, почувствовала, что она не может обходиться без Карличека.

Ранним утром они уже поднялись на борт парома, который перевез их через Адриатику. Около полудня они сошли на берег в портовом городе Сплите.

У Карличека были деньги, и он взял напрокат машину. Наслаждаясь прекрасным днем, они отправились на север. Через полчаса небольшой подвесной мост привел их на живописный остров. Здесь они и проведут этот незабываемый месяц.

Карличек заранее снял небольшой домик, окруженный кустами олеандра, всего в сорока метрах от пляжа. Домик состоял из гостиной, спальни и ванной комнаты. Габриэле была восхищена щедростью, вкусом и предусмотрительностью Карличека. Она все больше понимала, как ей повезло с этим человеком.

Габриэле нравилось вечерами сидеть на веранде, наслаждаясь теплотой вечера и чарующей атмосферой Адриатического побережья. Карличек покупал местные вина, они сидели в плетеных креслах друг напротив друга и разговаривали. Впрочем, говорила в основном Гиб-риэле, Карличек никогда не был особенно словоохотливым. А Габриэле ценила в мужчинах немногословие.

Они провели вместе четыре дня и вполне освоились, когда появились гости.

Главное разведывательное управление, хозяйство генерала Вольфа, размещалось в Берлине в гигантском комплексе зданий министерства государственной безопасности ГДР.

Девятый отдел, занимавшийся главным противником — западногерманской разведкой, доложил генералу Маркусу Вольфу, что чрезвычайно ценный источник «Гизела» испытывает психологические трудности. Следы ее тревоги можно увидеть в шифрограммах и посланиях, которые привозит от нее курьер.

Все дело в том, что источник «Гизела» видит человека, в которого влюблена, лишь раз в год и боится, что никогда не сможет быть вместе с ним.

Девятый отдел был обеспокоен тем, что такие пессимистические настроения лишат источник «Гизела» воли к работе. Отдел предложил различные способы улучши ть настроение «Гизелы», но Маркус Вольф их все отверг.

Он решил, что займется этим делом сам. Он высоко ценил информацию, которую давал этот источник. «Гизела» прекрасно знала расстановку политических сил в Федеративной республике и составляла блестящие прогнозы. Он уважал в ней способность к анализу. Кроме того, с ее помощью ГДР всегда знала, что именно известно западногерманской разведке о происходящем в социалистическом лагере.

Генерал Вольф сказал, что сам побеседует с «Гизелой». Без ложной скромности он понимал, что встреча с ним лучшая награда для любого агента. Причем самое сильное впечатление

генерал производил как раз на умных людей, к числу которых относил «Гизелу» — Габриэле.

Своей будущей профессии Маркус Вольф учился в годы второй мировой войны в школе Коминтерна, которая находилась в Кушнаренково, в Башкирии.

Отец Маркуса, известный драматург и врач Фридрих Вольф, еврей по происхождению и коммунист по политическим убеждениям, бежал из нацистской Германии в Советский Союз. Здесь и росли двое его сыновей. Конрад, который станет со временем кинорежиссером и президентом Академии художеств ГДР, и Маркус, которого в России называли просто Мишей.

Он был горд, когда его приняли в школу Коминтерна и отправили в Башкирию, о которой прежде он и не слышал. Сначала курсантам школы Коминтерна разрешили сообщить родственникам свой адрес с припиской «Сельскохозяйственный техникум № 101», но потом по соображениям секретности переписку им запретили.

Как и в обычной разведшколе, всем дали псевдонимы. Обращаться друг к другу можно было только используя новое имя. Рассказывать о себе, о своем прошлом, называть настоящую фамилию категорически запрещалось.

В спальню, где поселили юного Вольфа, втиснули пятнадцать кроватей. Около каждой кровати стояла тумбочка. В центре комнаты — круглый стол.

В его комнате в основном жили испанцы. Рядом с Вольфом поставил койку немец Вольфганг Леонгард. Его мать была осуждена органами НКВД как враг народа, но на отношении к Вольфгангу это не сказалось. Тогда справедливость репрессий против врагов социализма не вызывала у него сомнений. Но впоследствии Леонгард перебежит из ГДР на Запад и напишет книгу «Революция отвергает своих детей», где подробно расскажет о школе Коминтерна в Башкирии и о Маркусе Вольфе.

Утром курсантов поднимал звонок. Строились по национальным группам — испанцы отдельно, немцы отдельно. Старший группы по-военному докладывал начальнику школы о наличном составе, и все отправлялись на спортплощадку — зарядка, гимнастика, упражнения на турнике, бег. Спорту в школе Коминтерна придавалось большое значение.

Кормили хорошо, обильно. На еду и вообще на условия никто не жаловался. А было бы плохо, тоже бы никто и слова не сказал, проявления недовольства исключались. Советский Союз приютил их, советские люди в трудные военные годы делились с ними всем, что имели сами, и нечестно было бы претендовать на нечто особенное.

В школе учились немцы, австрийцы, судетские немцы, испанцы, чехи, словаки, поляки, венгры, румыны, болгары, французы и итальянцы. Каждая группа готовилась вести партизанскую войну в своей стране.

Кроме них была еще одна группа, существовавшая в полной изоляции в отдельном домике за оградой, — корейские коммунисты. Никто их не видел, но о них все знали.

За месяцы, проведенные в школе, курсанты проработали историю компартии Германии и историю ВКП(б), разобрались в причинах крушения Веймарской республики, оценили положение в нацистской Германии и ход второй мировой войны, изучили политэкономию, исторический материализм и диалектический материализм.

Нацизм как теория и практика изучался на занятиях тщательно и серьезно с использованием первоисточников. С такой же ненавистью на занятиях говорилось только о коммунистических отступниках — от предателя и агента гестапо Троцкого до исключенных из компартии Германии Рут Фишер и Маслова.

Особое место занимал практический курс, который именовался так: «Политические вопросы современности». На этих занятиях курсантов учили методике ведения подпольной работы в Германии. Они должны были научиться создавать так называемые «народные комитеты» — антинацистские организации.

Курсанты сами составляли учебные листовки (в том числе учились их печатать подручными средствами) и критически разбирали реальные листовки, выпускавшиеся Главным политуправлением Красной Армии для разложения немецкой армии.

Очень много времени курсанты проводили в библиотеке. Туда среди прочего присылались нумерованные секретные бюллетени, которые предназначались для советского идеологического аппарата: обзоры зарубежной прессы и иностранного радиовещания. Взяв такой бюллетень, полагалось расписаться в особом журнале.

Отдельно в школу пересылались из ГлавПУРа подборки подобранных на поле боя писем немецких солдат и офицеров на родину и писем из Германии на фронт. В этих закрытых бюллетенях благоприятные для национал-социализма положения не вычеркивались. Был еще один секретный бюллетень, представлявший особый интерес для немецких курсантов, — переводы официальных материалов нацистской Германии: декретов, законов, речей нацистских лидеров.

Все это помогало курсантам-немцам следить затем, что

происходило на родине. Хотя и те дни никто из них не рисковал называть Германию родиной.

Учили и ведению партизанской войны. Курсанты, знакомые с военным делом, особенно те, кто успел побывать в Испании, говорили, что учение далеко от жизни. Стреляли из винтовки и пистолета, маршировали. Иногда их будили по ночам сиреной и проводили учения у ящика с песком.

С раннего утра и до обеда продолжались лекции. После обеда давался час свободного времени. Потом начинались семинары и самостоятельная работа — до полуночи.

Воскресенье считалось свободным днем, но выходить за территорию лагеря было нельзя, равно как выпивать или заводить романы.

Развлечения ограничивались товарищескими вечерами, на которых старшие коммунисты делились своими воспоминаниями.

Высокий, гибкий, с открытым и ясным взглядом Маркус Вольф сразу обратил внимание на одну из курсанток — голубоглазую Эмми Штенцер. Ей было тогда 19 лет. В отличие от Маркуса Вольфа она путалась в теории. Зато ловко создавала на бумаге подпольные организации и — любопытная черта — хранила в памяти все прегрешения товарищей по группе. Такой она и запомнилась учившимся с ней немцам.

Новый, 1943 год курсанты встретили в скудно обставленной и холодной столовой. Столы по случаю праздника накрыли скатертью. Угощались компотом из тыквы и крепким чаем. Читали революционные стихотворения. Это был их последний год в школе и последний год Коминтерна.

Когда Коминтерн был распущен, прекратила свое существование и школа. Курсанты сдали экзамены и были разосланы в разные места с разными поручениями.

Подававшего надежды юного Маркуса Вольфа приметил новый лидер немецких коммунистов Вальтер Ульбрихт, которого приблизил Сталин и который поэтому избежал внимания НКВД. В 1945-м Ульбрихт взял Вольфа с собой в Берлин, освобожденный советскими войсками.

В советской зоне оккупации видные немецкие коммунисты, вернувшиеся из эмиграции или освобожденные из концлагерей, вознаграждая себя за прежние тяготы и трудности, разумно и с комфортом устраивали себе новую жизнь.

Руководители Восточной Германии Вильгельм Пик, Отто Гретеволь, Вальтер Ульбрихт и другие заняли лучшие виллы под Берлином. Весь квартал, где расположились руководители коммунистов, был огорожен и охранялся советскими солдатами.

Появились два загородных дома отдыха — для высшего

руководства и для партийных работников среднего звена, в том числе для аппарата ЦК. Работа в ЦК вознаграждалась натурой: в дополнение к обычным продовольственным карточкам здесь хорошо кормили в столовой да еще выдавали пайки высшей категории с сигаретами, спиртным и шоколадом.

Маркус Вольф был в чести у самого Вальтера Ульбрихта и быстро делал карьеру. Сначала Вольф писал репортажи с Нюрнбергского процесса над нацистскими военными преступниками.

Затем партия назначила его работать на берлинское радио, где писал политические комментарии под псевдонимом и одновременно был ответственным редактором главных политических передач. Ему было тогда всего 25 лет.

Он женился на голубоглазой блондинке Эмми Штенцер, выпускнице школы Коминтерна, обзавелся удобной пятикомнатной квартирой и красивой виллой у озера.

У него были прочные связи среди советских военных. И с улыбкой превосходства он говорил старым друзьям:

— Есть инстанции поважнее вашего Центрального Комитета.

Вольф бывал у советского генерала Тюльпанова, который в Берлине занимался идеологическими вопросами, слышал, что тот говорил в узком кругу.

Сергей Иванович Тюльпанов в августе 1945-го был назначен начальником управления пропаганды Советской военной администрации в Германии. Он был высшим начальником в сфере идеологии, но своей властью пользовался разумно. Высокообразованный Тюльпанов и его аппарат вернули в Восточную Германию многих выдающихся деятелей немецкой культуры.

Вольф нравился советским военачальникам и потому некоторое время работал советником посольства ГДР в СССР В 1951 году его перевели в так называемый Институт научно-экономических исследований, который был зародышем разведывательной службы ГДР Вскоре молодой Маркус Вольф стал руководителем восточногерманской разведки.

Из берлинского аэропорта Шёнефельд генерал Вольф вылетел в Белград. Для таких поездок у Маркуса Вольфа был поддельный дипломатический паспорт на чужое имя. Его сопровождал Эгон Шмидт, начальник разведотдела окружного управления госбезопасности в Лейпциге. Карличек был его офицером, а Габриэле — его лучшим агентом, его удачей.

В Сплите Вольф и Шмидт тоже взяли машину напрокат и отправились на остров. Они без труда нашли нужный им домик.

Габриэле увидела Вольфа первой: элегантно одетый высокий,

стройный мужчина с интересным лицом и светлыми, умными глазами.

Она представляла его совсем по-другому. Начальник разведки ГДР виделся ей в образе крупного партийного бонзы с военной выправкой и мрачным взглядом. Но решительно ничто не выдавало в Вольфе его принадлежности к разведке или к коммунистической номенклатуре. Он мог бы назвать себя главным врачом клиники или президентом страхового общества, и никто бы в этом не усомнился. Словом, это был мужчина, исключительно привлекательный для уже не юной дамы с определенными претензиями.

Он пожал Габриэле руку и улыбнулся своей мальчишеской улыбкой:

— Хорошо, что мы увиделись с вами, Габи.

Никаких псевдонимов — нормальный разговор требовал открытости и откровенности.

Взаимопонимание между ними установилось мгновенно. Габриэле была покорена его мальчишеской улыбкой и глубиной суждений. Шмидт и Карличек старались держаться в стороне — не только из соображений субординации: они увидели, что между Вольфом и Габриэле возник некий интеллектуальный контакт. В этих беседах двух интеллектуалов они были лишними.

Вольф был доволен Габриэлой, он ею гордился. Ведь он ее и создал.

Ему понравился домик, снятый Карличеком.

— Ну и хорошо же здесь у вас! — воскликнул он, вдыхая свежий морской воздух. — Этот домик мы возьмем на заметку Будем пользоваться им почаще.

Каждое утро они все вместе ходили купаться. Вольф плавал, как рыба, и уплывал далеко в море. Потом они валялись на песке и болтали. Шмидт и Карличек не забывали называть своего спутника «товарищ министр» — в ГДР было принято опускать досадное уточнение «заместитель». Но некая официальность никому не портила отдых. Это был действительно отдых для всех — в первую очередь для Габриэле.

Маркус Вольф вел себя так, словно приехал сюда безо всякого дела. Он с удовольствием рассказывал о своей семье.

Об отце — Фридрихе Вольфе, который после прихода нацистов к власти вынужден был бежать в Советский Союз, где его широко издавали и даже поставили фильм по его пьесе «Доктор Мамлок». О младшем брате — Конраде Вольфе, президенте Академии художеств и кинорежиссере. Как раз в тот момент Конрад снимал фильм о певце Эрнсте Буше.

С такой же заинтересованностью он стал расспрашивать

Габриэле о ее жизни и родителях, о том, где она родилась.

— Я родом из Ремшайде, — сказала она.

Вольф изумленно улыбнулся.

— Фантастическое совпадение. В двадцатых годах мой отец работал в этом городе врачом, — заметил он. — И познакомился там с воспитательницей детского сада Эльзой Драйбхольц, на которой женился. Это моя мама.

Вечером они вчетвером ужинали в рыбном ресторане «Моника». Вольф заказал всем водку и, вспоминая проведенную в Москве юность, стал произносить смешные кавказские тосты. Компания дружно смеялась. Полковник Шмидт хохотал вместе с остальными, хотя ему эти тосты уже были знакомы. В кругу коллег и старых друзей Вольф неизменно вспоминал Москву.

Габриэле заговорила о себе. Она была очень откровенна с генералом Она слишком скучает по Карличеку. Нельзя им встречаться почаще?

Вольф обещал помочь.

— Хотите вместе побывать в Советском Союзе? — предложил он. — Я договорюсь с Москвой. КГБ устроит вам чудный отдых на Кавказе.

Он уже выяснил, что Габриэле страстная альпинистка.

Предложение звучало заманчиво, но Габриэле покачала головой: посещение Советского Союза для нее слишком опасно. Сотрудникам федеральной разведывательной службы категорически запрещались туристские поездки в социалистические страны.

— Если меня кто-то узнает в Советском Союзе, это будет катастрофа, — объяснила она.

Но Вольф тут же с легкостью доказал, что для него нет ничего невозможного. Он объяснил, как все можно организовать. Пока Габриэле будет наслаждаться горными курортами Кавказа, одна из сотрудниц главного управления разведки МГБ ГДР, очень похожая на нее и с ее же документами, проведет свой отпуск где-нибудь на Западе.

Однажды утром после купания Вольф предложил Габриэле:

— Может быть, сядем на веранде и побеседуем часок?

Вольф налил себе и ей по стаканчику местного вина и стал задавать вопросы.

Он подробно расспрашивал ее о ситуации в ФРГ, о том, как в Федеративной республике оценивают политику Москвы и Восточного Берлина, о реакции на высылку из СССР Александра Солженицына и решении НАТО о довооружении. Вольф был озабочен тем, что блок НАТО обзавелся крылатыми ракетами, которые трудно сбивать. Ракеты средней дальности действия

«Першинг-П» с ядерными боеголовками беспокоили его меньше.

Вольф в свою очередь тоже был откровенен с Габриэле и не ушел от разговора о судьбе своего агента Гюнтера Гийома, который недавно был арестован западногерманской контрразведкой. Габриэле восприняла арест Гийома как пугающее предупреждение. Что, если контрразведка доберется и до нее?

Страх перед разоблачением и арестом возник у нее не сразу. Поначалу она не отдавала себе отчет в том, что занимается противозаконным делом. Она ведь никому не причиняла вреда, даже не выдавала военные секреты, а просто кое-что рассказывала Карличеку. Но, работая в разведке, она постепенно поняла, что ее ждет в случае провала.

Вольф отнюдь не хладнокровно рассказывал о провале Гийома. Он не просто жалел о потере ценного агента, но и по-человечески переживал арест своего сотрудника. Или, во всяком случае, так показалось Габриэле.

Генерал хотел продемонстрировать ей, что для него важна личная безопасность агента, что он ценит своих сотрудников, уважает их готовность рисковать и ни за что не оставит их в беде.

Самый знаменитый агент разведки ГДР Гюнтер Гийом был сыном старого врача, который когда-то, в нацистские времена, лечил будущего канцлера ФРГ социал-демократа Вилли Брандта и даже спасал его от гестапо.

В середине 50-х годов старший Гийом жил в Восточной Германии, и на него обратили внимание люди Вольфа. Они попросили его в 1955 году написать Вилли Брандту, уже ставшему в Западной Германии заметным политиком, и вежливо напомнить о себе.

Доброжелательный Вилли Брандт действительно не забыл о докторе и охотно согласился позаботиться о сыне человека, который для него столько сделал, — о Гийоме-младшем.

Тогда юный агент вместе с женой перебрались с Востока на Запад и получили в 1956 году статус политических беженцев Выполняя свое обещание, Вилли Брандт взял Гийома-младшего на работу и привечал молодого сотрудника за то, что он был очень старателен и все время проводил на службе.

Маркус Вольф, посмеиваясь, рассказал Габриэле, что в свое время — в отличие от Вилли Брандта — не особенно высоко ценил своего агента Гюнтера Гийома.

Переправляя эту супружескую пару в ФРГ, Вольф возлагал надежды в основном на жену Гийома — Кристель, казавшуюся ему исключительно серьезной и целеустремленной. Вольф не ошибся: Кристель была прилежной секретаршей и чуть было не попала в аппарат министра обороны ФРГ, но тут Гюнтер

неожиданно стал делать карьеру, и в конечном итоге его назначили одним из референтов канцлера.

После разоблачения Гийома канцлеру Вилли Брандту, сторонникуулучшения отношений с Советским Союзом, ГДР и другими социалистическими странами, пришлось уйти в отставку. Западногерманские газеты писали, что ГДР сама себе навредила — в ее интересах было бы сдувать пылинки с Вилли Брандта, а не подставлять его таким образом.

Вольф несколько раз повторил, что совершенно не желал отставки канцлера Брандта.

— Это просто несчастный случай на производстве, — так выразился Вольф.

Он с горечью говорил о провале своих агентов, которые работали секретарями в министерстве иностранных дел.

Кристель Гийом тоже была секретарем в министерстве, и ее разоблачили вместе с мужем.

— Мы учимся на этих ошибках, — повторял Вольф Габриэле. — И ни в коем случае не допустим, чтобы у вас были какие-то неприятности. Вы для нас особенно ценны. Мы все делаем так, что и комар носа не подточит.

В разговоре с Габриэле он тщательно избегал слова «провал».

— Если же, несмотря на наши старания, но какой-то несчастливой случайности что-то произойдет, помните: наше правительство сделает все, чтобы выручить вас из беды, — обещал Вольф.

Габриэле понимала, о чем идет речь. Если ее поймают, в ГДР в ответ арестуют кого-то из западных немцев и предложат Бонну совершить обмен провалившимися шпионами.

В ГДР ее примут как героя, наградят орденом, будут показывать по телевидению. Восточная Германия гордилась своими спортсменами и разведчиками.

— А как же Гийом? — спросила Габриэле. — Его посадили и не хотят обменивать.

— Обменяют, — уверенно ответил Вольф. — Просто сейчас они демонстрируют западным немцам свою принципиальность. Но пройдет немного времени, и боннским властям придется его нам отдать.

Может быть, это и не так плохо, подумала про себя Габриэле. Когда все будет позади, она действительно переберется в ГДР, и они с Карличеком наконец-то соединятся.

Беседы с глазу на глаз происходили каждый день. Они вместе ужинали и даже танцевали на веранде. Вольф был обворожительным кавалером.

Когда Вольф сказал, что ему, к сожалению, пора

возвращаться, Габриэле сама попросила о новой встрече в будущем году. Она не стала меньше любить Карличека и вообще не сравнивала этих мужчин, но она наслаждалась обществом Вольфа.

Вольф легко согласился: на следующий год ее привезут в ГДР. Генерал обещал пригласить ее к себе домой и продемонстрировать свое поварское искусство — приготовить для нее настоящие сибирские пельмени.

В ГДР Маркус Вольф жил не в поселке для руководителей министерства госбезопасности, а в отдельном домике возле лесного озера, крытом белым шифером. Это было тихое местечко, и высокий мускулистый генерал, который носил джинсы и черную майку, мог наблюдать за забавной игрой белок, нисколько не стеснявшихся начальника разведки ГДР.

После отъезда гостей Габриэле и Карличек остались на острове еще на неделю. Потом наступила и им пора возвращаться. Они расстались в Риме. У Карличека был забронирован билет до Берлина. Габриэле вылетела в Лондон, оттуда опять в Дублин.

Только прилетев в столицу Ирландии, она поняла, что в следующий раз увидит Карличека только через год. Она готова была впасть в отчаяние, но, пересилив себя, позвонила друзьям в Мюнхен, чтобы бодрым голосом рассказать им о том, как прекрасно провела она время в Ирландии.

Потом Габриэле набрала номер родительского дома в Ремшайде. Им она тоже весело рассказала об отпуске, придумывая какие-то забавные подробности, и с трудом удержалась от желания сообщить, что встретила сына доктора Фридриха Вольфа, которого они должны помнить: ведь он был у них в городе врачом.

Но вместо этого Габриэле доложила родителям, что через два дня отпуск у нее заканчивается и она приступает к работе.

Точно через два дня она предъявила пропуск охраннику в Пуллахе — штаб-квартире Федеральной разведывательной службы под Мюнхеном. Сотрудники советского сектора восхитились ее загаром. Габриэле смущенно сказала, что в Ирландии дождь идет все-таки не каждый день.

В общей сложности Маркус Вольф встречался с Габриэле семь раз. У них возник интеллектуальный роман. Интеллектуал, сидящий в Вольфе, не мог примириться с ограничениями, налагаемыми его профессией, и ему приятно было беседовать с людьми своего уровня.

Маркус Вольф высоко ценил ее способность к политическому анализу, его подчиненные — ее феноменальную память.

— Я был просто зачарован тем, с какой точностью она вспоминала все, что накапливалось в ее памяти в течение года, — рассказывал Эгон Шмидт, начальник разведотдела управления МГБ в Лейпциге, своему заместителю. — Стоило только включить диктофон, как она начинала говорить. И так складно, что можно расшифровывать и сразу нести начальству, и так быстро, что мы еле успевали менять кассеты.

Габриэле не просто вываливала на стол кучу краденых документов, а предлагала готовые ответы, освобождая восточногерманских аналитиков от необходимости делать это самим.

Габриэле наотрез отказывалась от денег. Но главное управление разведки министерства госбезопасности ГДР автоматически открыло ей секретный счет в банке, на который ежемесячно переводилось от 700 до 1000 восточногерманских марок.

Затем сумма увеличилась. Рано или поздно ей придется перебраться в ГДР рассудил Вольф, и лучше, если у нее будет некий стартовый капитал.

Своим лучшим разведчикам Вольф платил четыре тысячи марок в месяц и даже больше. Один из его агентов в ФРГ за несколько лет успешной работы сумел накопить полмиллиона, но воспользоваться деньгами не сумел. Его арестовали. Это был коллега Габриэле — сотрудник Федерального ведомства по охране конституции, то есть западногерманской контрразведки.

Собственный корреспондент московского журнала «Новое время» в ГДР и Западном Берлине Николай Маслов, нарушая правила поведения советского человека за рубежом, заночевал у очаровательной медсестры по имени Рут Шиллер.

Жена Маслова с ребенком были дома в Москве. Николай чувствовал себя в Берлине уверенно и не захотел, выпив у Рут водки, возвращаться ночью в свою пустую квартиру.

Он познакомился с Рут Шиллер несколько месяцев назад, когда впервые за многие годы ему пришлось обратиться за медицинской помощью. Он ремонтировал машину и рассек кожу на руке. В хирургическом кабинете его встретила краснощекая пышка в белом халате.

Николай не преминул заглянуть на следующий день, чтобы сменить повязку, и наведывался в хирургический кабинет целую неделю, пока не получил позволения отвезти Рут домой.

Любвеобильная и неутомимая Рут жила одна и придерживалась более свободных взглядов, чем Николай предполагал. Самый приятный сюрприз ожидал его примерно через неделю после начала близкого знакомства. Родной брат Рут

— обер-лейтенант Вернер Шиллер — служил в главном разведуправлении ГДР.

Николай немедля изъявил желаннее ним познакомиться, чтобы совместить приятное с полезным.

Журналистом Николай Маслов стал недавно, когда приехал в Германскую Демократическую Республику в качестве корреспондента советского еженедельника, и был этим очень доволен. До этого Маслов работал в центральном аппарате первого главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР. Журналистское прикрытие высоко ценилось среди разведчиков.

Журналисты жили отдельно, в городе, а не в доме для советских дипломатов, где все друг за другом присматривали. И в течение дня журналист был волен делать то, что он считал нужным. Ему не надо было отпрашиваться у начальника, как это приходилось делать всем, кто работал в посольстве, консульстве, торгпредстве, представительстве «Аэрофлота», да и в любом другом советском учреждении.

Формально сотрудникам КГБ было запрещено вербовать агентуру среди граждан ГДР ЦК КПСС решил, что нельзя шпионить за братьями по Социалистическому лагерю. Всю информацию о положении в стране представительство КГБ получало официальным путем от местных коллег.

На самом деле Москва хотела знать больше того, что ей считали нужным сообщать немецкие товарищи. Но действовать надо было очень осторожно, чтобы у немцев не возникли подозрения.

Сотрудники представительства КГБ в Берлине вели себя очень дисциплинированно. Они исходили из того, что немцы за ними присматривают, и старались не сделать ни одного неосторожного шага. Но несколько сотрудников советской внешней разведки не были представлены в этом качестве немецким друзьям. Они находились в Берлине в основном под журналистским прикрытием и с особой миссией.

У Москвы на всякий случай было заготовлено оправдание — эти работники скрывали свою профессиональную принадлежность для того, чтобы с территории ГДР работать против общего врага — западников, приезжавших в Берлин. В реальности западники их совершенно не интересовали.

Веселый, жизнерадостный Николай Маслов понравился Вернеру Шиллеру, который, как всегда по пятницам, заехал проведать сестру. Маслов заметил, что на обер-лейтенанта произвела большое впечатление щедрость советского корреспондента.

Николай привез с собой кучу продуктов, выпивку и все это

выставил на стол.

В отличие от других советских офицеров он не мог пользоваться спецмагазином для сотрудников представительства КГБ, который создало хозяйственное управление МГБ ГДР.

Но Маслов и не жалел об этом, потому что лучшие продукты из этого магазина все равно забирали сами немцы, которые занимались снабжением представительства КГБ в ГДР всем необходимым. Тем более, что Маслов обладал редкой привилегией — он имел официальное право ездить я Западный Берлин, где и покупал того, чего не было даже в спецмагазине МГБ.

На предложение выпить Вернер долго отнекивался, а потом все-таки основательно набрался. Николай, привычный к большим дозам, отвез его домой. В следующую пятницу они опять собрались у Рут, и Вернер вновь с некоторым сожалением подсчитывал, в какую сумму обошлась Николаю выпивка.

Наконец, Николай сделал Вернеру деловое предложение:

— Хочешь, отвезу тебя в Западный Берлин за покупками?

Обер-лейтенант госбезопасности отмахнулся:

— Нам нельзя. Неужели не знаешь?

— Я отвезу тебя на нашей посольской машине. Ее никто не досматривает. Пройдемся по магазинам, зайдем в кино и назад.

— А откуда ты, интересно, возьмешь посольскую машину? — поинтересовался Вернер.

— У меня есть приятель, советник в посольстве. Он даст.

— Западные марки нужны, — со вздохом заметил Вернер. — Да где их возьмешь?

— Одолжу, — пообещал Николай. — Потом отдашь.

В субботу они рано утром свободно проехали через контрольно-пропускной пункт из Восточного Берлина в Западный — машины с дипломатическими номерами не проверялись. После обеда вернулись. Вернер накупил две сумки вещей и был счастлив.

Вечер они опять провели у Рут, которая радовалась, что Вернеру понравился Николай. Она даже строила про себя некие далеко идущие планы в отношении этого русского, который теперь проводил у нее почти все ночи.

Через две недели Вернер уже сам заикнулся насчет того, чтобы повторить набег на магазины Западного Берлина, и Николай охотно согласился, вновь снабдив Вернера свободно конвертируемыми западногерманскими марками.

После того, как Вернер побывал в Западном Берлине в третий раз и завел речь о покупке японского холодильника, Николай понял, что с хозяйственным немцем надо говорить напрямик.

В воскресенье они поехали втроем в загородный ресторан под

Берлином. После плотного ужина, оставив Рут доедать мороженое, Николай и Вернер вышли прогуляться.

— Вернер, ты мне должен почти три тысячи западногерманских марок, — сказал Николай.

Тот испуганно взглянул на журналиста. Сумма была слишком большой для обер-лейтенанта.

— Я сразу не смогу вернуть, — промямлил он.

Вернер вдруг понял, как он привык к красивой жизни, которую он вел на деньги советского журналиста.

Николай что-то насвистывал.

— Могу вообще тебе долг простить, — вдруг сказал он.

— Что я должен сделать? — спросил Вернер, трезвея.

— Помоги моему приятелю из посольства, который нам свою машину давал, — предложил Николай. — Я ему тоже кое-чем обязан.

— А что ему нужно?

Николай пожал плечами.

— Я в его дипломатических делах не очень разбираюсь. Но, как я понял, он занимается отношениями между ГДР и ФРГ. Как будто бы у вашей разведки появился какой-то замечательный источник информации в Западной Германии, но ваше начальство не желает им делиться. Как-то не по-товарищески. Словом, моему товарищу нужно знать, что это за человек?

— Но я об этом ничего не знаю, — честно ответил обер лейтенант.

— Если узнаешь что-нибудь, он всегда машину даст съездить в Западный Берлин, — заметил Николай.

Они вернулись в ресторан, и Николай заказал бутылку коньяка. Армянского не нашлось, принесли болгарскую «Плиску». Обер-лейтенанту Вернеру Шиллеру уже было все равно.

По глупости он решил выполнить просьбу щедрого советского друга и стал расспрашивать коллег относительно нового агента. Интерес был сочтен подозрительным, и об этом донесли министру Мильке. Он приказал установить за обер-лейтенантом Шиллером наружное наблюдение, которое установило факт частых встреч офицера МГБ с советским журналистом в отсутствие служебной необходимости, а также факт непозволительных интимных отношений между сестрой офицера госбезопасности и вышеупомянутым корреспондентом.

Каждый вторник после обеда на втором этаже мрачноватого облицованного мрамором здания ЦК Социалистической единой партии Германии в Восточном Берлине встречались два пожилых человека. Одним из них был Эрих Хонеккер, генеральный секретарь ЦК СЕПГ и председатель Государственного совета ГДР

Другим — генерал армии Эрих Мильке, член политбюро и министр госбезопасности.

После заседания политбюро они всегда оставались вдвоем, чтобы обсудить наиболее секретные и щекотливые проблемы.

Беседа проходила за тройным кордоном охраны — первая охраняла подъездные пути к зданию, вторая — вход в ЦК, третья — этаж, на котором сидели самые главные члены политбюро.

Когда генеральным секретарем был Вальтер Ульбрихт, Мильке второму секретарю Эриху Хонеккеру ничего не докладывал.

Мильке вообще долгое время скептически относился к Хонеккеру, себя считал более значительным деятелем рабочего движения.

Когда Хонеккер стал первым человеком в партии и на торжественных мероприятиях в узком кругу надо было произносить тост в его честь, Мильке первоначально имя Хонеккера опускал, говорил просто:

— Выпьем за нашего генерального секретаря.

Потом он привык к Хонеккеру, но продолжал ненавидеть его жену Марго.

С первого дня работы в министерстве госбезопасности Мильке собирал материалы на всех членов полит бюро. Он подозревал в сотрудничестве с гестапо и самого Хонеккера. Долгие годы Мильке исподволь старался выяснить, при каких обстоятельствах арестованный нацистами Хонеккер умудрился бежать из тюрьмы? Не был ли побег инсценированным и не согласился ли Хонеккер стать осведомителем нацистов в обмен на свободу?

Среди прочих дел в этот вторник министр Мильке сообщил генеральному секретарю, что советские товарищи нарушают все договоренности. Они прислали в Берлин сотрудника разведки под видом корреспондента не для того, чтобы работать против американцев, а для того, чтобы следить за деятельностью министерства государственной безопасности ГДР.

Мильке не позволял советским коллегам вмешиваться в его дела. Однажды представительство КГБ предупредило его о том, что, по данным советской разведки, западногерманская контрразведка следит за личным референтом канцлера ФРГ Гюнтером Гийомом, которого подозревает в работе на ГДР. Мильке заинтересовало только одно: а откуда Москва знает о Гийоме? Он не принял никаких мер, чтобы предупредить агента, и Гийома арестовали.

Министр доложил генеральному секретарю, что советский разведчик работает на территории дружественного

социалистического государства, используя грязные методы империалистических спецслужб — подкуп и шантаж.

Генеральный секретарь Эрих Хонеккер был возмущен и выразил готовность немедленно объясниться на сей счет с Москвой. Но Мильке сказал, что решит проблему собственными силами.

Разбаловавшийся Николай Маслов в очередной раз остался ночевать у любимой Рут, а утром поехал в посольство за свежими новостями. Новости были — и очень для него плохие. Его ждал разгневанный глава представительства КГБ в ГДР.

Рано утром советнику-посланнику советского посольства позвонил заместитель министра государственной безопасности ГДР Генерал был встревожен:

— Вы знаете, как мы стараемся оградить советских товарищей от всех неприятностей. Но тут произошла странная история, и мы просто не знаем, как нам быть. Мне только что доложили, что этой ночью патруль народной полиции обнаружил брошенную машину с номерами, которые мы выделили для советских товарищей. Это машина корреспондента московского еженедельника «Новое время» Маслова. Машина всю ночь простояла совсем не в том районе, где он живет. Сначала полиция заподозрила, что машину угнали. Позвонили Маслову домой, но никто не ответил. Возникла версия, что с вашим корреспондентом что-то случилось. Но утром он вышел из этого дома, где, как мы установили, не живет никто из советских товарищей, сел в машину и уехал. Пожалуйста, поймите нас правильно: ваш товарищ может ночевать там, где ему нужно. Просто своевременно сообщайте нам о переменах местожительства ваших людей. И если товарищ Маслов теперь будет ночевать в этом доме, мы и там позаботимся о его покое и безопасности.

Министр Мильке знал, как действовать. Нарушение правил поведения советского человека за границей было непростительным проступком и могло разрушить любую карьеру.

Министр Мильке знал, что советскому разведчику разрешено вступать в интимные отношения с иностранкой только с личного разрешения председателя КГБ и только в оперативных целях. В системе госбезопасности ГДР действовали такие же строгие правила.

— Нам тут бабники не нужны! — орал глава представительства КГБ на майора Маслова. — Собирай вещи и катись в Москву! Там тебе объяснят, как должен себя вести чекист!

Глава представительства знал, что Маслов сумел установить оперативный контакт с офицером МГБ ГДР Ради этого Маслову

можно было разрешить спать с кем угодно. Но раз Маслов оказался таким дураком, что позволил себя засечь, то помочь ему нельзя. В разведке законы жестокие — один раз провалился, и конец карьере.

В принципе глава представительства мог бы, конечно, вступиться за своего офицера, но понимал, что делать этого не следует. Ссориться с немцами нельзя — этот урок он извлек из опыта своего предшественника, при котором тоже произошла сходная история.

Полиция ГДР задержала одного из офицеров КГБ, пытавшегося разузнать то, что немцы старались держать в секрете. Глава представительства пытался офицера защитить, сообщил в Москву, что генеральный секретарь Хонеккер занял недоброжелательную позицию в отношении советских товарищей.

Но ничего у него не вышло, потому что кто читал его телеграммы? Члены коллегии КГБ, максимум Юрий Андропов. А Хонеккер просто позвонил Брежневу, и генералу в тот же день велели сдавать дела и возвращаться на родину.

Майор Николай Маслов улетел в Москву, не попрощавшись с Руг Шиллер, которая так никогда и не узнала, почему так внезапно исчез ее русский любовник.

Ее браг Вернер Шиллер мог бы ей кое-что объяснить, но он был занят устройством собственной судьбы.

В парткоме министерства государственной безопасности ему прокрутили магнитофонную запись его разговоров с советским корреспондентом.

В сотрудничестве с советским товарищем его никто обвинить не смел. Но доложить о знакомстве с иностранным журналистом он был обязан. Каждый поступавший на службу в органы госбезопасности давал обещание докладывать обо всех «изменениях в личной жизни и жизни своих родственников», а также выбирать друзей и жен в соответствии с «требованиями политики в области кадров».

Главное же преступление обер-лейтенанта состояло в том, что он побывал на вражеской территории — в Западном Берлине, не получив на то разрешения. За такой проступок срывали погоны и отбирали партбилет.

Секретарь парткома министерства велел Шиллеру готовиться к партийному собранию, которое будет разбирать его проступок.

Привычки советских властей министр Мильке знал лучше, чем психологию своих соотечественников. С Шиллером он промахнулся.

Обер лейтенант госбезопасности и член Социалистической единой партии Гёрмании Вернер Шиллер решил, не дожидаясь

партийного собрания, убежать из ГДР. Ему был тридцать один год, и он сообразил, что переход в ФРГ' обеспечит его на всю жизнь.

Шиллер устроил свое будущее самым простым способом. Незадолго до полуночи он с небольшим чемоданом явился на берлинский вокзал наземной городской железной дороги и подошел к служебному проходу на территорию Западного Берлина, где находился особый пост госбезопасности. Этим проходом пользовались делегации немногочисленной коммунистической партии из ФРГ, приезжавшие в ГДР в гости и на партийные съезды, а также люди из министерства госбезопасности, чтобы не проходить обычный паспортный контроль.

Показав на ходу служебное удостоверение МГБ, обер-лейтенант Шиллер перебрался из социализма в капитализм. Он небрежно объяснил постовому, что выполняет приказ начальства — передать багаж нужному человеку, и оказался в Западном Берлине. Здесь он пришел в американскую комендатуру и попросил вызвать кого-нибудь из офицеров военной разведки. Выяснив, кто он такой, американцы, не ожидая, пока в ГДР узнают о побеге обер-лейтенанта, посадили его на армейский самолет и вывезли в ФРГ.

Допросив его основательно, американцы передали обер-лейтенанта западным немцам.

Вернер Шиллер многое смог рассказать о том, что происходит внутри «народного предприятия «Подслушай и Хватай» — так восточные немцы называли министерство госбезопасности.

С собой Шиллер притащил целый чемодан документов — все, что ему удалось похитить из служебного сейфа. Кроме того, он заодно опознал на случайно сделанной фотографии своего недавнего начальника генерала Маркуса Вольфа.

Вольф любил ездить за границу. Ему нравилось самому встречаться с агентами, и кроме того, он не испытывал отвращения к буржуазной роскоши.

Однажды Вольф со своим дипломатическим паспортом на чужое имя приехал в Швецию. Он использовал эту возможность и для того, чтобы вывезти за границу свою третью жену, на которой женился за год до этого, а заодно купить кое-что для новой квартиры и посетить порноклуб.

Генерал жил неделю на квартире, которую ему снял резидент восточногерманской разведки, и несколько раз встречался со своим агентом — баварским депутатом от социал-демократов Фридрихом Кремером, который и не подозревал о том, что

разговаривает с самым главным восточногерманским разведчиком.

Вольф умел беседовать с людьми, которых он хотел использовать, так, что им и в голову не могло прийти, что их превращают в агентов.

Шведская контрразведка сфотографировала его в Стокгольме во время встречи с депутатом Кремером. Вернее, шведы даже не знали, кто именно изображен на снимке. Это была рутинная съемка непонятных и сомнительных иностранцев. Снимки шведы передавали коллегам. Теперь фотографию показали обер-лейтенанту Шиллеру…

После того, как Шиллер его опознал, фотографию начальника разведки ГДР широко распространили в странах НАТО, и Маркус Вольф лишился возможности бывать на Западе. Ему пришлось отказаться от выездов на «поле боя.» Теперь его поклонница Габриэле приезжала к нему в ГДР.

Беглый обер-лейтенант Вернер Шиллер упомянул среди прочего и о том, что у Маркуса Вольфа появился ценный источник информации в ФРГ и, скорее всего, это женщина.

Шиллера подробно допросил сотрудник западногерманской контрразведки Ханс-Иоахим Тидге, который специально занялся этим делом.

Тидге заслуженно считался в контрразведке профессионалом высокой квалификации, одаренным поразительной памятью на фамилии, факты, цифры, лица. Он со хранил спокойствие в стрессовых ситуациях и ценился начальством за способность генерировать идеи.

Он также умел угождать начальству. Например, одному из своих руководителей он возил домой джем собственного изготовления ведрами.

Ханс-Иоахим Тидге, правда, любил выпить и не был чужд другим удовольствиям. Коллеги порицали его зато, что он совершенно не занимался семьей. Он упустил дочерей и запустил свой сад. Он напивался в пивных, где к нему относились с уважением, потому что он мог выпить двадцать кружек пива и несколько порций шнапса. У него были свои любимые места — «В уютном уголке», «Охотничий двор». Если ему не хватало денег, чтобы расплатиться, ему наливали в долг.

Тидге поступил в Ведомство по охране конституции в 1966 году и быстро поднимался по служебной лестнице. Он работал в отделе контрразведки, сначала в секторе 1УВ4 (борьба с советским шпионажем), затем возглавил сектор УВ2 (проверка надежности тех, кому предоставляется гражданство). Это ему поручили установить ущерб, нанесенный ФРГ самым известным

восточногерманским шпионом — Гюнтером Гийомом.

В 1981 году Тидге выдвинули на главное направление — он возглавил сектор 1УВ6 (противодействие разведке ГДР). Иначе говоря, Тидге стал личным противником генерала Вольфа. В подчинении у Тидге было больше ста человек.

Тидге не любил работать методически, по крохам собирать информации, он предпочитал стремительные действия, молниеносные ответные меры, требовал активности от легального и нелегального загранаппарата.

Он все знал, и ему обо всем сообщали. Он добивался успеха, потому что никогда себя не жалел. Никто не сомневался в том, что если перебежчик прав и у Вольфа действительно появилась новая женщина-агент в ФРГ то уж Тидге ее точно найдет.

Бегство обер-лейтенанта Шиллера дорого обошлось Вольфу. Его начальник — министр государственной безопасности Эрих Мильке, член политбюро и второй по значению человек в Восточном Берлине, не только устроил обязательное в таких случаях разбирательство, но и публично высек Вольфа за потерю бдительности. Министр Мильке не мог упустить такой удобный случай поставить Вольфа на место.

Все дело в том, что Мильке и Вольф когда-то были соперниками.

Разведка ГДР возникла как самостоятельное учреждение под руководством старого коммуниста Антона Аккермана, кандидата в члены политбюро, уважаемого человека, который воевал в Испании, а затем был политэмигрантом в Москве.

В декабре 1952 года генеральный секретарь ЦК Вальтер Ульбрихт сказал Вольфу, что назначит его начальником разведки и подчиняться он будет напрямую самому Ульбрихту.

Тогдашний министр госбезопасности и член политбюро Вильгельм Цайссер нисколько не возражал против самостоятельного положения Вольфа. Более того, он сам рекомендовал Вольфа на пост начальника разведки.

Цайссер в свое время вступил в Союз Спартака и участвовал в восстании 1923 года. После подавления восстания бежал в Советский Союз. Работал на советскую военную разведку в Китае. В Испании командовал XIII интернациональной бригадой под псевдонимом «генерал Гомес».

Будущий министр Эрих Мильке был тогда еще статс-секретарем, то есть заместителем министра госбезопасности, и хотел создать собственную разведслужбу. Для него сепаратное управление разведки Вольфа было конкурирующей фирмой. Но в тот момент он поделать ничего не мог. По должности они были равны, и Вольф старшинства за Мильке не признавал, потому что

в ЦК Вольфа ценили больше.

Мильке решительно пошел вверх после восстания в Берлине летом 1953 года, которое могло смести ГДР, если бы не вмешалась Советская Армия.

Весь Берлин в последние месяцы войны подвергался массированным бомбардировкам и артобстрелам. Но в западном секторе, который находился под контролем США, Англии и Франции, в начале 50-х годов руины были расчищены, старые здания реконструированы, появились новые дома. Первые этажи приспосабливались под магазины, кафе и рестораны, которые открывались одно за другим.

А в восточном секторе Берлина, который стал столицей ГДР не было ничего нового, что радовало бы глаз. За исключением строившихся на аллее Сталина домов для номенклатуры.

Восточный Берлин казался серым и захламленным Машин было совсем немного. Восточный Берлин походил на провинциальный советский город. В лучших зданиях разместились партийные комитеты и министерства. Хорошо одетых людей почти не было видно. Толпа сливалась в скучную серовато-бурую массу. За продуктами выстраивались длинные очереди. Магазины пустовали.

В Западном Берлине жизнь становилась лучше, в Восточном — оставалась тоскливо-безнадежной. Люди постепенно перебирались из восточного сектора Берлина в западный. Власти ГДР не могли этому помешать. Берлинской стены еще не было. А метро и городская железная дорога функционировали исправно. За пятнадцать минут по городской железной дороге можно было из Восточного Берлина доехать до Западного.

Власти ГДР копировали советскую политику. Копия оказалась хуже оригинала. В Восточном Берлине торопились с коллективизацией, прижимали мелких ремесленников, повышали нормы выработки на заводах и цены на продовольствие. Все это вызывало возмущение.

В те времена советский командировочный запросто мог услышать злобное шипение за спиной: «Русская свинья!»

В Восточной Германии не очень любили советских товарищей. Многие восточные немцы были уверены, что русские все вывозят из страны, поэтому ГДР так плохо живет.

После смерти Сталина начались неясные перемены. И в Москве, и в Восточном Берлине клялись продолжать дело Сталина, но на самом деле шла большая игра — борьба за власть требовала от наследников каких-то действий, в том числе и на публику.

Три человека, казалось, встали у руля в Кремле: Георгий

Маленков, Вячеслав Молотов и Лаврентий Берия. Они хотели как-то показать себя — стране и миру. В Кремле завели разговоры о необходимости новой линии в отношении стран народной демократии, которым не обязательно во всем повторять пример Советского Союза.

В начале июня 1953 года в Москву вызвали из ГДР генерального секретаря Вальтера Ульбрихта, главу правительства Отто Гротеволя и члена политбюро Фреда Эльснера.

Новое советское руководство потребовало от них сменить курс: приостановить ускоренное строительство социализма в Восточной Германии, развивать не тяжелую промышленность, а легкую, прекратить борьбу с церковью, не давить на крестьян, ремесленников и среднее сословие.

Вернувшись в Берлин, делегация доложила политбюро, что в Москве грядут большие перемены.

— Курс изменится не только в отношении ГДР — рассказывал Фред Эльснер. — Товарищу Ульбрихту трудно примириться с новой линией, но он еще подтянется.

По указанию Москвы Восточный Берлин признал некоторые ошибки. Немецким крестьянам, которые, спасаясь от коллективизации, ушли на Запад, разрешили вернуться на свои фермы. Всех остальных бежавших тоже приглашали вернуться и получить назад свою собственность. Те, кто по политическим мотивам был лишен продовольственных карточек, мог вновь их получать. Обещано было снизить стоимость проезда на трамвае, отменялось повышение цен на джем, искусственный мед, кондитерские изделия. Школьники, исключенные из школы по причине чуждого социального происхождения, получали право вернуться за парты.

По эти меры восточных немцев не успокоили. Раз власть признает свои ошибки, она должна уйти в отставку, так думали восточные немцы.

Власть в отставку подавать не собиралась, и тогда недовольство выплеснулось на улицы.

31 мая рабочие завода в Нидер-Зейдлице устроили двухчасовую забастовку в знак протеста против увеличения норм выработки на десять процентов. 3 июня забастовщики на заводе в Эйслебене принудили дирекцию завода отказаться от намерения увеличить нормы выработки на 12 процентов. 10 июня две тысячи рабочих-металлистов на окраине Восточного Берлина организовали забастовку и добились отмены увеличенных норм выработки. 13 июня такую же забастовку провели рабочие машиностроительного завода «Абус».

Руководство ГДР не знало, что делать. Против новой власти

восстали рабочие, опора власти!

Вдохновленный беседами в Москве, Фред Эльснер выступил на заседании политбюро ЦК СЕПГ с большой речью:

— Два года я молчал, сегодня я намерен высказать все, что думаю.

Он назвал причины кризиса в ГДР: диктатура генерального секретаря Ульбрихта, воспитание угодливости и страха в партии.

Сам Вальтер Ульбрихт и присутствовавший на заседании политбюро Владимир Семенов, который совмещал должности советского верховного комиссара в Германии и посла СССР в ГДР были совершенно ошарашены.

Москва и Берлин обменялись послами сразу же после провозглашения ГДР, но подлинной властью обладал советский верховный комиссар. Чтобы избежать двоевластия, Владимир Семенов занимал обе должности.

Посол Семенов с изумлением наблюдал за дискуссией и лихорадочно записывал, кто что говорил, хотя ему сразу после расшифровки присылались протоколы всех заседаний.

Завершая заседание политбюро, Семенов сказал, обращаясь к Ульбрихту:

— Да, товарищ Ульбрихт, мне кажется, вам следует сделать серьезные выводы из этой очень основательной критики в ваш адрес со стороны политбюро.

Казалось, что дни Ульбрихта сочтены. Политбюро ожидало, что Москва разрешит его сместить.

17 июня тоже должно было собраться политбюро, но вместо этого посол Семенов вызвал все партийное руководство к себе в Карлсхорст, в штаб советской военной администрации.

Лидерам ГДР пришлось проехать по улицам, заполненным возбужденными толпами. Автомобили членов политбюро мчались с большой скоростью одна за другой. Из толпы партийным руководителям грозили кулаками. В Восточном Берлине началось восстание, которое быстро перекинулось и на другие города.

Первыми восстали строители, которые на Сталин-аллее возводили дома для начальства. На рассвете 16 июня 195.3 года восемьдесят строителей запротестовали против «русских потогонных методов» работы и сокращения заработной платы.

Строители шли по направлению к зданию правительства в центре города и скандировали рифмованный призыв: «Друзья, в одну шеренгу с нами! Мы не желаем быть рабами».

По дороге к ним примкнули еще сотни рабочих, домохозяек. Трамваи останавливались, и водители, кондукторы и пассажиры вливались в ряды демонстрантов. С каждым кварталом колонна увеличивалась.

Впереди шагали шестеро великанов — подносчики кирпича в кожаных фартуках. Колонна повернула к ремонтировавшемуся зданию оперного театра. Бросили свою работу еще пятьсот строителей. Студенты из университета Гумбольдта покинули аудитории, чтобы тоже принять участие в демонстрации.

Колонна победно прошла мимо советского посольства на Унтер-ден-Линден и по Вильгельм-штрассе направилась к зданию Совета министров. Численность колонны достигла четырех-пяти тысяч.

Охранявшие правительственное здание часовые отступили во двор и закрыли железные ворота.

Толпа кричала:

— Мы хотим видеть Гретеволя! Мы хотим видеть козлиную бородку!

«Козлиной бородкой» называли Вальтера Ульбрихта.

Ни премьер-министр народного правительства Отто Гретеволь, ни генеральный секретарь рабоче-крестьянской партии Ульбрихт к рабочим не вышли.

Вместо них появился министр сталелитейной промышленности Фриц Зельбман. Он залез на стол, вынесенный из здания, и попытался произнести речь.

Но слушать его не стали. Министра стащил со стола один из подносчиков кирпича по имени Ганне, раздетый до пояса. Он сам залез на стол и произнес речь. За ним выступила молодая девушка, потом домашняя хозяйка, жаловавшаяся на высокие цены.

Толпа двинулась дальше. Полиция пыталась ее остановить, но безуспешно. Люди, взявшись за руки, упорно шли вперед. Машина с репродуктором уговаривала их разойтись, поскольку решение о повышении цен уже отменено. Рабочие захватили машину и стали скандировать антиправительственные лозунги.

Вечером пошел сильный дождь. Но группы людей стояли на перекрестках или обсуждали происходящее в пивных. Улица вышла из повиновения. К вечеру забастовка охватила весь Восточный Берлин, на следующий день превратилась в общенациональное восстание.

С раннего утра жители Восточного Берлина пошли к зданию принадлежавшей американцам радиостанции РИАС в Западном Берлине, которая была главным источником информации для восточноберлинцев. Множество людей из восточной зоны проникали в это здание и рассказывали то, что им известно. Некоторые даже приносили с собой секретные документы. РИАС сообщала о решениях, принимавшихся в Восточном Берлине, и о всех случаях сопротивления властям.

С 16 июня 1953 года информационные передачи РИАС велись беспрерывно. Все музыкальные и развлекательные программы были отменены. Радио призывало восточных немцев «использовать беспомощность и неуверенность властей».

Немцы устроили демонстрации на улицах двухсот городов и поселков. Они сжигали красные знамена и портреты Сталина, открывали тюрьмы, освобождая заключенных. Полиция бессильно взирала на колонны демонстрантов, которые шли с лозунгами «Мы хотим свободных выборов!» В девять часов утра в Магдебурге колонна прошла к центру города. Демонстранты вошли в семиэтажное здание Союза свободной немецкой молодежи и выбросили из окна портреты Сталина, Отто Грете-воля и Вальтера Ульбрихта.

На вокзале они сорвали объявление с надписью «Межзональная проверка документов» и заявили, что никакой проверки документов у тех, кто приезжает из западной части Германии, не будет, Германия — едина.

Демонстранты решили приветствовать пассажирский поезд из Кельна как символ единства Западной и Восточной Германий.

Несколько полицейских пытались вмешаться, но их разоружили, винтовки разбили, а полицейских заперли в их комнате.

Пассажиры, прибывшие из Кельна, увидев, что происходит, стали раздавать восточным братьям шоколад, сигареты, печенье и фрукты.

А когда прибыл местный поезд, демонстранты обошли все вагоны и предложили пассажирам снять значки членов Социалистической единой партии Германии и значки общества советско-германской дружбы.

Потом появился поезд с прицепленным к нему вагоном для заключенных. Охрану разоружили. Просмотрев документы арестованных, демонстранты пришли к выводу, что все это политические заключенные, поэтому их всех выпустили, вручив каждому его тюремное дело.

Затем толпа двинулась к городскому полицейскому управлению. Было около часа дня. Там собралось уже много людей, которые пытались взломать ворота. С крыши здания толпу обстреляли. Когда вокруг здания собралось уже почти двадцать тысяч человек, появилось десять советских танков и столько же бронетранспортеров. Они врезались в толпу, но разогнать ее не смогли. Затем появилась рота советской пехоты. Она с толпой справилась.

А в Восточном Берлине пригласивший к себе членов политбюро советский посол Владимир Семенов был подчеркнуто

любезен, но в его словах слышалась ирония:

— Москва только что распорядилась ввести чрезвычайное положение. Так что этот гвалт теперь быстро кончится.

Советские военные и офицеры госбезопасности, которым была поручена операция по наведению порядка, задавали возмущенные вопросы министру безопасности Вильгельму Цайссеру:

— Как это вообще могло произойти? Такие вещи не происходят в один день, значит, у них была какая-то организация. Почему вы о ней ничего не знали?

Члены политбюро ЦК СЕПГ тоже хотели знать, как это все случилось. Но они хотя бы частично винили и себя. Только один генеральный секретарь Вальтер Ульбрихт с самого начала заявил, что восстание — дело рук «фашистских провокаторов».

17 июня с утра забастовщики в Берлине останавливали автомобили, в которых направлялись на работу чиновники. вытаскивали их из авто, срывали с них партийные значки, машины поджигали. Полицейские не показывались.

Рабочие толпились возле ворог своих заводов, но к работе не приступали, митинговали, потом шли к центру города.

Внушительным был марш четырех тысяч рабочих Кеннингсдорфского металлургического завода. Они шли сплоченными шеренгами по восемь человек в ряд, в промасленных комбинезонах и кепках. Моросил дождь, вода стекала с их лиц. Многие были босиком или в башмаках на деревянной подошве. Они прошли почти двадцать километров. Их приветствовали тысячи людей, им выносили бутерброды и сигареты.

Шесть тысяч железнодорожников тоже пришли в центр. Трамваи, автобусы и метро не работали.

Около полудня почти пятьдесят тысяч немцев собрались на площади Люстгартен, переименованную в площадь Маркса и Энгельса. И тогда на демонстрантов устремились советские танки. Советские солдаты действовали очень дисциплинированно: стреляли только в случаях необходимости.

Немцы бросали камни в танки, заталкивали бревна в гусеницы, засовывали кирпичи в дула орудий, срывали радиоантенны. Но когда заговорили танковые пулеметы, демонстранты разбежались.

Войска быстро подавили восстание.

Военное положение, введенное советским командованием по всей Восточной Германии 17 июня, сохранялось 24 дня и было отменено в воскресенье 12 июля.

Через три недели после восстания члены политбюро ЦК СЕПГ

на ночном заседании потребовали отчета от генерального секретаря Вальтера Ульбрихта.

Присутствовало тринадцать человек. Из них только двое не потребовали от генерального секретаря уйти в отставку — секретарь ЦК по кадровым вопросам Герман Матерн и кандидат в члены политбюро Эрих Хонеккер, вождь комсомола. Остальные считали, что Ульбрихт должен уйти.

Заседание было столь драматическим, что у обер-бургомистра Восточного Берлина Фридриха Эберта, сына предвоенного президента Германии, даже выступили слезы на глазах.

Элли Шмидт говорила об «угрызениях совести». Она ругала себя зато, что «приукрашивала события, приукрашивать которые было преступлением».

— Вся атмосфера нашей партии проникнута ложью, — с негодованием говорила она. — Самонадеянность, нечестность, отрыв от народных масс и их забот, угрозы в отношении недовольных и хвастовство — все это завело нас слишком далеко. За это на тебе, дорогой Вальтер, лежит самая большая вина, а ты не хочешь признать, что без нашего вранья не было бы и событий 17 июня!

Секретарь по идеологии Антон Аккерман, имевший репутацию честного и откровенного человека, кричал Ульбрихту:

— Многие годы я поддерживал тебя, Вальтер, несмотря на то, что я видел. Я долго молчал, потому что помнил о дисциплине, потому что на что-то надеялся, потому что боялся! Сегодня я преодолел все это.

После того, как участники заседания политбюро выпустили пар, премьер-министр Отто Гретеволь, бывший глава социал-демократической партии, объединившейся с коммунистами, прямо обратился к Ульбрихту:

— Ты слышал мнение товарищей. Может быть, ты хочешь высказаться?

Кандидат в члены политбюро Рудольф Херрнштадт, главный редактор центрального партийного органа, обратился к Ульбрихту:

— Не лучше ли тебе, Вальтер, передать кому-нибудь другому непосредственное руководство партийным аппаратом? Мне кажется, это помогло бы преодолеть определенные слабости нашего аппарата, избавить его ориентации на одну личность, от вассальной преданности, угодничества, подавления критики и от склонности приукрашивать положение дел в партии и в стране.

Рудольф Херрнштадт составил проект решения пленума ЦК, в котором говорилось: «Если рабочие массы не понимают партию,

то виновата партия, а не рабочие массы. Исполненный решимости железной рукой защитить интересы рабочего класса против фашистской провокации, Центральный Комитет вместе с тем отдает себе отчет в том, что партии надлежит незамедлительно пересмотреть свой подход к рабочим массам».

Херрнштадт предложил расширить секретариат ЦК, чтобы секретари обрели самостоятельность и чтобы генеральный секретарь перестал ими командовать. Херрнштадт предложил включить в секретариат только тех, кто, как он выразился, «мог бы, если понадобится, унять тебя, Вальтер».

Кандидат в члены политбюро Херрнштадт и член политбюро министр государственной безопасности Вильгельм Цайссер уже дна года демонстрировали спою оппозицию диктаторскому поведению Ульбрихта и ратовали за его свержение.

Херрнштадт в 1929 году вступил в компартию и практически одновременно начал работать на советскую военную разведку.

В Варшаве он завербовал советника германского посольства Рудольфа фон Шелиха, который за деньги согласился передавать ему секретную информацию. В 1939 году фон Шелиха перевели из Варшавы в информационный отдел германского МИД, что повысило его ценность как агента. Херрнштадт завербовал его с помощью своей любовницы, которая сама тоже сумела поступить на службу в министерство иностранных дел Германии.

Во время войны он жил в Советском Союзе, участвовал в создании «Национального комитета Свободная Германия», разрабатывал план передачи власти в советской зоне оккупации коммунистам. Херрнштадт всегда был убежденным коммунистом, склонным к идеализму.

На том заседании политбюро Ульбрихт затаился. Он ждал, что решит Москва: заставит его уйти или разрешит остаться.

Москва не захотела менять Ульбрихта. Тогда он получил возможность расправиться с бунтовщиками.

Ульбрихт исключил Цайссера и Херрнштадта из полит бюро и ЦК, а чуть позже и из партии.

Созвав пленум ЦК, Ульбрихт сказал:

— Теперь все стало ясно. Раскольническая деятельность Цайссера и Херрнштадта делает невозможной их работу в политбюро и ЦК. Партия и страна находились в смертельной опасности, потому что враждебная партии фракция предприняла попытку внутрипартийного путча. Только благодаря вмешательству проверенных и закаленных в классовых боях товарищей заговор путчистов был разоблачен, партия и страна спасены.

Убирая Цайссера с ключевого поста министра

государственной безопасности, Ульбрихт обратил внимание на Эриха Мильке, который демонстрировал безграничную верность генеральному секретарю.

Но новым министром по сонету Москвы назначили все же не Мильке, а еще одного старого коммуниста — Эрнста Вольвебера.

Вольвебер имел кличку «красный матрос», потому что он участвовал в восстании матросов в Киле в 1918 году. Накануне прихода нацистов к власти Вольвебер был одним из организаторов готовившегося коммунистами вооруженного восстания.

Он был мрачен, с пивным брюшком. Его немного сторонились. На приемах в советском посольстве Вольвебер выпивал три больших фужера «столичной», закуривал сигару и только после этого вступал в беседу.

Ловкий Мильке сумел быстро избавиться и от Вольвебера, несмотря на все его заслуги перед партией. Мильке был очень исполнителен, аккуратен. Он был служакой, который верно служил своему хозяину — пока не свергал его.

Он воспользовался проверенным методом — обвинил своего министра в создании «антипартийной фракции Карла Ширдевана — Эрнста Вольвебера».

Член политбюро Карл Ширдеван, заведовавший кадровым отделом ЦК, в эмиграции не был, поэтому меньше других пропагандировал ценный советский опыт и, напротив, чаще призывал к утверждению в партии демократических начал. При этом он наивно попытался обратиться за помощью к Москве. Его даже тайно привозили на встречу с советским послом. Но в Москве опять же не хотели расставаться с Ульбрихтом и восставшего Ширдевана оставили генсеку на съедение.

Всю операцию по изгнанию двух членов политбюро провел статс-секретарь министерства госбезопасности Эрих Мильке, который не упустил шанса угодить Ульбрихту и стать министром.

Ширдеван дружил с одним профессором, с которым они вместе сидели в концлагере Заксенхаузен. Этот же профессор поддерживал добрые отношения с западногерманским политиком, которого Ульбрихт считал английским шпионом.

Мильке доложил руководителю партии, что Ширдеван через профессора выдает секретные сведения британской разведке, а министр Вольвебер его покрывает. Этого было достаточно, чтобы убрать и того, и другого.

На пленуме ЦК Карла Ширдевана исключили зато, что он «искажал роль партии в рабоче-крестьянском государстве» и «недооценивал вражескую подрывную деятельность». А министра Вольвебера сняли за потерю бдительности. Эта кадровая операция

в газетах ГДР именовалась «разоблачением оппортунистической группы».

После пленума Эрих Мильке достиг вожделенной цели — стал министром. Между делом он убил еще одного зайца — добился у Ульбрихта разрешения подчинить себе разведуправление Маркуса Вольфа.

И для начала министр Мильке на партийном активе строго отчитал своего нового подчиненного Вольфа за недооценку западного идеологического проникновения.

Министр госбезопасности Эрих Мильке разведку в принципе не уважал, подозревал разведчиков в том, что они готовы продаться врагу, и считал только контрразведку нужным делом. Он исходил из того, что надо неустанно находить и уничтожать внутреннего врага, а что там происходит за границей — это, в конце концов, не так важно.

Когда Мильке стал министром, ему сразу не понравилось, что Вольф, который очень оберегал интересы своего ведомства, ведет себя слишком самостоятельно и не во всем перед ним отчитывается.

Мильке не любил Вольфа и не доверял ему. За Вольфом следили, и его телефон прослушивали. Мильке хотел спихнуть Вольфа, но против были Ульбрихт и советские коллеги, которые очень хвалили Маркуса Вольфа.

Со временем Мильке смирился и тоже стал ценить Вольфа, увидев, что его успешная работа приносит дивиденды и самому министру.

Маркус Вольф прекрасно использовал уникальную возможность заслать как можно больше агентов в Западную Германию вместе с потоком людей, бежавших из ГДР.

Вольф отправлял в Западную Германию под видом беженцев молодых парией и девушек, которые не вызывали ни малейшего подозрения в ФРГ. У них были годы, чтобы прижиться и найти подходящее место, только после этого они начинали работать на Вольфа.

Другой любимый прием Вольфа состоял в том, чтобы с помощью по-своему талантливых молодых людей вербовать одиноких секретарш. Эти молодые люди точно знали, что именно нужно этим обездоленным женщинам.

Истории с секретаршами можно было смело заносить в учебники разведывательного искусства.

Например, некая уже не юная дама по имени Соня Люнебург работала в аппарате Свободной демократической партии, которая вошла в правительственную коалицию ФРГ и участвовала в формировании правительства. Когда ее шеф стал министром

экономики, Соня получила доступ ко всем секретным документам.

В министерстве очень любили «тетю Соню». И только после ее бегства в ГДР выяснилось, что настоящая Соня Люнебург была парикмахером в Западном Берлине и вела веселый образ жизни. Она часто ездила к своей сестре в Восточный Берлин. После одной из поездок в 1966 году она вдруг заявила, что переезжает во Францию.

Через год Соня так же внезапно вернулась в ФРГ. Но на самом деле это уже была другая женщина. С документами Сони в Западную Германию прибыла агент Вольфа.

Еще одна солидная дама по имени Эльза была секретарем в министерстве обороны. Все знали, что в 1951 году она переехала из ГДР к своему брату в Западную Германию.

Но хорошо устроиться ей не удалось, и через два года она сказала всем, что уезжает в Швейцарию, где нашла приличное место. Но на самом деле она вернулась в ГДР Через одиннадцать лет с ее документами в ФРГ — через Канаду — приехала совсем другая женщина.

Успешно проработав двадцать с лишним лет, она убежала назад в ГДР Вместе с ней исчез ее сожитель, который работал курьером в том же министерстве обороны…

Восточные немцы недолюбливали госбезопасность в целом, но гордились своей разведкой: «У нас не только лучшие спортсмены, но и лучшие разведчики».

Эриху Мильке даже нравилось иметь в подчинении такого интеллигента, но за контактами Вольфа вне министерства Мильке следил очень ревниво.

В принципе все заместители министра госбезопасности по очереди дежурили в субботу и воскресенье, и в эти дни к ним поступала информация из всех подразделений министерства, так что они знали и о том, что делалось за пределами своего круга обязанностей. Дежурили все, кроме заместителя министра Маркуса Вольфа. Его Мильке к дежурствам не подпускал.

И на коллегиях министерства, на которых Вольф не мог не присутствовать, принимались исключительно формальные решения. Важные дела Эрих Мильке обсуждал у себя в кабинете — и без Вольфа.

Председатель Совета министров ГДР Вилли Штоф не любил министра Мильке и не одобрял его действия. Штоф невзлюбил Мильке потому, что министр не захотел поддержать его против генерального секретаря Хонеккера.

Штоф постоянно предупреждал Москву, что Хонеккер националист, что он думает только о том, как наладить связи с

Западной Германией, и что из-за него отношения между ГДР и СССР неминуемо ухудшатся.

Доверенные люди Штофа часто беседовали на сей счет с советским послом и с главой представительства КГБ, были вполне откровенны и фактически обращались к Москве с просьбой помочь сменить генерального секретаря, но Москва не откликалась. Аппарат председателя Совета министров постоянно передавал в посольство и представительство КГБ различные секретные материалы — для того, чтобы показать гибельность линии Хонеккера.

Мильке об этом знал и сообщал Хонеккеру, который несколько раз пытался отправить Вилли Штофа в отставку. Но Москва не хотела нарушать баланс сил в политбюро ЦК СЕПГ и не позволяла Хонеккеру избавиться от Штофа. Советских руководителей устраивала такая ситуация в руководстве ГДР, при которой все члены политбюро вынуждены были за помощью и советом обращаться к Москве.

На заседании политбюро Мильке доложил, что его люди «примут меры» к предателю — бывшему обер-лейтенанту госбезопасности Шиллеру, который перебежал в ФРГ.

Вилли Штоф не решился возразить. Но отправил своего секретаря в Бонн к статс-секретарю министерства внутригерманских отношений с сообщением: Западная Германия должна получше охранять Шиллера — команда убийц из МГБ уже отправилась в дорогу, чтобы ликвидировать перебежчика, который опозорил госбезопасность.

Шиллер после бегства был заочно приговорен в ГДР к смертной казни. За его захват была обещана премия в миллион марок.

Мильке всегда держал наготове весь сумасбродный арсенал спецслужб — профессиональных убийц, отравителей, специалистов по несчастным случаям и похищениям. Перебежчики из ГДР получали время от времени зловещее предупреждение: «Мы найдем тебя везде».

Мильке на совещаниях иногда говорил: «Что-то тихо вокруг Шиллера». Это означало, что следовало возобновить поиски предателя и одновременно отправить пару предупреждений в западногерманские газеты, чтобы попугать бывшего обер-лейтенанта.

Шиллера, сменившего имя и получившего новые документы, западные немцы спрятали очень надежно. Добраться до него было невозможно. Но Мильке хотел, чтобы все знали: от МГБ не уйти никому. Враг должен быть наказан любой ценой *этот* закон Мильке усвоил еще в юности.

Официальная биография старого борца, члена политбюро, министра госбезопасности Эриха Мильке его сын Франк знал наизусть.

Отцовские рассказы повторяли написанное в газетах: еще будучи учеником в экспедиторской фирме юный Эрих Мильке пришел к коммунистам, работал репортером в центральной партийной газете «Роте фане», воевал в Испании, во время второй мировой войны вместе с советскими солдатами участвовал в операциях за линией фронта, в 1945-м вернулся в Берлин с Советской Армией.

Однажды Франк Мильке смотрел документальный фильм по западноберлинскому телевидению и узнал, что его отец убил двух полицейских в 1931 году. Он смущенно рассказал о фильме отцу. Он резко ответил:

— Я не был тогда в Берлине.

Но в фильме говорилось, что состоялся суд и Эриху Мильке даже вынесли приговор.

М ильке отмахнулся:

— Им просто надо было меня скомпрометировать.

Эрих Мильке никогда не вспоминал об этой истории, детали которой были хорошо известны только покойному генеральному секретарю Вальтеру Ульбрихту. Даже новый генсек Эрих Хонеккер знал о подвиге Мильке только понаслышке.

Это произошло за два года до прихода нацистов к власти.

На берлинской площади, где стоял Дом Карла Либкнехта — здание центрального комитета компартии Германии, в начале августа 1931 года толпа набросилась на полицейского. Он вытащил пистолет и стал стрелять — жестянщик Фриц Ауге, коммунист по убеждениям, был убит, еще один рабочий — ранен в руку.

В декабре на другой улице был убит еще один рабочий.

Противостояние между полицией и коммунистами переросло в ненависть. Полицейские получали письма с угрозами: «Придет и ваша очередь. Вам отомстят».

На стене седьмого полицейского участка ночью появилась надпись мелом: «За одного застреленного рабочего — двух полицейских».

И подпись — Ротфронт, Союз борцов Красного фронта.

9 августа в Берлине проходил плебисцит — голосование за доверие социал-демократическому правительству Пруссии.

Начальником седьмого участка был капитан полиции Пауль Анлауф, толстяк, которого все называли «Свиной щекой». В полдень он вместе с вахмистром Аугустом Виллигом (кличка «Гусар») объехал свой участок — голосование шло спокойно.

Вечером капитан Анлауф решил еще раз осмотреть свой участок. Вместе с ними решил пойти капитан Франк Ленк.

Перед Домом Либкнехта собралась толпа. За толпой наблюдала группа полицейских. Старший из них предложил капитану вызвать подкрепление и очистить площадь. Капитан не хотел с этим спешить и пошел проверить ситуацию по соседству, где ожидалось собрание членов компартии.

Анлауф шел в середине, справа Виллиг, слева Ленк. Вдруг их окликнули:

— Эй, Гусар, Свиная щека и третий, как там тебя?

Вахмистр Виллиг схватился за пистолет, но поздно — нападавшие стали стрелять. Виллигу попали в колено, в руку и в живот, но он выжил. Капитан Анлауф сразу получил пулю в голову, капитану Ленку попали в спину. Он упал, потом поднялся, добрел до кинотеатра «Вавилон» и там рухнул. Он скончался в карете «скорой помощи».

Когда раздались выстрелы, полицейские, дежурившие возле Дома Либкнехта, решили, что это их обстреливают, и открыли ответный беспорядочный огонь. Люди, стоявшие на площади, в панике разбежались.

Полицейские вызвали подкрепление и стали прочесывать соседние дома. В результате полицейской стрельбы два человека погибли и несколько десятков были ранены. Пока полицейские искали убийц, в Доме Либкнехта редакторы центральной партийной газеты «Роте фане» готовили понедельничный номер.

Но работа над номером была прервана появлением полиции. В пять утра полиция ворвалась в здание, проверила документы всех присутствовавших и конфисковала материалы готовившегося номера, а также партийную картотеку — это сыграло роковую роль в судьбе коммунистов, которые после прихода нацистов к власти ушли в подполье.

Убийство двух полицейских даже на фоне разгоревшегося в Германии насилия было чем-то немыслимым. Капитанов Анлауфа и Ленка хоронили при гигантском стечении народа. Присутствовали министры внутренних дел Германии и Пруссии.

Но на площади Бюлова и в пролетарских районах над полицейскими почти открыто издевались. Для коммунистов месть была сладкой. Стрелявшие исчезли, но мало кто сомневался в том, что это дело рук коммунистов.

20 января 1933 года судьба Германии оказалась в руках национал-социалистов. Полиция получила указание вернуться к нераскрытому делу об убийстве на площади Бюлова.

У следствия была только одна зацепка. В тот вечер, когда произошло убийство, полицейские обнаружили в дождевой бочке

кучера. Его допросили, но он утверждал, что спрятался, испугавшись стрельбы. Кучер был пьяницей и драчуном, но в Веймарской республике этого было недостаточно для того, чтобы сажать человека в тюрьму. Его отпустили.

21 марта 1933 года кучера арестовали и посадили. Теперь полицейские действовали в духе национально-социалистических идей, и кучер вскоре заговорил. Он признался, что участвовал в убийстве полицейских, но сам не стрелял. Он назвал еще одно имя — Макс Матерн.

Когда Матерна арестовали, он все рассказал. Последовали новые аресты. К сентябрю дело было раскрыто полностью.

Организатором убийства был бывший депутат рейхстага от компартии Ханс Киппенберг. Приказ убить полицейских отдал секретарь ЦК Хайнц Нойман, в то время второй человек в компартии после Эрнста Тельмана.

Правоту полицейского вердикта подтвердила со временем изданная в ГДР официальная «История немецкого рабочего движения», где говорилось:

«Враждебное партии действие совершил Хайнц Нойман, когда он совместно с Хансом Киппенбергом организовал убийство двух полицейских. Хайнц Нойман действовал за спиной руководства партии и берлинского окружного комитета. Сославшись на то, что он секретарь ЦК, он приказал таким образом запугать полицию».

С момента начала экономического кризиса 1929 года компартия внушала себе, что Германия находится накануне революции и партии поэтому нужно готовиться к боевым действиям.

Ханс Киппенберг во время первой мировой войны был лейтенантом, в 1920-м вступил в компартию, а в 1923-м руководил рабочим восстанием в Гамбурге. После провала восстания бежал в Советский Союз, прошел там курс военной подготовки и вернулся в Германию. В 1928-м его избрали в рейхстаг, и он стал пользоваться депутатской неприкосновенностью.

Ему подчинялся Союз красных фронтовиков, который должен был стать прообразом немецкой Красной Армии. Но у компартии были и другие боевые организации, которые несли дежурство, охраняли партийные объекты и митинги.

Второй секретарь ЦК компартии Германии Хайнц Нойман, бывший студент-филолог, сидя в тюрьме, выучил русский. В 1922 году, когда он в составе партийной делегации поехал в Москву, то смог разговаривать с советскими лидерами без переводчика. На него обратили внимание, в 1925 году его назначили представителем компартии Германии в Коминтерне.

В 1927 году Москва отправила Ноймана в Китай, где он участвовал в организации Кантонского восстания, которое было подавлено. В 1928 году он вернулся в Германию — уже в качестве человека, который пользуется доверием самого Сталина.

Хайнц Нойман ненавидел полицию. Все началось в мае 1929 года, когда во время несанкционированных митингов и демонстраций полицейские застрелили 33 и ранили 108 человек.

Компартия считала себя мощной организацией, но ничего не могла сделать с полицией. Такие люди, как Хайнц Нойман, не желали с этим мириться.

29 мая 1931 года был открыт ответный счет: полицейский вахмистр получил смертельное ранение в живот. В тот же день ранили еще двоих полицейских.

1 августа во время запрещенной демонстрации берлинской организации КПГ, когда полицейские взялись за оружие, неожиданно в них тоже стали стрелять. Старший вахмистр был тяжело ранен, но выжил.

Когда был застрелен жестянщик Луге, Киппенберг решил, что капитан полиции Анлауф должен ответить своей кровью за смерть коммуниста.

Он разработал план операции: двое добровольцев, по возможности не женатые, берут на себя акцию. Прикрывают их пятеро вооруженных членов партии. А еще восемь невооруженных человек помешают полицейским устроить погоню.

На роль стрелков выбрали 24-летнего техника Эриха Циммера и 23-летнего служащего Эриха Мильке.

Мильке родился 28 декабря 1907 года в Берлине, он был старшим из четырех детей. Он получил бесплатное место в гимназии благодаря успешно сданным экзаменам. Но в 1924 году ушел из гимназии «по собственному желанию, поскольку не по всем предметам соответствовал высоким требованиям школы». Он поступил учеником в экспедиторскую фирму.

В 1925 году он стал членом компартии и одновременно вступил в спортивный рабочий клуб «Фихте». В спортивных клубах компартия и подбирала себе боевые кадры. С апреля 1930 года в клубе начали заниматься военной подготовкой. Когда Мильке остался без работы, он стал сотрудничать с газетой «Роте фане».

В тот день с самого утра вся группа ждала приказа. Но непосредственный руководитель группы никак не мог выбрать подходящий момент. В половине шестого вечера его вызвали в Дом Либкнехта. В своем кабинете злился секретарь ЦК Нойман:

— Что за безобразие! Свиная щека разгуливает по площади, но ничего не происходит. Если бы я поручил это дело Союзу

красных фронтовиков, они бы уже давно все сделали!

В кабинете Ноймана присутствовали еще трое: Ханс Киппенберг, Альберт Кунтц, секретарь парторганизации округа Берлин-Бранденбург, и его коллега Вальтер Ульбрихт, будущий глава ГДР.

Через два часа полицейские были убиты.

Суд разбирал это дело в 19.34 году и признал, что стреляли Циммер и Мильке. Вероятно, стрелял и еще кто-то третий, но точно это установить не удалось.

Сразу после акции Мильке переправили в Советский Союз. Ханса Киппенберга и Хайнца Ноймана, бежавших в Советский Союз после прихода нацистов, в 1937-м расстреляли.

Перед встречей с Габриэле Карличеку — всякий раз по особому распоряжению генерала Вольфа — разрешали побывать на одном секретном объекте министерства государственной безопасности ГДР.

Лес Фрайенбринк, находившийся всего в восьми километрах от Берлина, считался запретной зоной. Лесной массив был окружен высоким забором с колючей проволокой и сторожевыми вышками. За забором, как на границе, распахали контрольно-следовую полосу, ежедневно ее тщательно рыхлили граблями. Солдаты охранного полка имени Феликса Дзержинского стерегли лес от посторонних днем и ночью.

Через контрольно-пропускной пункт в обе стороны непрерывно курсировали грузовики. Иногда прибывали правительственные автомобили.

Сюда свозилось имущество, реквизированное у осужденных граждан ГДР и оставленное восточными немцами, уезжавшими на Запад: мебель, обувь и одежда, драгоценности, радиоприемники, магнитофоны, телевизоры. Сюда поступало то, что сотрудники МГБ забирали на почте. Посылки из ФРГ прямым ходом отправлялись на склад.

Накануне Пасхи и Рождества складским работникам приходилось работать сверхурочно: поток перехваченных посылок был нескончаем. Западногерманская почта часто ошибалась и засылала в ГДР то, что ей не предназначалось. Назад ничто не возвращалось. Пятитонные грузовики курьерской службы МГБ два раза в неделю объезжали окружные управления и свозили перехваченные посылки сюда, на центральный склад.

На складе каждую посылку просвечивали и затем распаковывали. Содержимое раскладывалось на стеллажах. Пустые картонные коробки поступали в производство. В бумажной мельнице они перерабатывались на туалетную бумагу, известную своей несгибаемой твердостью.

Содержимое склада показывало, что западные немцы очень доверяют своей почте. Министерство госбезопасности получало товары прекрасного качества — от новеньких видеомагнитофонов до бесценных коллекций почтовых марок.

Наличные сразу же клались на спецсчет МГБ. Товары передавались для продажи на Западе или поступали в распоряжение политбюро и руководства министерства. Лекарства отправлялись в поликлинику для начальства.

Членам политбюро доставлялись самые дорогие модели современной видеотехники в нераспакованном виде.

Остальные товары поступали в сеть особых магазинов для начальства, где их по небольшой цене могли покупать высшие офицеры МГБ.

Командовал складом генерал-майор Руди Штробель.

Он бдительно следил за тем, чтобы работающие на складе не смели что-нибудь прикарманить.

— Здесь работают не ради денег, а во имя долга, — повторял он.

Каждый выпавший при распечатывании кусок торта или печенья полагалось бросать в специальный бак — для прикормки кабанов, на которых охотился генерал. Поскольку охоту любил сам министр, то она сразу же стала престижным делом в аппарате госбезопасности.

Кроме того, возглавляя склад, генерал обзавелся итальянским «Фиатом», импортной моторной лодкой и за счет государства перестроил домик лесника в дачу с сауной и солярием.

Иногда к нему приезжал кто-то из генералов и спрашивал, нет ли хорошей игрушки для внука. И игрушка всегда находилась. К игрушке обыкновенно присовокуплялась коробка швейцарского шоколада.

Карличеку разрешалось выбрать на складе дорогой подарок для ценного агента, и при каждой встрече Габриэле получала золотое или серебряное колечко, серьги с бриллиантами. Коллеги признавали, что у Карличека был вкус к хорошо сделанным вещам. Заодно он выпрашивал на складе что-нибудь для себя — транзисторный радиоприемник, чистые видеокассеты или хотя бы упаковку голландского или датского пива.

Однажды утром, когда Габриэле пришла на работу, она узнала, что в ГДР бежал сотрудник западногерманской контрразведки — Ханс Иоахим Тидге.

Путь Тидге вниз начался после загадочной смерти жены — Уты. По его словам, во время уборки в ванной она, поскользнувшись, ударилась затылком о раковину, а он был пьян,

и Ута долго пролежала без сознания. Когда жену, наконец, доставили в больницу, спасти ее уже не удалось.

У соседей эта история вызвала пересуды. Они-то знали, что сама Ута тоже была алкоголичкой, что, напившись, супруги дрались. Все знали, что такая никчемная хозяйка, как Ута, никогда не занималась уборкой.

Трое дочерей росли сами по себе.

Тидге купил дом за сто тридцать тысяч марок, хотя денег ему катастрофически не хватало. Чём более что хобби — коллекционирование почтовых марок — обходилось весьма дорого.

Богатая тетушка дала ему в общей сложности сто пятьдесят тысяч марок, и все равно у него образовался долг в тридцать тысяч марок. В конце концов, за неуплату у него отключили телефон. Он не сумел уплатить даже налог на собаку.

Кое-что о его сомнительном поведении становилось известным начальству. Поговаривали о том, что надо бы избавиться от него, но он продолжал работать с таким напором, что расстаться с ним было невозможно.

Тидге ушел сам.

В пятницу он не пришел на работу. На звонки испуганные дочери отвечали, что не знают, где он. В понедельник Тидге вдруг сам позвонил секретарю и сказал, что болен.

Он действительно страдал диабетом, сердечно-сосудистыми заболеваниями. У него было высокое давление и избыточный вес, что не помешало ему в тот же понедельник до позднего вечера пить и играть в скат в любимой пивной. Потом он занял двести марок у хозяина и сел в такси. Водитель высадил его на трамвайной остановке, и там Тидге исчез навсегда.

Скоро выяснилось, что он отправился прямиком в ГДР где выложил все, что знал, генералу Вольфу и его людям.

Ему были известны детали 817 разведывательных операций, из них 110 были в стадии проведения. Он назвал имена четырех западногерманских агентов, работавших внутри ГДР Их сразу арестовали.

Тидге знал легенды всех доверенных людей западногерманской контрразведки, которые ездили в ГДР под чужим именем, он знал конспиративные квартиры контрразведки, номера телефонов и системы шифровки, все места тайных встреч на территории ГДР методику контрразведывательной работы, образ действий западногерманских контрразведчиков, номерные знаки автомобилей, принадлежавших Ведомству по охране конституции. Иначе говоря, ущерб от его побега был огромен.

Он также сообщил, что ему поручили искать женщину-агента,

о которой рассказал бежавший на Запад бывший обер-лейтенант госбезопасности Шиллер.

Тидге поклялся Вольфу, что уничтожил все следы, которые вели к этой женщине, и теперь западногерманская контрразведка никогда ее не найдет.

Бегство Тидге в ГДР было величайшим позором для западногерманской контрразведки.

Чтобы исправить положение и как-то ответить на побег Тидге, контрразведка арестовала сразу двух агентов Маркуса Вольфа. Оба агента были женщинами, секретарями в западногерманских ведомствах.

Габриэле, как и других сотрудников восточного отдела, познакомили с подробным докладом об этих делах.

Агент по имени Маргарете работала в ведомстве федерального президента и имела доступ к документам с грифом «секретно».

Ее завербовал некий Франц, профессиональный вербовщик, который переехал в ГДР из ФРГ в 1966 году. «Красавчик Франц» работал в классическом амплуа, придуман ном Вольфом: выискивал одиноких и застенчивых секретарш. Тридцатипятилетняя Маргарете попалась в его сети. Франц вскоре стал демонстрировать свое охлаждение, заставляя оплачивать возвращение к влюбленной в него женщине секретными документами. Деньги ее не интересовали, она только хотела сохранить Франца.

Он вручил ей изготовленную умельцами из МГБ ГДР сумку с потайными отделениями — такую же получила Габриэле, но сумка не понадобилась. Маргарете преспокойно выносила документы в своей дамской сумочке. Никто и никогда не попросил ее открыть сумку.

Ее связь с Францем продолжалась пятнадцать лет.

— Это были отношения на всю жизнь, — плача, сказала Маргарете на суде. — Он был первым человеком, который выслушал меня, которому не были безразличны мои проблемы.

Ее долго держали под наблюдением, но после бегства Тидге арестовали. Одновременно задержали и девушку по имени Эльке, секретаря министра экономики. Контрразведка следила за ней несколько месяцев, стараясь выявить все ее связи, но тут пришел приказ срочно ее арестовать.

Эльке было 28 лет, когда по совету матери она дала объявление в газету: «Темпераментная Ева ищет соответствующего мужа». Из трех десятков писем она выбрала три. Одним из написавших был человек, назвавшийся Герхардом. Он красиво философствовал о внутренних ценностях человека.

— Я сразу поняла, что нашла нужного человека, — сказала Эльке на суде.

Герхард умел пробуждать в женщине чувства и бессовестно их эксплуатировал. По его настоянию в первый же отпуск, который они намеревались провести вместе, Эльке привезла обручальные кольца. Он признался, что женат на другой, но тут же сказал, что отныне перед Богом они муж и жена.

Он рассказал ей, что работает на разведку ГДР, но Эльке думала только о том, как бы его не потерять.

Герхард убедил ее завести ребенка, сказав, что для него это единственная возможность убедить начальство разрешить ему жениться на ней. С фальшивыми документами она приехала в Восточный Берлин, где два офицера разведки фактически заставили ее сделать аборт.

И тогда она решила, что ее любовник — тоже жертва произвола начальства, и это еще сильнее привязало ее к нему.

После этой, как ей казалось, совместной драмы она согласилась работать на разведку. Их отношения с Герхардом продолжались десять лет.

Министерство госбезопасности ГДР двадцать один раз оплачивало их совместный отпуск, причем они могли выбрать любой мировой курорт. Совместные поездки с Герхардом и были платой за ее предательство.

Много раз она говорила, что желает перестать шпионить, и всякий раз Герхарду в постели удавалось ее переубедить. Однажды она получила от него сапфировый! перстень ко дню рождения в контейнере, в котором она обычно оставляла свои донесения. Эти знаки внимания действовали на нее так сильно, что она продолжала копировать секретные документы.

Несмотря на обман, на душевные травмы, она его ни в чем никогда не обвиняла. Даже на суде она не пыталась ничего на него свалить.

Маркус Вольф был неутомим на выдумки. Но для многих его агентов игры в разведчиков заканчивались трагически.

Габриэле сразу вспомнила печальную историю Леоноре Зюттерлин, которая работала секретарем в министерстве иностранных дел.

Она повесилась в тюрьме после того, как ей продемонстрировали показания ее горячо любимого мужа Хайнца, который ее и завербовал: он признался на следствии, что женился на Леоноре по приказу министерства госбезопасности ГДР До ареста она успела передать восточногерманской разведке три с половиной тысячи секретных документов.

За завтраком — он любил сладкое, например, сливовый мусс,

а к нему чашку кофе — министр государственной безопасности ГДР Эрих Мильке читал газеты и иллюстрированные журналы из ФРГ. Это была одна из привилегий его высокого поста. Остальные восточные немцы не имели права читать реакционную западную прессу.

Читая, Мильке часто повторял вслух:

— Удивительно, как много они знают о нас, черт возьми!

В министерской столовой он время от времени обращался к своим подчиненным:

— Вы уже читали статью в последнем номере «Шпигеля»? Вам надо прочесть. Очень интересно!

Сын Мильке Франк тоже испытывал желание полистать западный журнальчик, но не решался попросить разрешения. Для отца это была работа, для него развлечение. Франк Мильке был настоящим немецким сыном, он не хотел ставить отца в неудобное положение. Мильке-старший скорее всего бы отказал:

— Зачем тебе это читать? Тебе это не нужно.

Сына он называл на русский манер «Франкушка».

Эрих Мильке был фанатиком чистоты. Он требовал, чтобы дом содержался в чистоте. Он неустанно учил сына:

— Уход за полостью рта, чистая обувь. Костюм повесить на плечики, на брюках должна быть складка, рубашки складывать точно по сгибу.

Все указания отца выполнялись беспрекословно. Пятно, соринка, ниточка на рукаве или небрежно повязанный галстук, вообще любая неаккуратность выводили Мильке из себя.

За столом он постоянно командовал:

— Смотри не капни! Осторожнее! Не попади локтем в суп, когда передаешь хлеб.

В стаканчике на его письменном столе дома стояли только хорошо отточенные карандаши. Когда Франк из озорства поставил среди них незаточенный, бдительный Мильке немедленно выловил чужака и, раздраженный, позвал жену:

— А этот как сюда попал?

Это был настоящий немецкий дом, где во всем должен быть порядок. Отношение отца к сыну зависело от успехов Мильке-младшего — сначала в школе, затем в институте. Любое поощрение, доброе слово, несколько марок на карманные расходы — только в качестве вознаграждения за хорошие оценки и одобрение учителей.

Сын Мильке Франк, невероятно похожий на отца, стал врачом-терапевтом и был принят в кадры госбезопасности.

— Хочешь быть врачом? — поинтересовался Мильке планами сына, заканчивавшего школу. — Приходи к нам. Нам нужны

хорошие врачи, нам надо заботиться о товарищах.

Мильке то и дело повторял сыну:

— Только если ты чего-то достигнешь, ты будешь иметь право на особое место в обществе. Но самое главное — учись! Я вырос в капиталистической системе и все равно учился. И мне это, как видишь, не повредило.

Франк быстро дослужился до майора и благодаря погонам, которые никогда не носил (форму он надевал в исключительных случаях), получал значительно больше денег, чем любой другой врач в ГДР Обязательную для всех молодых немцев срочную службу в армии он проходил в охранном полку имени Феликса Дзержинского, который подчинялся его отцу.

Министр Мильке гордился сыном. Франк Мильке был чемпионом ГДР по автогонкам. Он выступал на автомобилях марки «Вартбург» и получал машины прямо с завода. По машины были плохого качества. В одной из гонок все три «Вартбурга» не дошли до финиша. Франк был вне себя и пожаловался отцу:

— Почему у нас выбрасывают деньги на ветер? Как они умудряются делать такие машины, которые все ломаются?

Мильке приказал начальнику 17-го управления министерства госбезопасности, которое ведало народным хозяйством, разобраться с качеством автомобилей. Через месяц ему доложили, что на заводе действовала группа саботажников, ее руководители арестованы.

Правительство Западной Германии тратило большие деньги, чтобы вызволить политических заключенных из тюрем ГДР. Для Восточной Германии это был важный источник свободно конвертируемой валюты. Каждый год власти ГДР выпускали определенное число осужденных и получали за это западные марки.

Однажды к Габриэле привели одного из тех, кого выкупили у ГДР. Начальник отдела распорядился, чтобы он рассказал Габриэле о работе следственного аппарата МГБ.

Он был экономистом на автомобильном заводе «Вартбург». Один из сотрудников написал на него донос, обвинив в том, что он нарушает технологический процесс. Его арестовали.

Следствие продолжалось одиннадцать месяцев. Его держали в большой одиночке площадью десять квадратных метров без окон. Только следственная тюрьма МГБ Хёеншёнхаузен имела подземелье, где чертовски холодно становилось даже опытным сотрудникам МГБ.

Днем его допрашивали сменявшие друг друга офицеры. Снова и снова они задавали ему одни и те же вопросы.

Ему угрожали:

— Больше полугода здесь никто не выдерживал. Здоровья не хватало. Подумайте об этом. Имейте в виду, что для нас это всего лишь работа, а для вас — это жизнь.

Его даже не избивали. Хватило психологического давления. Следователи продвигались вперед шаг за шагом. И, в конце концов, его сопротивление было сломлено. Он дошел до такого состояния, когда сам стал сомневаться в собственной невиновности, и подписал признание.

— Зачем же вы это сделали? — спросила Габриэле.

— Только для того, чтобы когда-нибудь выйти из камеры живым, — ответил он. Вы думаете, я один такой? У всех, кто живет в ГДР, ощущение, что во тьме притаился враг, который может раздавить тебя в любой момент. Это чувство останется навсегда.

Эта встреча оставила у Габриэле отвратительный осадок. Она хотела тогда поговорить с Вольфом или хотя бы с Карличеком и получить от них какие-то объяснения. Но когда подошло время отпуска, история инженера с автомобильного завода «Вартбург» как-то забылась.

Жизнь Габриэле изменилась в 1980 году, когда она взяла на воспитание мальчика-инвалида — он страдал детским параличом. Для новой жизни она купила домик. И родители, и сотрудники Вольфа пытались отговорить ее, но безуспешно. Габриэле была слишком волевой женщиной, чтобы ей можно было руководить.

Молодая и здоровая женщина, она не завела другого мужчину, храня верность Карличеку, но стремление иметь семью, детей, о ком-то заботиться пересилило. Больной мальчик, как ни странно это звучит, скрасил ей жизнь.

В первый же день он упал с лестницы, жестоко ударился. Она прибежала, помогла ему встать, ласково погладила по голове. Еще глотая слезы, он чувствовал радость и счастье. У него была мама. Она заботилась о нем, она любила его, он знал, что она его никогда не бросит.

Утром, до работы, Габриэле отвозила его в школу, вечером забирала. Ради себя она никогда не становилась к плите, обедала на работе, а в выходные дни ходила в ресторанчик. Теперь каждый день она что-нибудь готовила.

Она каждый день мыла своего мальчика, потому что он не мог обойтись без помощи. Раз в неделю возила в поликлинику. В понедельник и четверг к ним приходила медицинская сестра, чтобы сделать мальчику массаж. Это стоило больших денег, но Габриэле охотно их тратила на мальчика.

В 1986 году Габриэле в последний раз видела Маркуса

Вольфа, который уже готовился уйти в отставку. Генерал был откровенен со своим агентом. Он считал, что ГДР должна идти по пути Советского Союза, что Восточной Германии тоже нужна перестройка, но в ЦК СЕПГ об этом и слышать не хотели.

Вольф, понимая, что они, возможно, больше не увидятся, в торжественной обстановке вручил своей главной шпионке восточногерманские ордена и почетные грамоты, которые Габриэле, естественно, не могла взять с собой. Она только поглядела на них и отдала сотруднику секретариата Вольфа.

Ордена должны были храниться в сейфе управления кадров МГБ и ждать ее переезда в ГДР.

Вскоре она узнала, что Вольф ушел в отставку с поста заместителя министра государственной безопасности и начальника главного разведывательного управления. Ей даже пришлось написать по этому поводу небольшой аналитический материал — для своего начальства в Пуллахе. Когда она писала доклад, в какой-то момент даже пожалела, что лишена возможности подкрепить свои оценки опытом личного общения с генералом Вольфом…

Габриэле продолжала работать на восточногерманскую разведку — ради Карличека. Ее любовь к нему стала более ровной, спокойной, не менее сильной.

Габриэле иногда думала о том, что невозможно совершенно освободиться от ревности, от страха потерять мужчину, остаться одной. Ей снилось, что ее бросают, оставляют, что Карличек уходит от нее с другой женщиной. В глазах женщины мужчина даже в ревности свободнее. У мужчины всегда есть выбор. Всегда решает мужчина.

Но мысль о том, что у Карличека может быть другая женщина, казалась ей невероятной. Другое тяготило и мучило ее. На улице она невольно обращала внимание на супружеские пары, которые рука об руку отправлялись домой. Этого обычного счастья она была лишена.

В конце 1989 года Габриэле впервые по-настоящему испугалась.

Штаб-квартира западногерманской разведки была завалена материалами, из которых следовало, что Восточная Германия рушится. Объединение двух Германий становилось возможным и реальным.

С одной стороны, Габриэле надеялась на то, что они с Карличеком наконец смогут объединиться. Но в то же время она боялась, что теперь все может выйти наружу. Что же с ней будет, если в Бонне узнают, что она двадцать лет работала на восточногерманскую разведку?

Ее коллеги только и обсуждали что события в ГДР Габриэле не участвовала в этих дискуссиях. Для нее все это было слишком серьезно. Сразу после конца рабочего дня она спешила домой, где ее ждал приемный сын. Ближе к ночи она усаживалась на кухне и включала радиоприемник, настроенный на волну 90 метров.

Несколько месяцев после крушения берлинской стены она тщетно ждала известий от Карличека. Радиостанция главного разведывательного управления ГДР молчала. Наконец, в январе 1990 года она получила шифрованное приглашение приехать в Австрию, в Инсбрук.

Там ее ждал Карличек. Впервые встреча получилась грустной и безрадостной.

Она боялась разоблачения и просила уничтожить все документы, имеющие к ней отношение.

Он думал только о своем будущем. Карличек еще верил, что брожение в ГДР можно обуздать, что через какое-то время порядок восстановится и все вернется на круги своя.

Карличек проделал большой для гражданина ГДР путь от автослесаря до офицера особого назначения и не хотел еще раз проделать этот путь в обратном направлении. Но 18 марта 1990 года на выборах в ГДР выиграли христианские демократы, сторонники объединения Германии, и исчезла последняя возможность спасти систему госбезопасности.

Вскоре Габриэле получила шифрограмму: ее вновь приглашали присоединиться к своим друзьям в Австрии, на сей раз встреча была назначена в Зальцбурге.

В ресторане неподалеку от города она пообедала в обществе Карличека и его нового начальника — моложавого полковника.

Это был прощальный официальный обед. Между супом и десертом полковник поблагодарил Габриэле за многолетнюю самоотверженную работу на разведку ГДР. Понизив голос, он сказал ей, что ее труд никогда не будет забыт. Несмотря ни на что, ее деятельность не была напрасной: она работала на благо мира.

Служба Габриэле Вурст на восточногерманскую разведку закончилась.

Красивые слова не интересовали Габриэле. Она хотела услышать, что сделано ради ее безопасности. Полковник уверял ее, что ей совершенно не о чем беспокоиться.

— Все дела, где упоминалась полученная от вас информация, все доказательства сотрудничества — пленки, фотографии, короче, все материалы — уничтожены. Я в этом лично убедился, — говорил он. — Вы можете спокойно служить в Пуллахе до самой пенсии, как будто бы ничего и не было.

Обещаю вам: никто и никогда ничего не узнает. Все, что вы должны сделать, это прервать все контакты с сотрудниками МГБ.

Габриэле не собиралась это делать. Она решила, что в это смутное время они с Карличеком больше чем когда бы то ни было нужны друг другу.

После обеда полковник дал им возможность поговорить наедине. Прощаясь, Габриэле и Карличек решили, что встретятся в мае. И опять в Инсбруке, чтобы окончательно решить, как им жить дальше.

В мае Карличек уже ни о чем не спрашивал Габриэле. Его больше не интересовали ни секретная информация, ни служебные документы западногерманской разведки.

Он остался без работы. ГДР гибла, и 85 тысяч сотрудников министерства государственной безопасности ощутили это первыми.

Целыми днями Габриэле и Карличек гуляли по романтическому австрийскому городу среди цветущих деревьев, не подозревая о том, что в следующий раз они увидятся в тюрьме.

Наиболее умелые сослуживцы Карличека уже пошли на поклон к своим недавним врагам в Западной Германии, наперебой предлагая свои услуги.

В конце августа в штаб-квартире западногерманской разведки появился бывший капитан госбезопасности Карл-Кристоф Рейсснер. Он работал в информационно-аналитическом отделе главного разведывательного управления ГДР и имел дело в том числе и с информацией, поступавшей от агента «Гизела».

Рейсснер был сыном секретаря окружкома партии из Лейпцига, и после окончания разведывательной школы его определили в оперативный отдел. Он должен был поехать в Лондон и работать под посольским прикрытием. Для начала его послали на стажировку в Англию, но кончилась она для него плохо. Он растратил деньги, которые получил в резидентуре для вербовки потенциального агента.

Резидент сразу же отправил его назад в Берлин. В таких случаях Маркус Вольф немедленно расставался с работниками и даже увольнял их, но в данном случае сработали отцовские партийные связи. Вольфу пришлось оставить Рейсснера в центральном аппарате. Но из оперативного отдела его перевели в информационно-аналитический, где скапливались ветераны и провалившиеся агенты. Надежда поехать на работу за границу испарилась.

Рейсснер пробыл в Англии всего два месяца, но вспоминал о ней годами. Теперь ему представилась возможность отомстить Вольфу.

В отличие от других перебежчиков, набивавших себе цену, он действительно располагал информацией, которая произвела впечатление на западных немцев.

Он рассказал о таинственном любимом агенте Вольфа — женщине, которая многие годы поставляла самую важную информацию из Федеральной разведывательной службы.

Он назвал ее псевдоним — «Гизела». Настоящее имя он не знал, но он дал достаточно точное описание: ей около сорока лет, она не замужем, защитила диссертацию и усыновила ребенка-инвалида.

Под это описание подходила только Габриэле Вурст.

В это время Габриэле находилась в отпуске в Швейцарии. Она ничего не знала о появлении в Пуллахе бывшего капитана госбезопасности Рейсснера. Если бы она была на месте, то, может быть, успела бы спастись…

Министра внутренних дел ФРГ и министра обороны его подчиненные из контрразведки и военной контрразведки старались вообще не ставить в известность о своих оперативных делах, чтобы избавить его от необходимости врать бундестагу и прессе. Министру такая игра нравилась:

— Послушайте, — говорил он обычно начальнику контрразведки. — Лучше бы вы меня ни во что не посвящали.

Но в данном случае без министра никак нельзя было обойтись. Выслушав начальника контрразведки, министр снял трубку спецсвязи и набрал прямой номер телефона канцлера.

Когда Габриэле вернулась из отпуска, за ней сразу же установили наблюдение. Контрразведка перехватывала ее почту, прослушивала ее телефон.

В последнюю субботу сентября ей внезапно позвонил домой Карличек. Не называя себя, он предложил встретиться. На следующий день Габриэле села в машину и поехала в сторону Австрии.

Контрразведка была обеспокоена: Габриэле нельзя выпустить за границу. Если она окажется в Австрии, ее не удастся даже допросить, потому что Австрия не выдает никого, кто обвиняется в политических преступлениях, в том числе и в шпионаже.

Габриэле решили брать на границе. Служащий пограничной полиции, проверявший документы, попросил ее:

— Предъявите, пожалуйста, ваши водительские права и паспорт на машину.

Она не глядя протянула ему документы.

Он просмотрел их и опять нагнулся к окошку:

— Будьте любезны пройти вслед за мной.

Габриэле вышла из машины. Она ничего не подозревала.

«Вероятно, я превысила скорость на автобане», — подумала она.

В домике пограничной полиции ее ожидали мужчина и женщина:

— Вам предъявляется ордер на арест, фрау Вурст.

Ее арестовали за три дня до воссоединения Германии.

А по дорожке заброшенного сада одиноко вышагивал старый человек. Он глубоко надвинул шляпу на глаза, ссутулился, его глаза были прикованы к земле. Рядом с ним шла его жена — она боялась отпускать мужа одного. Ее очень заботило состояние мужа, который еще недавно был на этой земле человеком номер два.

Врачи нашли у него общий склероз, подагру, старческое слабоумие и болезнь Паркинсона, выражающуюся в замедленности движений и обеднении мимики.

Эксперты пришли к уничтожающему выводу: «Мыслительные способности ограничены кругом повседневных и эгоистических проблем. При оценках исходит из привычной точки зрения. Очевидно полное непонимание настоящего положения вещей».

Лишь одно чувство еще проникало в затемненное сознание отстраненного от власти человека — чувство, которое прежде в стране испытывали все, кроме него самого, — чувство страха.

Он впервые ощутил страх не тогда, когда его арестовали, а после того, как генеральный прокурор выпустил его из тюрьмы — из-за невозможности держать его под стражей по причине плохого здоровья. Он стал бояться собственных сограждан.

Бывший министр государственной безопасности Эрих Мильке больше не отваживался даже по ночам подышать воздухом с крошечного балкона. Он боялся подойти к окну своей квартиры на четвертом этаже недавно выстроенного дома. Он рисковал говорить только шепотом. Но жена была глуховата, а сын, навещавший его, приходил не так уж часто.

Часами Эрих Мильке смотрел застывшим взглядом в телевизор, оживляясь только тогда, когда показывали футбольный матч и играло его любимое берлинское «Динамо».

Если семья пыталась поговорить с ним о том, что происходит в стране, он сначала сердился, а затем, недослушав, вдруг проявлял жгучий интерес к тому, куда запропастилась его щетка для обуви.

В тюрьме Мильке сильно изменился. Тюремным надзирателям он казался сумасшедшим. Сидя в одиночке, он громким голосом подавал команды несуществующим подчиненным. Он постоянно требовал, чтобы ему установили в камере телефон. Наконец, начальник тюрьмы приказал принести ему какой-нибудь старый аппарат. С того дня Мильке часами

говорил в трубку аппарата, который ни к чему не был подсоединен.

Когда Мильке сидел в тюрьме, сын один-единственный раз получил право на свидание с ним.

— Ты еще уважаешь меня? — спросил Мильке сына. — Или ты тоже меня осуждаешь?

— Нет, папа, — ответил Франк, — я на твоей стороне.

Он обнял отца, несмотря на запрет. Тюремный контролер смотрел в сторону.

Франк Мильке защитил диссертацию на тему «Асоциальные нарушения поведения при бегстве из ГДР» — работа была немедленно засекречена. Он поступил врачом в больницу «Шарите», затем перешел в Центральный институт сердечно-сосудистых заболеваний.

Франк Мильке жил в правительственном поселке Вандлиц с фантастическим видом на маленькое озеро. Отец подарил ему на свадьбу японскую видеосистему и телевизор со спецсклада министерства госбезопасности в лесу Фрайенбринк. Свадьбу сыграли в одной из резиденций для государственных приемов.

Даже отделившись от отца. Франк не утратил своих привилегий. Он по-прежнему покупал в январе в спецмагазине свежую клубнику по смехотворной цене и забирал у отца баночки с черной икрой, которую регулярно привозили из представительства КГБ в ГДР Врачи запретили Мильке-старшему есть икру из-за подагры, так что она вся доставалась семейству сына.

В декабре 1989 года в берлинской газете появилась первая статья о быте министра госбезопасности Эриха Мильке, в которой упоминалось о том, что его сын-врач на самом деле майор госбезопасности.

Через день на доске объявлений в институте сердечно-сосудистых заболеваний появилось подписанное многими врачами послание, адресованное Франку:

«Г-н доктор Мильке, мы требуем, чтобы вы покинули институт. Не позорьте наш прекрасный коллектив».

О том, что его выгоняют. Франк по привычке доложил своему начальнику в МГБ. Тот еще хорохорился:

— Черт с ними. Подавай заявление, а мы подумаем, куда тебя скоренько устроить.

Когда ГДР рухнула, в деле майора Франка Мильке ничего не оказалось. Оно было практически пустым. Видимо, отец в последний раз позаботился о сыне.

Как опытный врач-ревматолог Франк нашел себе место в одной из берлинских клиник.

Вечерами он рассматривал отцовские альбомы с фотографиями. В одном из конвертов вместе со снимком, запечатлевшим Эриха Мильке рядом с поверженным кабаном, лежал листок из отрывного календаря. На нем аккуратным почерком министра было написано несколько строчек из Гёте:

«Если мы принимаем людей только такими,
каковы они есть,
то мы делаем их хуже;
когда мы обращаемся с ними,
как если бы они были тем, что должны быть,
то мы приводим их к тому,
к чему они должны быть приведены».

Следствие по делу Габриэле вело баварское земельное ведомство уголовной полиции.

Самым тяжелым для нее был обыск в ее доме. Растерянный больной ребенок с ужасом наблюдал за тем, как полицейские выворачивали наизнанку их домик. Они обследовали каждый ящик, каждую книгу, папку и сумку, каждый тюбик зубной пасты и даже баллончик с дезодорантом. Они поминутно спрашивали:

— Где вы храните шифровальные блокноты и фотоаппарат?

Полиция конфисковала ее радиоприемник с коротковолновым диапазоном.

В это же самое время тщательно обыскали и ее рабочий кабинет в Пуллахе, но уже без участия Габриэле.

Габриэле отправили в следственную тюрьму в пригороде Мюнхена. Она сидела в камере № 326 площадью в восемь квадратных метров.

Следствие шло целый год. Раз в неделю ее могли навещать мать и брат. Почти каждую неделю приходил 15-летний сын. Родные не подозревали о ее двойной жизни и были потрясены арестом Габриэле.

Бессонными ночами она думала о своей жизни. Хуже всего было то, что Карличек так и не дал о себе знать после ее ареста. Она чувствовала себя брошенной в беде.

Страшные сомнения закрались в ее душу.

Неужели Карличек тоже был «красным Казановой», профессиональным соблазнителем, одним из многих вербовщиков Маркуса Вольфа?

Это так не вязалось со всем обликом Карличека, которого она считала простым и честным человеком. Но может ли она сказать, что знала его по-настоящему? Был ли он с ней искренен или же использовал ее по заданию госбезопасности?

Во время допроса следователь назвал ей настоящие имя и фамилию Карличека. У него, оказывается, в ГДР была семья.

В прежние времена Габриэле бы обменяли на какого-нибудь западного шпиона, арестованного в Восточной Европе. Она приехала бы в ГДР в роли героического борца за мир. Даже Гюнтера Гийома, арестованного в 1974 году, через шесть лет обменяли, и он отправился в ГДР.

Но теперь некому было о ней позаботиться. ГДР больше не существовало, и сам Маркус Вольф думал только о том, как избежать самому суда.

— Что мне грозит? — спросила Габриэле у следователя.

— Обычный приговор в таких случаях: от восьми до десяти лет. Но, может быть, в вашем случае суд будет снисходителен и даст лет семь.

В камере Габриэле решила, что должна научиться владеть собой до такой степени, чтобы спокойно встретить приговор. Она подсчитала, что когда выйдет из тюрьмы, ей будет всего пятьдесят пять лет.

Она подбадривала себя: «На худой конец я всегда могу управлять хозяйством какого-нибудь горного приюта».

Может быть, ей следовало с самого начала избрать более женскую профессию или просто выйти замуж? Ведь когда-то юная Габриэле собиралась стать домохозяйкой.

Ее судила третья палата по уголовным делам земельного суда Баварии.

На скамье подсудимых она по-прежнему казалась привлекательной женщиной: 48-летняя шатенка с волнистыми волосами, стройная фигура, модные очки. Лицо несколько бледно — результат того, что она провела год в следственной тюрьме. Во время процесса она следила за показаниями свидетелей, вела записи и защищалась активно.

Наискосок от нее сидел второй подсудимый — Карличек, 56-летний бывший майор МГБ. Двадцать лет этот приземистый саксонец был ее любовником, почти что мужем. Теперь он едва удостаивал ее взглядом. Во время перерывов он демонстративно ее избегал. После крушения ГДР он потерял к ней всякий интерес. Габриэле не была женщиной его романа. Он не любил Габриэле, он выполнял приказ.

Через адвоката Карличек передал Габриэле, что совместного будущего у них не будет.

Это ее сразило. Теперь, когда она так нуждалась в человеческом участии, она узнала, что ее бросил единственный близкий ей человек. Ради него она стала шпионкой и разрушила свою жизнь, а он даже не назвал ей своего подлинного имени.

В управлении госбезопасности в Лейпциге Карличеку, недалекому и неперспективному офицеру, все эти двадцать лет страшно завидовали: он нашел себе неплохую работу — раз в год в красивом месте и при хороших харчах на казенный счет обслуживать в постели западную немку. Остальные одиннадцать месяцев Карличек бил баклуши. Товарищи по партии и МГБ не могли понять, что же она в нем нашла.

Вдень, когда Габриэле вынесли приговор, западногерманская разведка практически не работала. Все обсуждали ее судьбу и судьбу ее шефа, которого после обеда вызвали к начальнику и отправили в отставку.

Директор Федеральной разведывательной службы, любитель трубок, альпинизма и игры в скат, заявил: тому, кто за двадцать лет не сумел разоблачить иностранную шпионку, тут делать нечего. Директор уже ввел в штат службы психолога, который должен выявить слабые звенья в аппарате разведки и спасти ведомство от внутренних врагов.

Бывший начальник Габриэле в последний раз приехал домой на служебной автомашине.

Дети с сочувствием и тревогой смотрели на отца. Жена принесла ему пива в глиняной кружке. Телефон звонил поминутно.

— Нет, — однообразно отвечала его жена, — пожалуйста, перезвоните попозже. Он чувствует себя хорошо, просто он очень занят.

Соседи принесли цветы.

Он посмотрел программу новостей по телевидению, которая началась с сообщения о вынесении приговора Габриэле, и выключил телевизор.

После вынесения приговора Габриэле узнала, что начальник ее отдела в Федеральной разведывательной службе уволен в отставку. Она искренне жалела этого вполне приличного человека, которому невольно сломала жизнь. И она была потрясена, когда узнала, что он взял на воспитание ее ребенка-инвалида.

Брошенная любимым человеком, Габриэле, сидя в тюрьме, думала теперь только о несчастном мальчике, как замерзающий путник холодной зимой вспоминает о своем доме, теплом и уютном, но, увы, недостижимом.

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ЖИЗНИ

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

СУПЕР-ШПИОНКИ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Надежда Васильевна Плевицкая, замечательная русская певица, исполнительница народных песен.

Ее любил слушать император Николай Второй, ею восхищались Шаляпин и Собинов. Она была кумиром Белой армии, затем эмигрантской молодежи.

Надежда Плевицкая работала на советскую разведку. Ее завербовали в Париже вместе с мужем, генералом Николаем Скоблиным

В 1937 году французские власти арестовали Плевицкую и приговорили ее к 20-и годам каторжных работ.

Спустя три года, забытая всеми, она умерла во французской каторжной тюрьме.

Легендарный создатель разведки ГДР Маркус Вольф считал Габризле Гаст своим лучшим агентом.

Она занимала высокие должности в западно-германской разведке. Но стала шпионкой ГДР ради любви к человеку, который на самом деле был офицером-вербовщиком разведки ГДР. Только на скамье подсудимых она узнала его подлинное имя и должность.

В 1991-м году суд ФРГ приговорил ее к длительному тюремному заключению.

Она и сейчас в тюрьме.

Издательство «Гея»

notes

Примечания

1

Существуют и другие точки прения, что генерал Скоблин погиб по время бомбардировки Барселоны германской авиацией. Чекистам не было необходимости его ликвидировать, поскольку Лубянка планировала использовать его в пропагандистских целях по разоблачению РОВС. — Прим. ред.